

А. Х. Горфункель
Н. И. Николаев

НЕОТЧУЖДАЕМАЯ ЦЕННОСТЬ

*Рассказы
о книжных редкостях
университетской библиотеки*

SABERTIA

CONSTANTINOPLE

90 коп.

6
889974

4611
Г70

842604

Издательство Ленинградского университета

**ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока**

		84-2604/04		

Тип. им. Котлякова, 4 — 5000000. 1983 г. ЛГ-087-01-589.
Цена 9 р. 88 к. за 100 экз.

Г. Браун. Атлас городов, т. 3. Нюрнберг, 1593, Фронтиспис.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени А. А. ЖДАНОВА

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА имени М. ГОРЬКОГО

А. Х. Горфункель

Н. И. Николаев

НЕОТЧУЖДАЕМАЯ ЦЕННОСТЬ

*Рассказы
о книжных редкостях
университетской библиотеки*

Ленинград
Издательство Ленинградского университета
1984

88997

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Ленинградского университета

Книга знакомит читателей с сокровищами, хранящимися в отделе редких книг Научной библиотеки Ленинградского университета: с интересными коллекциями книг, частными книжными собраниями ученых и библиофилов, особо ценными экземплярами редких книг. Очерки, составляющие книгу, охватывают всю двухсотлетнюю историю библиотеки от ее основания до археографических экспедиций 80-х годов.

Книга рассчитана на работников библиотек, историков, филологов, книголюбов, на широкий круг читателей, интересующихся книжными редкостями.

Рецензенты: докт. филол. наук А. М. Панченко (Ин-т рус. лит. АН СССР), канд. ист. наук Л. Л. Альбина (Гос. публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина), канд. ист. наук Ю. Д. Марголис (Ленингр. ун-т).

842604

04 92 ИБ № 1871

Александр Хаимович Горфункель, Николай Иванович Николаев

Неотчуждаемая ценность

Рассказы о книжных редкостях
университетской библиотеки

Редактор Л. А. Стопцова
Художественный редактор О. Н. Советникова
Технический редактор А. В. Борщева
Корректоры В. А. Латыгина, Э. Ю. Серая

Сдано в набор 10.10.83. Подписано в печать 05.03.84. М-26206. Формат бум. 60×90^{1/4}. Бумага тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 11+2 п. вкл. на мелов. бумаге. Усл. кр.-отт. 13,19. Уч.-изд. л. 13,95. Тираж 10 000 экз. Заказ № 398. Цена 90 коп.

Издательство ЛГУ имени А. А. Жданова. 199164, Ленинград,
Университетская наб., 7/9.

Типография Издательства ЛГУ имени А. А. Жданова. 199164, Ленинград,
Университетская наб., 7/9.

Г 450300000—066
076(02)—83 138—84

© Издательство
Ленинградского
университета.
1984 г.

6
88997

Каждая картина, взятая в галерею, и каждая порядочная книга, попавшая в библиотеку, как бы они малы ни были, служат великому делу — скоплению в стране богатств.

А. П. Чехов

ПРЕДИСЛОВИЕ

редких книгах пишут сейчас немало: в некоторых газетах и журналах сообщения о находках старинных рукописей и редких изданий получили права почти постоянной рубрики. Это и понятно: во внимании к книжным редкостям проявляется глубокий интерес общественности к культурной традиции, забота об охране памятников истории и культуры.

Помещенные в предлагаемой книге очерки связаны с историей одного книгохранилища — Научной библиотеки Ленинградского университета, насчитывающей два столетия непрерывного существования.

Имеются разные способы знакомить читающую публику с составом книжных собраний — это и путеводители по отделам редких книг, и альбомы репродукций наиболее ценных изданий, и научные каталоги, и обзоры хранящихся в библиотеке коллекций. В этих небольших очерках речь идет о некоторых эпизодах из истории книги, о происхождении и особенностях коллекций и отдельных экземпляров в связи с историей библиотеки в целом. Ни одна книжная сокровищница не может быть достойным образом представлена простым перечнем уникальных экземпляров, и в то же время ни одно издание не может быть верно оценено вне своего историко-культурного контекста. Университетская библиотека не может тягаться по обилию собранных в ней книжных богатств с крупнейшими отечественными и зарубежными книгохранилищами. К примеру, собрание инкунабулов (первопечатных книг) Научной библиотеки

ЛГУ в 10—12 раз меньше коллекции Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина (ГБЛ) и примерно в 50 раз меньше лучшего советского собрания инкунабулов, сосредоточенного в Государственной Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (ГПБ).

Однако ни одна даже самая крупная библиотека не заменяет других исторически сложившихся книжных собраний, ибо не может быть полностью тождествен их состав. Половину в небольшой (98 книг) коллекции инкунабулов ЛГУ составляют издания, не представленные ни в одном из отечественных книгохранилищ, некоторые же во всем мире известны не более чем в двух-трех экземплярах. А в собрании книг кириллической печати хранится один из двух находящихся в Советском Союзе экземпляров второго издания московского «Часовника» Ивана Федорова 1565 г. и более десяти уникальных изданий московского Печатного двора XVII в., не учтенных в библиографии и не встречающихся более ни в одной библиотеке мира. Хотя университетская коллекция прижизненных изданий произведений А. С. Пушкина уступает не только коллекциям ГБЛ, ГПБ или Пушкинского Дома, но и известному собранию Н. П. Смирнова-Сокольского (ныне хранящемуся в ГБЛ), издание «Романов и повестей Александра Пушкина» 1837 г. представлено только в ней — единственным сохранившимся экземпляром.

В еще большей степени уникальность книжного собрания обусловлена особенностями хранящихся в нем экземпляров. Несмотря на то, что печатные книги одного издания тождественны друг другу (и в этом великий смысл изобретения Гутенберга), тождество это существует в полной мере только до выхода книг из типографии. Попав же в руки тех, кому она предназначалась, ее читателей и владельцев, книга приобретает неповторимую индивидуальность. Она совершает свой дальнейший путь через века и страны, переходя из рук в руки, участвуя в духовной жизни своего времени и последующих исторических эпох. Этим читанная, часто поврежденная от долговременного пользования книга выгодно отличается от столь ценных некоторыми библиофилами неразрезанных издательских экземпляров — в сущности не ставших книгой в подлинном смысле слова, не выполнивших своего главного предназначения. (Впрочем, книга, по тем или иным причинам не нашедшая своего читателя, есть тоже заслуживающий внимания и изучения факт истории культуры.)

Индивидуальный переплет, экслибрисы, владельческие и читательские пометы и записи — это те неповторимые черты, которые не могут быть заменены и дублированы. Они отражают жизнь книги, о которой говорит запечатленное римским писателем II в. н. э. Авлом Геллием в его сочинении «Аттические ночи» древнее изречение: «И у книжек своя судьба».

Книга живет в определенной культурной среде: купленная ли, полученная ли в дар, она связана с десятками, сотнями и тысячами других книг. Для изучения истории книги важна история библиотек, частных и общественных. А для университетской библиотеки — это судьбы тех многочисленных книжных собраний (ученых, писателей, деятелей культуры, библиофилов, учебных заведений, научных учреждений), которые влились в ее состав на протяжении ее двухсотлетней истории и определили собою уникальный характер университетских коллекций редких книг.

Университетская библиотека, как книгохранилище учебное и научное, не ставила своей специальной целью коллекционирование раритетов; собственно библиофильские устремления были ей чужды. Задачей ее было создание книжного фонда для обеспечения научной и учебной деятельности профессоров и студентов. Поэтому фонд редких книг библиотеки складывался стихийно. Многие из теперешних раритетов поступали в библиотеку как рядовая, обычная книжная продукция, редко-стями они становились позднее, в силу самых разнообразных причин: оказавшись в числе книг, запрещенных царской цензурой, или получив со временем значение выдающихся произведений художественной литературы, памятников научной и политической мысли.

Вот почему собрание редких книг в принципе не может и не должно быть четко отграничено от основного массива книжных фондов библиотеки, так как историко-культурную ценность имеет книжное собрание в целом, сочетающее в себе особенности современного живого и работающего организма и вместе с тем памятника отечественной культуры.

При определении редкости книги менее всего подходит чисто количественный критерий. Сам по себе небольшой тираж издания — условие явно недостаточное. (Малотиражными часто являлись узковедомственные издания, не представляющие историко-культурной ценности; известны случаи, когда ограниченным числом экземпляров издавались сочинения богатых графоманов.) Редкость издания определяется, как правило, не изначальным его тиражом, а последующей судьбой: уникальной книга может стать в результате гонений и преследований со стороны власти имущих или в результате повышенного читательского спроса. Известно, какой редкостью являются старинные (а также и сравнительно недавние) издания азбук, песенников, календарей. Редкими — в результате широкого общественного интереса и активного использования — становятся и массовые издания политической литературы. Не автор и не типограф — время и история делают книгу редкой.

Общепринятым критерием является древность. Необходимость охраны и научного использования памятников культуры, к которым относятся книги и книжные собрания, диктует осо-

бо бережное и внимательное отношение к изданиям первых столетий книгопечатания. Все библиотеки мира выделяют на особое хранение старопечатные книги — колеблется лишь верхняя хронологическая граница этих коллекций, в последние годы имеющая явные тенденции к повышению. Бесспорно, относятся к редким все первопечатные и старопечатные издания, отечественные и зарубежные, от времен Гутенберга и первых московских изданий середины XVI в. до конца XVII или XVIII столетий (в Научной библиотеке ЛГУ в настоящее время принята и для русской, и для зарубежной книги единая граница — 1800 г.).

И, наконец, важнейшим признаком редкости книг является роль, которая принадлежит им в истории культуры, — это первые и прижизненные издания классиков отечественной и зарубежной науки и литературы, памятников философской и политической мысли, революционного движения. Особое место в собрании редкостей университетской библиотеки занимают книги с автографами и владельческими надписями деятелей русской и мировой культуры. Выдающийся историко-культурный интерес представляют личные библиотеки крупных деятелей отечественной культуры.

Как видим, существует целый ряд признаков, по которым книга может удостоиться чести занять место в собрании редких книг. Немало и таких изданий, которые сочетают в себе едва ли не все эти признаки. Вот один пример: «О наилучшем устройстве государства и о новом острове „Утопия“, книжица поистине золотая, столь же полезная, сколь и занимательная, славнейшего и красноречивейшего мужа Томаса Мора» — перед нами знаменитая «Утопия», один из ранних памятников утопического социализма. Это не первое издание. Два издания, вышедшие в свет в Лувене и в Париже без ведома автора, изобиловали ошибками и искажениями. Третье, авторизованное издание было предпринято друзьями великого английского гуманиста в 1518 г. в Базеле. Книга существует в двух вариантах; наш экземпляр — второй, окончательный (ноябрьско-декабрьский) вариант, признанный специалистами наиболее авторитетным. В подготовке его приняли участие лучшие умы тогдашней Европы. С ним связано имя друга Мора — нидерландского гуманиста Эразма Роттердамского, подлинного властителя умов начала XVI столетия. Кроме «Утопии» в книге были опубликованы собрания латинских стихотворений Мора и Эразма. «Утопия» была посвящена другу Мора, антверпенскому правоведу Петру Эгидию, и тексту ее в издании 1518 г. были предпосланы послания и стихотворные посвящения того же Петра Эгидия, Беата Ренана, Гийома Бюде.

Книга была напечатана в одной из лучших типографий того времени превосходным печатником и издателем Иоганном Фробеном, другом Эразма, специализировавшимся на издании

сочинений гуманистов и подготовленных ими произведений древних авторов. В ее художественном оформлении приняли участие братья Гольбейны — их мастерская находилась в «славном Базеле». Рамка для титульного листа исполнена Гансом Гольбейном Младшим (позднее он создал портреты Мора, Эразма и многих своих великих современников); другие иллюстрации, в том числе географическая карта «нового острова „Утопия“», принадлежат его старшему брату Амброзиусу. Отличный шрифт, превосходное оформление сделали эту небольшую (в четвертую долю листа) книгу предметом интереса книголюбов не только XVI, но и последующих столетий. Несмотря на запрет (книга была запрещена испанской инквизицией, римская поостереглась занести в Индекс запрещенных книг сочинение автора, павшего жертвой английской королевской реформации и впоследствии причисленного к лику святых католической церкви), «Утопия» Мора уже в XVI столетии получила широкое общеевропейское распространение.

Университетский экземпляр «Утопии» интересен и замечательным тисненым кожаным переплетом первой четверти XVI в. Любопытной оказалась и «начинка» переплета: на изготовление картона пошли фрагменты лионского издания «Дигест» — части «Свода гражданского права» императора Юстиниана, датируемые концом 80-х годов XV в.; извлеченные реставраторами из переплета, они дополнили коллекцию инкунабулов.

И, наконец, владельческая запись на книге связывает это издание с историей отечественной науки: «Утопия» в издании 1518 г. была приобретена в Париже в октябре 1838 г. профессором М. С. Куторгой, основателем школы всеобщей истории Петербургского университета. Более ста лет назад в составе его библиотеки она поступила в университетское книжное собрание и ныне украшает собой фонд палеотипов (изданий первой половины XVI в.).

Фонд университетской библиотеки начал складываться задолго до основания университета: в декабре 1783 г. учрежденной в Петербурге Учительской семинарии была передана библиотека выдающегося библиофила Петра Федоровича Жукова, содержавшая немало редких и ценных русских и зарубежных изданий.

Значительную роль в формировании коллекций редких книг сыграли дары, приносимые как выдающимися деятелями отечественной культуры, так и менее известными лицами, желавшими по мере своих сил и возможностей способствовать пополнению книжных сокровищ столичного российского университета.

Дары эти поступали еще в библиотеки учебных заведений, предшествовавших университету, и особенно увеличились с первых дней его существования. Уже в 1819 г. действительный статский советник Д. М. Алопеус, находившийся в Берлине, «узнав

об учреждении в Санкт-Петербурге университета и предвидя всю ту пользу, какую учреждение оно произведи долженствует, пожелал и со своей стороны содействовать тому некоторым образом чрез доставление нескольких книг для умножения библиотеки университета». Вскоре книги в трех ящиках были отправлены в Петербург на корабле «Август-Вильгельм», «с капитаном оногo Зауэром». А позднее Алопеус дополнительно доставил университету книгу «Известие о подлинной флорентийской свободе» в двух томах, «причем изъяснил, что сочинения сего напечатано было в свое время всего 50 экземпляров, и оно по редкости своей заслуживает быть помещенным в университетской библиотеке». Кроме того, среди пожертвованных им книг был ряд ценнейших изданий XVIII в., в том числе знаменитый «Историко-критический словарь» Пьера Бейля.¹

Постоянно дарили книги библиотеке бывшие питомцы университета. Так, в 1842 г. профессор Главного педагогического института А. Ф. Постельс писал: «Обязанный университету высшим своим образованием и надлежащим приготовлением к избранному мною поприщу в служении науке и отечеству, я всегда хранил и питал в душе моей глубокое к нему уважение и сердечную признательность. Желая ныне доказать эти искренние чувства видимым знаком, спешу представить при сем в дар сему достопочтенному и ученому сословию один иллюминированный экземпляр изданного мною вместе с доктором Рупрехтом сочинения о морских растениях, собранных мною в путешествии кругом света в 1826, 27, 28 и 29 годах».² В 1857 г. кандидат Петербургского университета В. Я. Ососов доставил в библиотеку книги «согласно воле брата своего, Ивана Яковлевича, бывшего студента здешнего университета... скончавшегося весной 1856 г.», — среди них кроме ряда редких изданий XVII в. было и два инкунабула.³

Систематически поступали в университетскую библиотеку — в дар, по завещанию и путем покупки — библиотеки университетских профессоров. Добрый обычай приносить в дар своей alma mater собственные сочинения со временем привел естественным путем к образованию в библиотеке университета богатого собрания важнейших памятников отечественной науки, причем, как правило, с автографами ученых. Вскоре после основания университета тогдашний профессор (вскоре изгнанный за свои передовые воззрения), лицейский наставник А. С. Пушкина А. П. Куницын преподнес в дар библиотеке только что вышедшую в свет вторую часть своей книги «Естественное право»⁴ (при разгроме Петербургского университета во время «де-

¹ ЛГИА, ф. 14, оп. 1, д. 22, л. 1—7; ф. 139, оп. 1, д. 2135, л. 1—12.

² Там же, ф. 14, оп. 1, д. 4451, л. 1.

³ Там же, д. 5704а, л. 193—200.

⁴ Там же, оп. 2, д. 1149, л. 2.

ла профессоров» 1821 г. мракобес Д. Рунич требовал изъять сочинения Куницына из университетской библиотеки).

Среди великого множества таких даров — солидных монографий, диссертаций, оттисков и брошюр — следует отметить богатую коллекцию работ Дмитрия Ивановича Менделеева. Как сообщал в своей записке в 1907 г. профессор В. Е. Тищенко, «покойный Д. И. Менделеев, незадолго до смерти, приводя в порядок свои бумаги и библиотеку, отложил по нескольку брошюр и оттисков своих работ. После его смерти сын Д. И. Иван Дмитриевич передал эти брошюры и оттиски в мое распоряжение. На некоторых из них рукою Д. И. были помечены фамилии лиц, которым они назначались, по раздаче их остались еще лишние экземпляры. Препровождая одну серию их (из 49 экз.) в библиотеку университета, уверен, что этим распоряжением исполняю и волю покойного Дмитрия Ивановича».⁵

Авторитет университета способствовал тому, что и лица, прямо с ним не связанные, почитали за честь передавать в университетскую библиотеку свои сочинения. В 1822 г. поэтесса Анна Бунина принесла в дар полное собрание своих стихотворений в трех частях; в 1859 г. вдова С. Т. Аксакова подарила университету сочинения своего покойного мужа в знак давней его приязни к петербургскому студенчеству; в 1868 г. Иосиф Эрак передал в университет 30 экземпляров своих «переводов в стихах на крымско-тюркский язык» поэмы «Бахчисарайский фонтан» и стихотворения «Талисман» А. С. Пушкина — как «посильное выражение» его «глубочайшего уважения к такому высокому учреждению, как университет».⁶ Значительная часть большой (50 изданий) университетской коллекции прижизненных изданий основоположника отечественной космонавтики К. Э. Циолковского была прислана им самим в университет с дарственными надписями и часто с собственноручными поправками и уточнениями.

Систематическая и планомерная работа с редкими книгами и рукописями началась в библиотеке Петроградского — Ленинградского университета после Октябрьской революции. В середине 20-х годов был образован кабинет редкостей. Тогда же была начата работа по научному описанию редких книг библиотеки ЛГУ. И. П. Мурзин опубликовал краткое описание инкунабулов Ленинградского университета.

В трудные годы Великой Отечественной войны были сохранены все собранные университетом редкие книги. Часть их была эвакуирована и в полном порядке возвращена в 1944 г., остальные были спасены ценой неимоверных усилий сотрудников библиотеки, остававшихся в блокированном Ленинграде.

⁵ Архив научной библиотеки ЛГУ в отделе редких книг.

⁶ ЛГИА, ф. 14, оп. 1, д. 6584а. л. 136; оп. 3, д. 290, л. 1.

В 1944 г. по инициативе директора библиотеки профессора О. Л. Вайнштейна был создан отдел редких книг. В первые же послевоенные годы удалось значительно пополнить университетское собрание путем покупки богатой редкими изданиями библиотеки юриста и библиофила профессора П. И. Люблинского и приобретения некоторых ценных изданий из собрания известного ленинградского библиофила М. Н. Куфаева. Затем в течение ряда лет отдел находился в состоянии консервации и был восстановлен в 1956 г. директором библиотеки М. О. Малышевым.

Ценное книжное собрание превратится в омертвевшую сокровищницу, если сосредоточенные в нем издания не будут раскрыты для читателя. Книга — не музейный экспонат (поэтому столь спорным представляется экспонирование книги в музейных залах, где, будучи прикреплена к определенному месту в витрине, она может привлечь внимание лишь своим названием, титульным листом или деталями художественного оформления), она должна быть в постоянном движении, должна быть раскрыта и внимательно прочитана — лишь тогда сможет она выполнить свое изначальное предназначение. Вот почему так важна проводимая в нашей стране работа по всесоюзному учету редких и ценных изданий, по подготовке сводных каталогов старопечатных и редких книг. В работе этой принимает участие и отдел редких книг Научной библиотеки Ленинградского университета, опубликовавший ряд каталогов наиболее ценных книжных коллекций: «Каталог инкунабулов» (1967), «Каталог книг кирилловской печати 16—17 веков» (1970), «Каталог прижизненных изданий произведений В. И. Ленина» (1973), «Каталог палеотипов» (1977) и книгу «Начало университетской библиотеки. (1783 г.) Собрание П. Ф. Жукова — памятник русской культуры XVIII века. Каталог» (1980).

Некоторые результаты проводимых в фондах университетской библиотеки разысканий представлены в данной книге. Она подготовлена сотрудниками отдела редких книг Научной библиотеки ЛГУ. А. Х. Горфункелем написано предисловие и очерки: «Лейпцигская покупка 1830 г.», «Бескорыстное усердие к общественной пользе», «Еще раз о „загадочном библиофиле“», «Старинные атласы и космографии», «Находки в старинных переплетах», «Книги, избежавшие костра», «Три книги „русского американца“», «Библиотека запрещенных книг», «Три издания „Капитала“ (Из истории университетской коллекции марксистской литературы)». Н. И. Николаевым написаны очерки: «От библиотеки Учительской семинарии к библиотеке Петербургского университета. 1783—1819», «Астрономическая библиотека П. Б. Иноходцова», «Почетный член университета», «Описания путешествий XV—XVIII вв.», «Книги о России XVI—XVII вв.», «Альманахи пушкинской поры», «Прижизненные издания Пушкина», «Неотчуждаемая ценность». Им же

составлен «Список важнейших книжных коллекций, хранящихся в Научной библиотеке Ленинградского университета». Очерк «Два фронтисписа» написан авторами совместно. Все вошедшие в книгу очерки были в свое время опубликованы на страницах еженедельника «Ленинградский университет» (для настоящего издания они существенно переработаны и дополнены). Фотографии выполнены А. И. Матычко.

Авторы выражают глубокую признательность за ценные советы и замечания Е. Б. Белодубровскому, В. П. Бударагину, В. П. Степанову, С. А. Фомичеву, М. И. Фундаминскому и П. И. Хотееву, а также рецензентам рукописи Л. Л. Альбиной и А. М. Панченко.

ОТ БИБЛИОТЕКИ УЧИТЕЛЬСКОЙ СЕМИНАРИИ
К БИБЛИОТЕКЕ ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1783—1819

«Рассадник учителей»

от уже более полутора столетий ежегодно торжественным актом отмечается день образования Петербургского университета. Сейчас мы, конечно, отдаем себе полный отчет в значении этого события для культурной жизни нашей страны. Однако, пожалуй, мы с трудом можем представить себе чувства, которыми преисполнилась лучшая часть русского образованного общества в 1819 г., когда состоялось открытие столичного университета. Ведь событие это ожидалось уже в течение нескольких десятилетий.

Петербургский университет возник не на пустом месте. Он продолжил традиции университетского образования в Петербурге XVIII в. (Академический университет). О тех учебных заведениях, из которых он непосредственно вырос, первые поколения профессоров университета никогда не забывали. «С историею Учительской семинарии и Педагогического института имеет тесную связь история всеобщего народного в России просвещения», — писал Е. Ф. Зябловский в «Исторической повести об Учительской семинарии и Педагогическом институте до переименования его в Санкт-Петербургский университет» (СПб., 1833). Сам Е. Ф. Зябловский, крупный географ и статистик, как бы воплощал собой неразрывную связь этих учебных заведений с университетом. Выпускник Учительской семинарии, профессор Педагогического института, а затем университета, он был его ректором в 1821—1825 гг.

Воспитанник Педагогического института, ректор университета в 1840—1861 гг. П. А. Плетнев писал в исторической записке «Первое 25-летие Петербургского университета» (СПб.,

1844): «Начиная говорить об основании его, встречаешь перед собою длинный ряд предшествовавших ему учреждений, которые выражали уже идею Университета и необходимость его для столицы». (Оба сочинения, написанные по решению университета, были прочитаны на торжественных актах: Е. Ф. Зябловским в 1823 г., П. А. Плетневым в 1844 г.)

История библиотеки Петербургского университета начинается 13(24) декабря 1783 г. В этот день состоялось торжественное открытие Главного народного училища в Петербурге с Учительской семинарией при нем.

При создании Учительской семинарии ей была передана незадолго до того приобретенная Екатериной II для нужд просвещения библиотека коллежского советника Петра Федоровича Жукова. П. Ф. Жуков был знаком с М. В. Ломоносовым, писателем И. Ф. Богдановичем, историком и путешественником Г. Ф. Миллером. Он собрал большую для своего времени библиотеку — более тысячи томов. Среди них — произведения мыслителей-энциклопедистов, прекрасный подбор книг иностранных авторов, писавших о России, сочинения древних историков и философов. Почетный член первого научного исторического общества в России — «Вольного российского собрания», образованного при Московском университете в 1771 г., П. Ф. Жуков приобретал и книги кириллической печати XVII в., и петровские издания, и новейшие описания путешествий петербургских академиков по России. Собрание такого универсального содержания стало достойным началом библиотеки учебного заведения, призванного готовить учителей для народных училищ (начальных школ).

Книги П. Ф. Жукова явились первоначальным ядром университетской библиотеки. Рассыпанные впоследствии в ее фонде, теперь они вновь собраны вместе в 1980 г. Издательство ЛГУ выпустило каталог этого собрания — замечательного памятника русской культуры XVIII в.

Учебные пособия Учительской семинарии были многочисленны и разнообразны: коллекции минералов, гербарий, физические и математические приборы, собрания географических карт. В одной комнате с этими пособиями находилась и библиотека, пополнявшаяся периодически новыми изданиями по специальным заказам профессоров семинарии. Профессорами ее были серьезные ученые — адъюнкты Академии наук: географ И. Ф. Гакман; ставшие впоследствии академиками математики и физики ученик знаменитого путешественника Палласа В. Ф. Зуев и племянник Ломоносова, ученик Леонарда Эйлера М. Е. Головин.

Среди книг Учительской семинарии в Научной библиотеке ЛГУ хранится и комплект журнала «Растущий виноград», издававшегося при Главном народном училище в 1785—1787 гг.

в основном при участии преподавателей и студентов семинарии.

За время своего существования Учительская семинария подготовила на основе энциклопедически широкой программы более четырехсот учителей для народных училищ. Причем после того, как она была отделена в 1786 г. от Главного народного училища, профессорские должности в ней стали замещать ее выпускники. Некоторые из них продолжили преподавание и в университете.

К 1803 г. библиотека Учительской семинарии насчитывала уже около 3,5 тыс. томов. На ее пополнение порой отпускались значительные суммы. Так, в самом начале века были приобретены новейшая французская энциклопедия в 223 томах, описания путешествий российских академиков и многие другие издания.

14 февраля 1802 г. екатерининский вельможа, собиратель славянских рукописей А. И. Мусин-Пушкин присутствовал на выпускном экзамене последнего (пятого) выпуска студентов Учительской семинарии. Той же весной по возвращении в Москву он выслал в Петербург четыре изданные им книги: собственное сочинение о местоположении Тмутараканского княжества, «Поучение» Владимира Мономаха, «Правду Русскую» и незадолго до того обнаруженное и изданное им в 1800 г. «Слово о полку Игореве». На каждой книге имеется надпись: «Его сиятельства графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина подарок в Учительскую гимназию 1802 года». Учительская семинария здесь названа гимназией — в деловой переписке того времени употреблялись оба наименования. Университетский экземпляр последней книги, как один из важнейших и интереснейших, подробно описан среди нескольких десятков сохранившихся экземпляров этого издания в исследовании Л. А. Дмитриева «История первого издания „Слова о полку Игореве“» (М.; Л., 1960).

Для будущего университета

После создания Министерства народного просвещения и в связи с готовившимся открытием новых университетов в России, в том числе и университета в Петербурге, Учительская семинария в 1803 г. была официально переименована в Учительскую гимназию; в 1804 г. Учительская гимназия, в свою очередь, была преобразована в Педагогический институт, рассматривавшийся уже как «отделение имеющего учредитья в С.-Петербурге университета».

Задачей Педагогического института, как и его предшественниц, Учительской семинарии и Учительской гимназии, была подготовка преподавателей, теперь уже для гимназий.

Со времени возникновения Педагогического института начинается систематическое пополнение его библиотеки книгами, приобретаемыми по заказам профессоров. Сумма, отпускавшаяся ежегодно с этой целью, была невелика (5 тыс. рублей), а книги стоили дорого. Например, 120 рублей было уплачено за заказанную профессором философии П. Д. Лодием шеститомную (на латинском языке) «Историю философии» Я. Брукера — один из первых систематических курсов подобного рода. А ведь еще нужно было из этой же суммы оплачивать дорогостоящие периодические издания, а также труд переплетчиков (книги XVIII в. часто не имели издательского переплета и выпускались в бумажных обложках). Так что, если бы рост числа томов в библиотеке зависел только от заказов профессоров, вряд ли можно было бы назвать ежегодные книжные приращения значительными. Но был еще один источник поступлений — дары и пожертвования, умножившиеся с начала XIX в. в связи с оживлением общественной жизни в стране и возрождением интереса к отечественному просвещению.

Поток дарений в институтскую библиотеку ширится с 1804 г.; среди даров — книги академиков Н. Я. Озерецковского, В. М. Севергина, приношения Российско-американской компании, переводы С. Я. Румовского, А. Ф. Севастьянова, временные и официальные издания Казанского и Харьковского университетов, Царскосельского лицея, Публичной библиотеки и т. п. На каждую такую посылку книг библиотекарь отвечал письмом с выражением благодарности.

Дарили свои сочинения и профессора Педагогического института. Причем учебной библиотеке, отделенной от основного собрания, они дарили по несколько десятков экземпляров изданных ими учебников. А некоторое время спустя к книгам профессоров стали присоединяться и труды выпускников института. Еще в 1807 г. профессор эстетики И. И. Мартынов передал в библиотеку посвященный ему перевод сочинения Плуларха «О суеверии», выполненный студентом, позднее преподавателем института Е. Сферным. От Мартынова же в эти годы поступили издававшиеся им журналы «Северный вестник» (1804—1805) и «Лицей» (1806).

В 1809 г. Министерством народного просвещения была приобретена и частично передана в институт библиотека замечательного русского ученого-астронома академика П. Б. Иноходцова. Так начала складываться важнейшая особенность университетского книжного собрания — наличие в его составе библиотек выдающихся деятелей русской науки и культуры.

Свидетельством того, что книги входили некогда в состав

библиотек учебных заведений, непосредственно предшествовавших университету, является тиснение на корешках некоторых томов — «С. П. Г. Н. У.» («Санкт-Петербургское Главное народное училище», при котором Учительская семинария находилась до 1786 г.) и «С. П. И.» («Санкт-Петербургский Педагогический институт»).

В 1810 г. попечителем Петербургского учебного округа, непосредственно в ведении которого находился и Педагогический институт, становится двадцатичетырехлетний С. С. Уваров. Известный впоследствии своими реакционными взглядами министр народного просвещения в царствование Николая I, создатель официальной формулы «православие, самодержавие, народность», гонитель всяких проявлений свободомыслия, Уваров в 1810-х годах слыл одним из либерально настроенных деятелей александровской эпохи. В эти годы он входил в литературное общество «Арзамас», общался с К. Н. Батюшковым, В. А. Жуковским, Н. И. Гнедичем, переписывался с Гете, братьями Шлегелями, госпожой де Сталь.¹

Содействуя преобразованию Педагогического института в Петербургский университет, молодой попечитель, получивший это место, как поговаривали, не без помощи тестя — министра народного просвещения графа А. К. Разумовского, не оставлял своим вниманием и институтскую библиотеку, куда целый ряд изданий поступил благодаря его содействию.

Знаток древних языков, любивший блеснуть своей образованностью, Уваров был приверженцем классического образования и придавал ему преимущественное значение в воспитании юношества. Естественно, он желал, чтобы и студенты Педагогического института — будущие гимназические учителя — основательно изучали греческий и латинский языки. С этой целью он еще в 1811 г. приглашает в институт одного из авторитетнейших эллинистов своего времени, ученика крупнейшего филолога-классика Готфрида Германна — Ф. Грефе, преподававшего затем в течение нескольких десятилетий и в университете.

Не удивительно поэтому, что в 1817 г. Уваров дарит с соответствующей надписью в библиотеку Педагогического института (получившего уже к тому времени наименование Главного) роскошное издание греческого текста «Истории» Фукидида, вышедшее в 1540 г. в Базеле и подготовленное известным ученым И. Камерарием. Это один из первых палеотипов (т. е. книг, изданных с 1501 по 1550 г.) университетской библиотеки. Интересно, что в своих воспоминаниях об академике Ф. Грефе, опубли-

---

¹ См.: Дурьлин С. Н. Г-жа де Сталь и ее русские отношения. — «Литературное наследство», т. 33—34. М., 1939, с. 225—242. — Гиллельсон М. И. 1) Молодой Пушкин и арзамасское братство. Л., 1974; 2) От арзамасского братства к пушкинскому кругу писателей. Л., 1977.

ликованных в 1852 г., вскоре после смерти ученого, Уваров рассказывает, как они вместе читали древних авторов. По рекомендации Уварова прусский министр Штейн, бежавший от Наполеона, в 1812 г. именно с Грефе читал Фукидида.

Появление другого издания в нашей библиотеке — двухтомного семьязычного словаря восточных языков (Лондон, 1673) английского востоковеда Э. Кастеля связано с началом преподавания в Главном педагогическом институте, а следовательно и в университете, восточных языков. Книга была передана при непосредственном содействии Уварова из Публичной библиотеки в 1818 г., за два месяца до открытия кафедры восточных языков. По инициативе Уварова, автора «Проекта Азиатской академии» (1810), т. е. проекта научного учреждения для изучения восточных культур, вызвавшего интерес Наполеона, Гете и авторитетнейшего французского ориенталиста Сильвестра де Саси, два ученика последнего — Ф. Шармуа и Ж.-Ф. Деманж — были приглашены для преподавания в Петербург. Назначенный в начале 1818 г. также и президентом Академии наук, Уваров при открытии кафедры произнес речь, вскоре вышедшую отдельной брошюрой, в которой еще раз подчеркнул значение изучения восточных языков «для просвещенных народов Европы». Проникнутая модным либералистским духом (от которого Уваров впоследствии столь рьяно отрекся), речь эта, провозглашавшая политическую свободу в качестве неотъемлемого свойства просвещенных народов, получила одобрение со стороны Н. И. Тургенева, П. А. Вяземского и А. П. Куницына, поместившего свой восторженный отзыв на нее в журнале «Сын отечества». Вся последующая деятельность Уварова, проводника реакционной политики самодержавия в области просвещения, показала, как далеко разошлись пути бывших «арзамасцев»: в то время как декабрист Н. Тургенев оказался в вынужденном изгнании, успешно сделавший карьеру Уваров стал одним из столпов николаевского режима.

Первый университетский библиотекарь

Необходимо упомянуть и о тех, чьими руками книги заносились в библиотечные реестры, кто составлял дошедшие до нас рукописные каталоги, кто посылал списки заказанных изданий книготорговцам. Назовем первых библиотекарей.

Особенную заботу о библиотеке проявлял первый директор Главного народного училища и Учительской семинарии

Ф. Я. Янкович, активный деятель екатерининской реформы народного образования, последователь великого чешского педагога Я. А. Коменского.

В дальнейшем много внимания пополнению библиотеки уделял директор Учительской семинарии с 1787 г. И. Кох; по всей видимости, им был составлен один из первых ее каталогов. Имя его упоминается в каждом обзоре по истории языкознания и востоковедения в России. Правда, в специальной библиографической литературе его вот уже сто пятьдесят лет путают с неким И. И. Кохом, служившим в Сибири и умершим в 1799 г. Знаток арабского и других восточных языков, И. Кох употребил свои познания для составления обычных для того времени фантастических этимологий. В 1785 г. в журнале «Растущий виноград» была помещена его статья «О некоторых древних названиях словенского народа», а в 1788 и 1789 гг. им были выпущены две латинские книжечки, тогда же переведенные на русский язык профессором Учительской семинарии Е. Б. Сырейшиковым, где истолковывались иероглифические надписи на изображениях сфинксов и на древних монетах (со времени издания эти книги хранятся в нашей библиотеке). И. Кох долгие годы бессменно руководил Учительской семинарией; став незадолго до смерти (он умер в 1805 г.) первым директором Педагогического института.

В 1800—1803 гг. библиотекой заведовал профессор математики Т. Ф. Осиповский, будущий ректор Харьковского университета, а в 1804—1816 гг. — профессор естественной истории А. М. Теряев. Оба они — выпускники Учительской семинарии.

В 1808 г. в числе лучших выпускников Педагогического института был отправлен за границу «для усовершенствования в науках» ученик М. А. Балугьянского М. Г. Плисов; вместе с ним были посланы и будущие преподаватели Царскосельского лицея, любимые наставники юного А. С. Пушкина — А. И. Галич и А. П. Куницын. Вернувшись в Петербург после обучения в Геттингене и Гейдельберге, М. Г. Плисов стал вести занятия по политической экономии, коммерции и финансам в Педагогическом институте. В 1816 г. институт получил наименование Главного педагогического института. В соответствии с новым уставом в начале 1817 г. вместо окончательно ушедшего в Медико-хирургическую академию А. М. Теряева библиотекарем института был избран М. Г. Плисов. В этой должности он остался и при организации университета в 1819 г.

В это время известный мракобес, попечитель Казанского учебного округа Магницкий, действуя в духе общеевропейской реакции, осуществил разгром университетов в России. После искоренения «вольномыслия» в Казанском и Харьковском университетах настала очередь недавно учрежденного Петербургского университета. Вместе с попечителем Петербургского учебного округа Д. Руничем Магницкий обрушился на университет-

ских профессоров. Организованное осенью 1821 г. печально знаменитое «дело профессоров» завершилось увольнением лучших преподавателей. Имени М. Г. Плисова в числе обвиняемых не было. Однако его стойкое и благородное поведение во время разбирательства даром ему не прошло. В начале 1822 г. профессор М. Г. Плисов за «неблагонамеренный образ мыслей» и оказанный им «дух строптивой непокорности» был уволен из университета с оставлением на год для описи и сдачи библиотеки. М. Г. Плисов был превосходным библиотекарем. Рунич обвинял его в том, что «должность свою как библиотекарь университета отправляет он также с величайшим нерадением». Очевидная несправедливость этого обвинения вызвала гнев университетских профессоров, среди них был и известный своим благородством Ф. Грефе. Не случайно позднее, в 1823 г. граф Н. П. Румянцев считал возможным пригласить Плисова на должность библиотекаря своего знаменитого книжного собрания. Составленный Плисовым в 1823 г. при сдаче университетской библиотеки каталог сохранился до наших дней; в нем числится 2150 названий в 7748 томах, не считая журналов, дублетов, брошюр.

Что же касается его гонителей — Магницкого и Рунича, то судьба их характерна для подобных «борцов за благонамеренность и благомыслие»: вскоре они отчаянно проворовались и были в 1826 г. уволены от должностей попечителей за казнокрадство.

*
* * *

Во второй половине XIX в. у некоторых историков сложилось мнение о незначительности книжного собрания Главного педагогического института, оказавшегося в распоряжении университета. Однако в этом, пусть и небольшом, собрании были библиотеки П. Ф. Жукова и П. Б. Иноходцова, книги, принесенные в дар учеными и писателями, научные издания, заказанные по спискам профессоров. А самое главное — с первых лет своего существования судьба нашей библиотеки была тесно связана с выдающимися событиями русской истории и культуры.

В 1916 г. университет собирался отпраздновать столетие непосредственного своего предшественника — Главного педагогического института (торжество, к сожалению, не состоялось из-за условий военного времени).

В 1983 г. исполнилось двести лет со дня основания Учительской семинарии, из которой вырос Петербургский — Ленинградский университет, и вместе с тем двести лет непрерывного существования его книжного собрания.

АСТРОНОМИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА П. Б. ИНОХОДЦОВА

Счастливая находка

для рядового читателя университетская библиотека, насчитывающая несколько миллионов томов, интересна прежде всего наличием тех или иных нужных ему изданий. Он редко задумывается над тем, что она является еще и хранилищем истории. В собранных библиотекой книгах запечатлены судьбы их владельцев. И почти каждое обращение к ее фондам приводит нас

к неожиданным открытиям.

В мае 1981 г. при подготовке выставки редких изданий по астрономии XVI—XVIII вв., организованной по случаю столетнего юбилея астрономической обсерватории ЛГУ, в фонде библиотеки было обнаружено несколько десятков старинных книг с владельческими записями Петра Иноходцова.

В 1809 г., через три года после смерти академика Иноходцова,¹ его вдова предложила Министерству народного просвещения приобрести библиотеку покойного мужа. К прошению была приложена дошедшая до нас опись, содержащая 134 наименования русских книг и 233 наименования изданий на иностранных языках. Библиотека была куплена за небольшую сумму в 400 рублей. Когда в 1819 г. министерство приобрело у вдовы академика для Московского университета астрономические инструменты, за них было заплачено 900 рублей. Несколько десятков книг из библиотеки Иноходцова было отобрано для Казанского университета, а значительная их часть (193 наименования) в том же 1809 г. поступила в библиотеку Педагогического института, и в 1819 г. вместе с последней вошла в состав библиотеки Петербургского университета.

По найденной в Центральном государственном историческом архиве описи в фондах Научной библиотеки была выявлена большая часть принадлежавших Иноходцову изданий из числа поступивших в 1809 г. Пока обнаружено около 200 томов (часть книг была утрачена еще в XIX в.). Теперь эти книги собраны вместе и доступны для изучения.

Частные библиотеки XVIII в.

До нашего времени дошло очень немного русских личных библиотек XVIII в. Интерес к частным книжным собраниям XVIII в., постепенно возрастающий на протяжении двух по-

¹ В написании фамилии Иноходцова мы придерживаемся формы, принятой самим ученым и его современниками.

следних десятилетий, связан с тем, что они во многих случаях являются единственным в своем роде, неповторимым свидетельством духовной жизни их владельцев. Особую роль в оживлении этого интереса сыграло издание в 1961 г. каталога библиотеки Вольтера, хранящегося в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, монографий С. П. Луппова и других исследователей и, наконец, появление публикаций, посвященных поискам и обнаружению библиотеки М. В. Ломоносова.

Перед исследователями частных книжных собраний встали две основные задачи: определить наличие и характер источников для реконструкции их состава и найти возможное объяснение их индивидуальных особенностей из контекста культурной и научной истории.

Основным источником для изучения библиотек этого периода являются по большей части их описи в виде рукописных или печатных каталогов и, конечно же, сами сохранившиеся более или менее фрагментарно частные библиотеки. Но и в тех немногих случаях, когда эти библиотеки до нас доходят, для суждений об их составе по необходимости привлекаются описи и другие материалы. Одним из самых значительных по охвату материала исследований частных библиотек до сих пор является работа Д. Морне, опубликованная в 1910 г. и содержащая анализ 500 книгопродавческих каталогов 1750—1780 гг.² На основании этих печатных каталогов Д. Морне проследил особенности развития французской культуры на протяжении трех десятилетий. Однако в 1965 г. А. Дюпрон подверг резкой критике безусловное доверие Д. Морне и его последователей к описям.³ Общий итог критики таков: сама по себе опись ничего не значит; на ее основании без предварительного исследования ее достоверности никаких обобщающих выводов делать нельзя. К такому же заключению пришли и отечественные исследователи. Описи составлялись обычно в критический момент жизни владельцев (судебное преследование и т. д.) или после их смерти. Почти во всех случаях составителем каталога или описи являлся не владелец библиотеки (конечно, были исключения: сохранные каталоги, каталоги библиофилов). Описи не полностью отражают наличие книг в библиотеке. Опись по-разному составляется в зависимости от целей, для которых она предназначена. Описи почти всегда не показывают всей истории библиотеки и дают нам статичную картину собрания, так как в них не отмечены книги обмененные, подаренные другим людям, утраченные и т. д. Опись фиксирует лишь момент, обычно последний, развития библиотеки, в то время как ос-

² Mornet D. Les enseignements des bibliothèques privées (1750—1780). — *Revue d'histoire littéraire de la France*, 1910, t. 17, p. 449—496.

³ *Livre et société dans la France du XVIII-e siècle*. Paris; La Haye, 1965, p. 212—216.

новная часть собрания преимущественно формируется на несколько десятилетий ранее.

Состав библиотек может быть реконструирован также и на основании личных и официальных документов, дневников, мемуаров, переписки. В случае с П. Б. Иноходцовым мы лишены почти всех видов личных документов, а деловая (академическая) документация едва затрагивает интересующие нас вопросы. Мы не располагаем также материалами, подобными тем, что позволили, например, французскому ученому Д. Рошу на основе печатного каталога XVIII в. проанализировать состав библиотеки секретаря французской Академии Дорту де Мэрана.⁴ Нет у нас возможности использовать и научные труды ученого: у П. Б. Иноходцова они сравнительно немногочисленны и не позволяют произвести с их помощью реконструкцию круга чтения, как это было основательно проделано в книге Г. М. Коровина «Библиотека Ломоносова».⁵ Поэтому, восстанавливая по описи круг чтения ученого, необходимо при публикации описи давать максимально полное библиографическое описание изданий с указанием издателей, комментаторов и т. д., с точными отсылками на широкий круг библиографических пособий. Только при таком описании и могут выявиться основные тенденции собрания.

Однако наличие сохранившихся описей (идет ли речь о сотнях и тысячах описей XVIII в., имеющих в распоряжении французских книговедов, или о счастливых находках у нас) не избавляет нас от необходимости отыскивать самые библиотеки XVIII в. или хотя бы их остатки. Даже единичная книга из собрания XVIII в., дошедшая до наших дней, много скажет исследователю о собирателе: наличие владельческой записи, следы чтения, индивидуальные особенности переплета и т. д. И все же серьезное научное значение может иметь только сохранившийся комплекс книг. Особое внимание отдельнымцелевшим экземплярам уделяется при анализе библиотек XVIII в. в образцовых работах И. Ф. Мартынова.⁶ Дошедшие же до нас русские книжные личные собрания XVIII в. или хотя бы значительные их фрагменты очень редки. Но и в этом случае следует иметь в виду, что само по себе наличие той или иной книги в собрании мало говорит о личности собирателя. Идеальной задачей было бы объяснить появление в изучаемой библио-

⁴ Рош Д. Ученый и его библиотека в XVIII веке: Книги неперменного секретаря Академии наук, члена Академии г. Безье Жана Жака Дорту де Мэрана. — В кн.: Век просвещения. М., 1970, с. 113—149.

⁵ Коровин Г. М. Библиотека Ломоносова: Материалы для характеристики литературы, использованной Ломоносовым в его трудах, и каталог его личной библиотеки. М.; Л., 1961.

⁶ Мартынов И. Ф. 1) Частные библиотеки в России XVIII в. — В кн.: Памятники культуры: Новые открытия: Ежегодник, 1975. М., 1976, с. 101—116; 2) Библиотека и читательские дневники М. Н. Муравьева. — В кн.: Памятники культуры: Новые открытия: Ежегодник, 1980. Л., 1981, с. 48—62.

теке каждой книги. В собрании обычно случайных книг нет. Более того, как раз подбор книг, не относящихся, например, к основной специальности ученого, выразительно раскрывает его социально-культурный облик, личные пристрастия и связи. При этом необходимо привлечение всего возможного историко-культурного материала для определения значения, какое могло иметь для владельца то или иное издание.

Библиотека солдатского сына П. Б. Иноходцова создавалась практически на пустом месте. Поэтому можно предположить, что каждая книга приобреталась им с особым вниманием и по конкретному поводу. По этим же причинам можно считать, что к моменту составления описи у него сохранилась почти вся библиотека, собранная в течение жизни.

Библиотека эта невелика по размерам, в особенности, если вспомнить огромные книжные собрания эрудитов-полигисторов XVII в., библиотеки энциклопедистов-просветителей, состоящие из многих тысяч томов специальные библиотеки ученых XIX в. По числу изданий ее следовало бы отнести, пользуясь выводами Д. Морне, к категории средних собраний, имевших в своем составе несколько сотен названий.

Но это библиотека не рядового читателя, а активного деятеля культуры и науки своего времени, и вряд ли можно объяснить ее небольшой объем тем, что перед нами рабочая библиотека ученого узкого профиля. Сам характер разнообразной ученой и служебной деятельности владельца свидетельствует против этого. Более важным является то обстоятельство, что материальные возможности для покупки книг у П. Б. Иноходцова были невелики: как и другие его современники — русские ученые-академики, выходцы из низов, он жил на скромное жалование. Относительно небольшое число томов его библиотеки может быть объяснено еще и тем, что на протяжении всей своей жизни ученый имел возможность пользоваться академической библиотекой, университетскими собраниями, книгами коллег.

Если мы можем реконструировать ту часть его библиотеки, которая была собрана за границей (П. Б. Иноходцов учился в Германии), и тем самым проследить процесс ее первоначального формирования на основании пространственно-временных характеристик (время и место выхода книг), то динамику дальнейшего развития библиотеки позволяет ясно представить тематический анализ собрания. Характер изменения тематического подбора от раннего периода ко времени составления описи выявляет ее историю. Для определения тематических особенностей собрания нужно учитывать библиографическую систематику, составленную Ф. Фюре и Д. Рошем на основе рекомендательных указателей и библиографических руководств XVIII в.⁷; попытка такой классификации вполне соответ-

⁷ *Livre et société dans la France du XVIII-e siècle...* p. 14—17.

ствует духу XVIII в.—века систематики. Сам процесс складывания библиотек этого времени мы можем понять лишь исходя из принципов книжной систематики XVIII в. При этом правильное занесение той или иной книги в ту или иную рубрику возможно только после непосредственного ознакомления с самой книгой.

В нашем случае не только имеется опись, но и сохранилась значительная часть книг выдающегося русского астронома благодаря чему мы можем проследить формирование всего книжного собрания в соответствии со служебными обстоятельствами и научными интересами владельца на протяжении его жизни — случай редчайший для исследователей русской науки XVIII в.

Геттингенский студент

Сын солдата Преображенского полка Петр Борисович Иноходцов родился в 1742 г. в Москве. Десяти лет от роду он был определен в Академическую гимназию в Петербурге. В 1760 г. он становится студентом Академического университета, существовавшего тогда при Академии наук, а спустя два года ему поручают вести занятия в низших классах гимназии. В 1764 г. М. В. Ломоносов рекомендует отправить Иноходцова как одного из лучших студентов Академического университета за границу для продолжения обучения.⁸

Можно предположить, что перед поездкой за границу в 1765 г. у Иноходцова уже было небольшое книжное собрание. Но вряд ли возможно с большой уверенностью восстановить его состав. Русских книг, изданных до 1765 г., в его библиотеке очень немного. Во всяком случае перед отправкой Иноходцова с группой студентов за границу ему вместе с Иваном Юдиным, посланным также заниматься естественными науками, было отпущено из академической книжной лавки 8 изданий — чтобы не забывали русский язык.

Первый пласт книг, о времени приобретения которых мы можем сказать вполне определенно, сложился у Иноходцова во время двухлетнего пребывания в Геттингене (1765—1767). Именно эти книги большей частью сохранились до наших дней. На нескольких из них имеются записи Иноходцова о том, что они приобретены из библиотеки умершего в 1757 г. геттингенского профессора И. Я. Шмаутца.⁹

⁸ Кулябко Е. С. Замечательные питомцы Академического университета. Л., 1977; о П. Б. Иноходцове см. с. 79—85.

⁹ Выдающийся русский юрист А. Я. Поленов (1738—1816), автор антикрепостнического сочинения «О крепостном состоянии крестьян в России» (написано в 1767 г., опубликовано только в 1865 г.), с ноября 1766 г. по май 1767 г. слушал лекции в Геттингене. По записям на книгах из его библиотеки видно, что он тоже покупал издания из собрания Шмаутца (вероятно, вместе с Иноходцовым весной 1767 г.). — Русский архив, 1865, стб. 725—726.

Какие же книги приобретал Иноходцов, отправленный заниматься экспериментальной физикой и прикладной математикой? Во-первых, книги тех авторов, которые были рекомендованы еще в Петербурге инструкцией, данной в Академии наук профессором И.-А. Брауном. Во-вторых, книги авторов, упомянутых в наставлении историка А. Л. Шлецера, которое тот, пробыв около года в Геттингене, оставил перед своим возвращением в Россию (именно Шлецер по поручению Академии наук доставил группу русских студентов из Петербурга в Геттинген). В-третьих, книги геттингенских профессоров.

Сохранилась принадлежавшая Иноходцову книга И.-С. Пюттера, изданная в 1765 г. и содержащая наряду с описанием молодого, но уже знаменитого геттингенского университета и библиографические сведения о его профессорах. В книге среди многочисленных помет Иноходцова имеются и его записи о датах смерти профессоров, лекции которых он слушал. Отметим, что и в других книгах на протяжении десятилетий Иноходцов указывал даты смерти авторов этих книг, а также известных ученых.

Этим экземпляром сочинения Пюттера пользовался при составлении рассказа об обучении Иноходцова в Геттингене и академик М. И. Сухомлинов — автор самого обстоятельного очерка о жизни и деятельности Иноходцова — в своей «Истории Российской академии» (т. 3. СПб., 1876). Причем он отметил и то, что книга содержит записи Иноходцова, и то, что она хранится в библиотеке Петербургского университета. Другие книги, принадлежавшие Иноходцову, Сухомлинов не использовал. Во второй половине XIX в. бытовало мнение, что библиотека Педагогического института до его преобразования в университет была незначительной, а о том, что там есть книги Иноходцова, уже прочно забыли.

А. Л. Шлецер, уезжая в Петербург, поручил попечение об Иноходцове и Юдине профессору философии С.-Х. Гольману и профессору математики А.-Г. Кестнеру. Оба знаменитых профессора присылали в Академию похвальные отзывы о занятиях русских студентов. Кестнер, поддерживавший с Петербургской Академией наук теснейшие отношения в течение всей своей долгой жизни, приглашал к себе студентов для частных бесед, а об Иноходцове сообщал, что тот много занимается самостоятельно. Естественно, что влияние Гольмана и Кестнера сказывалось и на подборе студентами книг для своих библиотек.

В книгах Иноходцова сохранилось несколько библиографических списков, составленных в Геттингене. Все упомянутые в списках книги изданы до 1767 г. Заносились они в списки постепенно, с указанием места и года издания.

Один из списков — это испещренный библиографическими записями курс «Первые начертания естественной философии»

Гольмана, изданный в Геттингене в 1765 г. На последней странице Иноходцов записал: «окончил 27 апреля 1767 г.», т. е. за два месяца до возвращения в Петербург. Курс Гольмана, составленный в духе вольфианской философии, посвящен методическим основам различных наук. Записи по отдельным дисциплинам расположены на полях соответствующих разделов книги. Но в библиотеке Иноходцова — два экземпляра этого курса. Второй содержит точно такие же записи. Скорее всего он принадлежал Ивану Юдину. По всей вероятности, после смерти Юдина какая-то часть его книг перешла к Иноходцову. В нескольких томах вышедших в начале 1760-х годов «Начальных оснований математики» Кестнера, принадлежавших Юдину, так же как и в курсе Гольмана, сохранилась на оборотной стороне чертежей запись сотен названий книг, по всем разделам естественных наук.

И, наконец, еще два списка книг, составленных Иноходцовым, относятся к главному делу его жизни — к астрономии. Это список основных книг по астрономии на форзаце изданных большим форматом в 1663 г. астрономических сочинений Ф. Лансберга и состоящий из 12 номеров список астрономических таблиц в «Эфемеридах на 1766 год», выпущенных в Вене М. Геллем. При чем последний список Иноходцов продолжал пополнять на протяжении нескольких десятилетий.

Оба списка содержат перечень важнейших научных сочинений, вышедших в XVI, XVII и XVIII вв. Так, список астрономической литературы начинается с трактата средневекового астронома Иоанна Сакробоско «О сфере», а заканчивается новейшей «Фотометрией» И. Г. Ламберта. Список астрономических таблиц начинается «Альфонсовыми таблицами», составленными в XIII в., а заканчивается только что появившимися таблицами Гелля. Это не просто рекомендательные списки и не круг чтения студентов, а как бы идеальная библиотека научной литературы по астрономии в ее историческом развитии. Этой идеальной библиотекой и руководствовался Иноходцов при покупке книг. Можно предположить (что и подтверждается сохранившимися изданиями), что именно в Геттингене Иноходцов приобрел почти все имевшиеся у него книги XVI—XVII вв. и многие из вышедших в первой половине XVIII в.

Упомянутые списки астрономических книг являются вместе с дошедшими до нас изданиями прямыми свидетельствами серьезных занятий Иноходцова астрономией в Геттингене. Известно, что его попытки еще до поездки за границу заняться практической астрономией закончились неудачей. Можно думать, что общение с Кестнером, чья статья «Похвала астрономии» была переведена в 1764 г. в академическом журнале «Ежемесячные сочинения», окончательно укрепило Иноходцова в его намерениях стать астрономом. Наконец, Кестнер занимался с русскими студентами непосредственно астрономи-

ей. Как сообщал Шлецер Академии наук в марте 1766 г., «г-н Кестнер занят приготовлением Иноходцова и Юдина к астрономии, и в это лето хочет показать им все практические приемы на обсерватории. Это было бы не дурно; они могли бы заниматься этой наукой, только как придаточной, и все-таки в 1769 г., во время прохождения Венеры, с пользою могли бы быть употреблены Академиею».¹⁰

В первом томе «Сокращения коперниканской астрономии» И. Кеплера (1618 г. издания) мы находим вписанные стихи Кестнера:

Так высоко еще не вознесся ни один из смертных,
Как возвысился Кеплер — и умер в нищете.
Он только и умел, что радовать души,
И поэтому тела оставили его без хлеба.

Само собрание литературных произведений Кестнера, где было помещено это ставшее как бы напутствием для молодого астронома стихотворение, тоже было приобретено Иноходцовым в Геттингене. Иноходцов сохранял на протяжении всей своей жизни глубокое уважение к Кестнеру, разностороннему ученому-естественнику, которого И. Бернулли в первом томе своего «Сборника для астрономов» (1771) назвал «немецким Фонтенелем». Больше всего записей, сделанных Иноходцовым на полях книги Пюттера, посвящено Кестнеру. По числу названий в собрании Иноходцова сочинения Кестнера стоят на одном из первых мест. «Начальные основания математики» Кестнера Иноходцов перевел в 1790-х годах, при подготовке учебных пособий для будущих российских университетов.

Книга Ловица

В самом начале 1769 г. Иноходцов, незадолго до того ставший адъюнктом Академии наук, был вместе с прибывшим из Геттингена астрономом Г.-М. Ловицем послан в экспедицию в Гурьев для наблюдения прохождения Венеры через диск Солнца. Закончив работы в Гурьеве, ученые отправились в район Царицына, где по поручению Академии в течение нескольких лет проводили изыскания на месте предполагавшегося сооружения канала между Волгой и Доном. Одновременно Иноходцов сделал ряд астрономических наблюдений, результаты которых послал в Петербург. Сразу же опубликованные на латинском языке в периодическом органе Академии, они сделали имя Иноходцова известным широкому кругу европейских астрономов.

Работа экспедиции проходила в сложных климатических условиях и потребовала от обоих ученых невероятного напря-

¹⁰ Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук, т. 13. СПб., 1875, с. 372.

жения сил (все поломки инструментов они были вынуждены исправлять сами из-за отсутствия механика). Экспедиция закончилась трагически... Вот как это описано в «Истории Пугачева» А. С. Пушкина: «Пугачев бежал по берегу Волги. Тут он встретил астронома Ловица и спросил, что он за человек. Услыша, что Ловиц наблюдал течение светил небесных, он велел его повесить *поближе к звездам*. Адъютант Иноходцев, бывший тут же, успел убежать».¹¹

Г. П. Блок в книге «Пушкин в работе над историческими источниками» (М.; Л., 1949), анализируя иностранные и русские печатные источники, послужившие основой для сведений Пушкина о гибели Ловица, попутно упоминает и ряд европейских ученых, обратившихся в академическую канцелярию с просьбой сообщить об обстоятельствах смерти астронома. Ссылается Г. П. Блок и на хранящийся в Архиве Академии наук рапорт Иноходцова, поданный им сразу по возвращении в Петербург, с изложением хода событий.

Однако малоизвестным остается тот факт, что тогда же, в 1775 г., Иноходцов послал Кестнеру письмо с описанием последних месяцев жизни Ловица и его смерти. Кестнер тут же напечатал это письмо в февральской книжке нового журнала «Немецкий музей» за 1776 г. При приближении отрядов Пугачева Иноходцов скрылся в сторону Астрахани. Ловиц же с близкими отправился к поселению немецких колонистов в надежде укрыться. Те и выдали его. Пугачеву, Пугачев приказал поднять астронома на пики (рогатины).

Отличия рассказа Иноходцова от повествования Пушкина позволили М. И. Сухомлинову, а вслед за ним и Г. П. Блоку говорить даже о двух версиях гибели Ловица. Хотя, скорее всего, сам характер документов предопределил эти различия. Иноходцов, хорошо осведомленный обо всех обстоятельствах, в сухом, более похожем на полуофициальный отчет, письме Кестнеру, мог не привести слов Пугачева, а у Пушкина, как установил Г. П. Блок, слова эти восходят к рассказу английского путешественника У. Кокса, побывавшего в России вскоре после подавления восстания. Упоминание о виселице появилось в «Записках о жизни и службе А. И. Бибикова» (1817), написанных его сыном, А. А. Бибиковым, который, как нам кажется, мог вывести способ казни из самих слов «поближе к звездам». По всей вероятности, слова эти появились в результате литературной обработки данного известия в сочинениях иностранных авторов. Гибель Ловица, как можно полагать, не была связана с его научными занятиями: для восставших крестьян ученый немец был лишь одним из представителей ненавистной царской администрации.

¹¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 10-ти т. 4-е изд. Т. 8. Л., 1978, с. 186.

Имущество Иноходцова погибло. Но оставшиеся случайно невредимыми рукописи, книги и инструменты Ловица он привез в Петербург. Одна из принадлежавших Ловицу книг — «Морская навигация» иезуита Э. Пезенаса — перешла к Иноходцову. В этой книге он в течение многих лет делал записи по навигации.

На благо отечественной науки

Вся жизнь П. Б. Иноходцова была подчинена служению науке, прежде всего астрономии. Но какое бы иное дело ни поручала ему Академия (полным академиком по астрономии Иноходцов стал в 1783 г.), он выполнял его с неизменной тщательностью и основательностью.

Он преподавал навигацию штурманам, назначенным в экспедиции на Тихий океан; стоял во главе академической гимназии; читал публичные лекции по математике; с 1800 по 1806 г. занимался метеорологическими наблюдениями в Петербурге — изо дня в день, в любую погоду. И только за несколько месяцев до смерти, неизлечимо больной, он был вынужден отказаться от этой обязанности. С 1781 по 1785 г. он опять находился в экспедиции и впервые определил с необычайной точностью (поражавшей астрономов еще в конце XIX в.) географические координаты не одного десятка городов европейской части России.

В этих ученых путешествиях П. Б. Иноходцова неизменно сопровождали книги. Одна из них — изданное на латинском языке (международном языке науки XVIII в.) в Петербурге в 1770 г. «Собрание всех наблюдений, которые по случаю прохождения Луны через диск Солнца были произведены в Российской империи». В книге, в частности, рукой Иноходцова, находившегося в это время вне Петербурга, сделана выписка из «Санкт-Петербургских ведомостей» № 73—74 за 1783 г. о кончине Леонарда Эйлера; в заметке сообщалось, что во время погребальной церемонии «гроб несли некоторые из г. членов здешней Академии и другие его приятели». Несомненно, что, будь П. Б. Иноходцов в это время в столице, он находился бы в числе провожавших в последний путь великого математика (первое научное сочинение Иноходцова получило одобрение Л. Эйлера). Между страницами книги сохранился небольшой листок бумаги с текстом следующего содержания:

«1784-го года июня 15-го дня из Тамбовской комендантской канцелярии Тамбовскаго батальона рядовым Василью Пирашкову и Кондратью Шеломанову

Приказ.

В силу Ея императорскаго величества из Тамбовскаго наместническаго правления указа командированы вы к Господину профессору Иноходцову

для сопровождения астрономической Экспедиции и для охранения при ней казенных инструментов, с которыми и следовать до города Калуги, а оттуда истребовать от него Господина профессора дозволения, возвратиться обратно в Тамбов к команде, и следовать же с поспешением, а праздно нигде не проживаться, обид и налог никому, да и никаких непорядков не чинить, под неупустительным в силе указов штрафа. На подлинном написано

Полковник Матвей Булдаков».

Этот документ, публикуемый нами с сохранением особенностей написания оригинала, — любопытное свидетельство условий, в которых проходили многолетние научные экспедиции Иноходцова.

Как и все остальные члены Академии наук, Иноходцов много занимался переводами. В связи с интересом к истории науки понятно обращение Иноходцова к переводу больших отрывков из сочинений Ж.-С. Байи по истории астрономии в 1770—80-х годах, вскоре после их выхода. (Долгое время в отечественной историографии авторство этих отрывков приписывалось самому Иноходцову. Это мнение, вошедшее во все справочники, ошибочно, что, впрочем, никак не снижает заслуг Иноходцова в деле распространения научной истории астрономии.)

Среди книг Иноходцова одна — «Физический трактат» Ж. Рого (1708 г. издания) — имеет запись «Подарение Ивана Ивановича господина Лепехина». С конца 80-х годов академики Лепехин и Иноходцов были соседями. Жили рядом на Фонтанке в соседних флигелях при Ботаническом саде Академии наук. Недалеко от дома у Иноходцова была небольшая обсерватория, сооруженная специально для него Академией.¹² В одной из его книг сохранился листок с планом небольшого дома с высокими окнами. Возможно, это и есть план обсерватории (нам известно только косвенное ее описание), построенной по проекту астронома.

Иноходцов сотрудничал с И. И. Лепехиным при переводе «Естественной истории» Ж.-Л. Бюффона. Вместе они посещали стоявший вблизи от флигелей дом, где проводились заседания Российской академии. Иноходцов был избран в 1786 г. ее членом «по известному его знанию русского слова». Сохранились четыре тома «Аналогических таблиц» (словника) к словарю русского языка, бывшему главным делом Российской академии. В «Таблицах» содержатся многочисленные добавления, важные не только для исторической лексикографии, но и для изучения личности самого Иноходцова: в подборе слов живого народного языка отразился его богатый жизненный опыт.

¹² Ченакал В. Л. Малые обсерватории Петербургской Академии наук в XVIII в. — В кн.: Историко-астрономические исследования, вып. III. М., 1957, с. 411—427.

Если часть собрания Иноходцова, приобретенная в Геттингене, — это библиотека студента, старающегося постичь основы наук, то книги, появившиеся у него после 1767 г., представляют собой библиотеку самостоятельного ученого, твердо осознающего цели своей работы. Приобретение почти каждой книги можно объяснить необходимостью решения стоявших перед ученым задач.

Во время экспедиций 1769—1775 и 1781—1785 гг. он был, естественно, лишен возможности пополнять библиотеку. Так, например, с 1775 по 1779 г. он выписывал «Астрономический ежегодник», издававшийся берлинским академиком И.-Э. Боде, но затем перестал, так как, во-первых, началась новая экспедиция, а во-вторых, став в 1779 г. экстраординарным академиком, он мог пользоваться книгами академической обсерватории и выписывать «Ежегодник» уже для нее.

Но всего более купленные после возвращения в Россию книги интересны тем, что благодаря сохранившимся в них многочисленным и разнообразнейшим рукописным материалам мы как бы оказываемся свидетелями повседневной работы неутомимого труженика, замечательного русского ученого П. Б. Иноходцова.

Многие издания Иноходцов сразу после покупки отдавал в переплет (такие книги имеют тиснение «П. И.»); в расчете на будущие записи к тексту приплетались чистые листы, которые Иноходцов в течение десятилетий вплоть до самой смерти заполнял заметками из новейших журналов, библиографическими сведениями о вышедших книгах, их характеристиками, фактами из истории астрономии, математики, механики, навигации, физики, метеорологии и т. п. — причем по определенной теме в соответствующей книге. Так, например, в принадлежавшем ему экземпляре немецкого перевода сочинения о ватерпасах астронома Жана Пикара (Берлин, 1770) Иноходцов привел многочисленные исторические сведения о каналах. Напомним, что в начале 70-х годов Иноходцов сам занимался геодезическими изысканиями на месте предполагавшегося канала между Волгой и Доном.

Так как все выписки имеют точные библиографические ссылки, появляется возможность восстановить круг чтения ученого, который, конечно, не ограничивался личной библиотекой. В сделанных Иноходцовым заметках упоминаются немецкие, французские, английские журналы. Знание, пусть и скромное, английского языка было редкостью для того времени. У Иноходцова было несколько астрономических сочинений на английском языке. По-немецки и по-французски он писал совершенно свободно.

Книги в библиотеке Иноходцова, изданные до 1767 г., от-

личаются широтой тематического репертуара. После возвращения в Россию репертуар сужается. Книг XVI—XVII вв. Иноходцов уже не приобретает. Записями, конспектами, расчетами заполнены новые книги. Старые издания остаются без помет, как, например, «Диалог» Галилея в амстердамском издании 1699 г.

В библиотеке очень мало книг по литературе, истории, совсем нет романов и т. п. Это главная особенность библиотеки, состав которой всегда определялся астрономическими интересами владельца. Однако, если судить по составленным Иноходцовым после экспедиций 1781—1785 гг. описаниям Тамбова, Вологды, Каргополя и т. д., он великолепно знал отечественную историю, этнографию, географию.

Уже из приведенных примеров видно, каким интересным источником для истории русской культуры является книжное собрание Иноходцова. В настоящее время сотрудники отдела редких книг приступили к подготовке научного описания этой библиотеки—драгоценного памятника русской науки XVIII в.

Закончим мы наш рассказ, вслед за М. И. Сухомлиновым, стихотворной надписью на памятнике погребенного на Смоленском кладбище П. Б. Иноходцова:

Под камнем сим лежит великий человек,
В нем сердца доброта сияла с просвещеньем.
Он был отечеству полезен весь свой век,
Прохожий; преклонись пред ним с благоговеньем.

ЛЕЙПЦИГСКАЯ ПОКУПКА 1830 г.

Профессорские библиотеки

формировании университетского книжного собрания исключительно важную роль сыграли, как уже говорилось, влившиеся в его состав библиотеки ученых. Независимо от путей их поступления (это могли быть дары профессоров, передача по завещанию, покупка у наследников) они образовали важнейшую часть основного фонда специальной научной литературы, определяя одновременно глубоко профессиональный и универсальный характер библиотеки университета.

Составившиеся в результате направленного многолетнего собиранья, неотделимые от научной, преподавательской и литературной деятельности их владельцев, библиотеки профессоров обеспечивали наилучшее качественное пополнение университетских книжных фондов. Они содержали множество редких и ценных изданий, часто недоступных для текущего университетского комплектования, и вместе с тем составляли основополагающий

книжный фонд по данной научной дисциплине, сформированный в соответствии с научными интересами владельца и отразивший его приверженность к определенному направлению исследований, запросы и задачи созданной им научной школы. И наконец, благодаря широте научного и культурного кругозора ученых, их связям с духовной и общественной жизнью своего времени, библиотеки эти, как правило, содержали совокупность книг по смежным отраслям знаний и представляли собой всякий раз уникальный памятник истории культуры. Все это как нельзя лучше отвечало потребностям университетского образования.

На протяжении своей истории библиотека университета непрерывно пополнялась книжными собраниями выдающихся деятелей отечественной науки и культуры. Приобретение библиотеки зарубежного ученого, естественно, составляло редчайшее исключение. Среди поступивших в Петербургский университет книжных собраний ученых в области гуманитарных наук одним из первых по времени и замечательных по количеству и качеству книг явилось собрание лейпцигского профессора Карла-Фридриха-Христиана Венка.

«Сокровища, приобретенные покупкою»

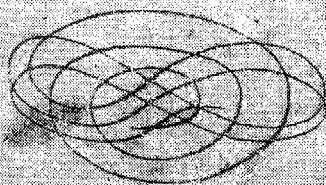
В 1828 г., вскоре после кончины профессора Лейпцигского университета Венка, оставившего вдову с семью детьми, была предложена к продаже собранная его многолетними трудами первоклассная библиотека. Через русское посольство в Саксонии сведения об этом поступили в Петербург. Министерство народного просвещения заинтересовалось возможностью пополнить ценной научной литературой пока еще недостаточное книжное собрание недавно основанного столичного университета. Библиотека ученого-правоведа представляла тем больший интерес, что в унаследованной университетом от Главного педагогического института библиотеке меньше всего было именно литературы по праву, необходимой для нового — философско-юридического — факультета. Из Лейпцига был затребован «Каталог Венковой библиотеки», содержащий тщательно составленное описание более трех тысяч книг (каталог этот и ныне хранится в Научной библиотеке ЛГУ).

В соответствии с предписанием министерства 30 июня 1829 г. попечитель Петербургского учебного округа К. М. Бороздин затребовал от Совета университета «мнение относительно приобретения библиотеки, принадлежавшей покойному лейпцигскому профессору Венке» (так он именуется в тогдашней переписке). Рассмотрение книг было поручено профессору В. В. Шнейдеру. Тогда же Совет Петербургского университета сообщил, со ссылкой на мнение профессора Шнейдера и философско-юридического факультета, что «приобрести книги, составляющие сию библиотеку, было бы весьма желательно для университета, который терпит нужду в лучших юридических сочинениях», однако

I A
5
Catalogus

Bibliothecae Monachianae

MDCCLXXXVIII

Рукописный каталог библиотеки К.-Ф.-Х. Венка.

Совет «не находит никакой возможности приобрести оную библиотеку покупкою по недостатку сумм у университета».

Недостающие средства были предоставлены университету заимообразно из хозяйственных средств Департамента народного просвещения. Деньги были немалые: 3750 саксонских талеров, или 12711 рублей. 3 июня 1830 г. библиотека К. Венка в составе 3220 томов была доставлена в Петербургский университет.

Лейпцигский правовед

Карл-Фридрих-Христиан Венк (1784—1828) родился в семье профессора истории Лейпцигского университета и получил превосходное классическое образование, сперва дома, а затем в основанной на принципах гуманистической педагогики школе А.-Г. Гофмана. С юных лет он свободно владел древними языками, знал и любил писателей классической древности, сочинял на латинском языке не только речи, но и стихи, а впоследствии помимо основных занятий правом комментировал и переводил на немецкий язык элегии Проперция. Шестнадцать лет он стал студентом университета, а через десять лет, успешно защитив диссертацию и получив последовательно степени бакалавра, магистра и доктора права, стал профессором юридического факультета. Его ученые труды были посвящены преимущественно разработке проблем гражданского права, но особо следует отметить его историко-правовые исследования. В частности, им было подготовлено опубликованное в 1825 г. научное комментированное издание памятника римского права V в. — «Кодекса» императора Феодосия, а его монография, посвященная средневековому юристу магистру Вакарию (1820 г.),¹ сохранила научное значение до наших дней. Наиболее значительные его юридические трактаты были переизданы посмертно в 1834 г. в сборнике «Академические сочинения», снабженном биографическим очерком и портретом автора.²

Однако место, занимаемое Венком в немецкой юриспруденции начала XIX столетия, достаточно скромно: добросовестный и серьезный ученый, талантливый преподаватель, он интересен скорее как наследник многовековой традиции науки римского права. Своеобразным выражением этой богатой историко-культурной традиции явилась и собранная им библиотека. По свидетельству его биографа Ф.-К.-Г. Штибера, лейпцигский правовед «потратил огромные силы и средства на собирание редких книг, благодаря чему им была оставлена библиотека, замечательная не столько множеством, сколько ценностью книг».³

Библиотека явилась едва ли не главным делом жизни К. Венка, но делом, неотделимым от его научной и преподава-

¹ Wenk C. F. Chr. Magister Vacarius. Leipzig, 1820.

² Wenk C. F. Chr. Opuscula academica. Leipzig, 1834.

³ Ibid., p. XIII.

тельской деятельности. 3264 книги указано в посмертно составленной описи (по неизвестным причинам в университет поступило 3220, на 44 книги меньше).

Библиотеку Венка не зря именовали «юридической библиотекой»: книги по праву в узком смысле слова (разделы римского права, канонического — церковного — права, немецкого обычного права и юридической практики) составили до 60% этого книжного собрания. Но не случайно еще в составленной в молодые годы автобиографии Карл Венк утверждал, что «истинное познание права возможно только если оно воздвигнуто на прочном основании философии, словесности и истории»⁴; в его собрании весьма широко представлены книги по философии права, теории государства, энциклопедии права и методологическим вопросам. Почти третья часть книг его библиотеки — творения римских и греческих авторов, труды по философии, классической филологии, древней истории, истории литературы, и, как сказано в описи, «сочинения смешанного характера».

Редкость и ценность собранных К. Венком книг бросается в глаза: это рукописи XII—XVI вв., инкунабулы и палеотипы. Но дело не только в редкости изданий, а и в редкостной полноте их подбора. Все сколько-нибудь важные в текстологическом, филологическом, историко-правовом отношении издания «Свода гражданского права» императора Юстиниана и отдельных его частей подобраны с почти исчерпывающей полнотой. Может показаться странным: зачем юристу было иметь у себя многие десятки изданий почти идентичных текстов, различающихся порой лишь некоторыми деталями и сопровождающими текст комментариями. Однако это отнюдь не причуда библиофила. Собирательство К. Венка имело прежде всего научный характер. Идеальная подборка разнообразных изданий и комментариев была ему нужна для научной работы. Об этом свидетельствуют и оставленные им ученые сочинения, и сохранившиеся на принадлежавших ему книгах пометы и записи. Перед нами не коллекция богатого библиофила, гонящегося за книжными редкостями, а рабочая библиотека ученого.

37 инкунабулов — более трети принадлежащей ныне Научной библиотеке ЛГУ коллекции первопечатных книг — происходят из библиотеки К. Венка, равно как и 40% университетского собрания палеотипов; весьма значительно число книг второй половины XVI—XVII в. и с почти исчерпывающей полнотой представлена в «Венковой юридической библиотеке» юридическая литература XVIII — начала XIX в.

«Все эти сокровища, — писал о книжном собрании К. Венка в предисловии к его «Академическим сочинениям» Ф.-К.-Г. Штибер, — приобретенные покупкою, ныне хранит библиотека недавно основанного Петербургского университета».⁵

⁴ Ibid., p. VIII.

⁵ Ibid., p. XV.

Магистр Вакарий и другие

Ядро юридической библиотеки К. Венка составляет «Свод гражданского права» — результат кодификации римского права, осуществленной в VI в. при императоре Юстиниане. Это и не удивительно: римское право, по словам Ф. Энгельса, — «совершеннейшая, какую мы только знаем, форма права, имеющего своей основой частную собственность»⁶; оно отличается «непревзойденной по точности разработкой всех существенных правовых отношений простых товаровладельцев».⁷ После рецепции (восприятия) в странах феодальной Европы в средние века, римское право составило основу юридического образования, юридической теории и практики в эпоху развития товарно-денежных отношений и перехода к буржуазному обществу. Книги «Свода» — «Кодекс» (сборник императорских постановлений), «Дигесты» (собрание извлечений из трудов римских юристов), «Институции» (установления — руководство к изучению права) и «Новеллы» (законы Юстиниана, изданные после составления «Кодекса») служили предметом изучения и комментирования на протяжении столетий. Многие из сохранившихся списков «Свода гражданского права» относятся к эпохе рецепции римского права (XI—XIII вв.) и сопровождаются глоссами (комментариями между строк и на полях рукописей) ранних толкователей.

Старейшая из рукописей собрания К. Венка и вместе с тем старейшая в университетской библиотеке латинская рукописная книга — это «Дигесты», переписанные на пергамене в XII в. в одном из городов Северной Италии. Рукопись украшена великолепными инициалами «звериного» стиля; она содержит глоссы, принадлежавшие одному из основателей итальянской школы римского права магистру Булгарусу (XII в.), и представляет собой один из древнейших списков этого текста. Ценность манускрипта увеличивается еще одним обстоятельством. В XIV в. рукопись принадлежала капитулу Бамбергского архиепископства и на полях многих листов «Дигест», начиная с 19-го и почти до конца рукописи (насчитывающей 209 листов), переписаны тексты актов XIV в., отражавших юридическую практику архиепископской канцелярии; этот зафиксированный на полях рукописи архив еще ждет своего исследователя.

Другая рукопись Венкова собрания относится к деятельности еще одного крупного средневекового юриста — магистра Вакария (XII в.), основателя юридической школы в Оксфорде. Вакарием было составлено сокращенное изложение «Кодекса» и «Дигест», получившее за свою сравнительную простоту и доступность наименование «Книга бедных». Всего четыре рукописи и несколько фрагментов этого текста известно в настоящее время специалистам. Принадлежавший К. Венку список XIII в. был

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 20, с. 105.

⁷ Там же, т. 21, с. 311.

положен в основу его исследования о магистре Вакарии. На протяжении полутора столетий следы списка были затеряны (несмотря на точные указания в статье, предпосланной «Академическим сочинениям» Венка 1834 г.), и только недавно рукопись вновь привлекла внимание специалистов, в частности английских. К сожалению, она сильно пострадала во время войны: отсырела, листы слиплись, и, несмотря на усилия высококвалифицированных специалистов из Лаборатории консервации и реставрации документов АН СССР (работу осуществляла Т. М. Субботина), ее удалось восстановить лишь частично.

Рукопись «Институций» XIII в. точно датирована: в конце ее сделана запись о том, что она завершена в 1259 г. Она содержит полную «большую глоссу» Франциска Аккурсия, наиболее авторитетного из средневековых комментаторов. А в качестве форзадного листа к рукописи приплетен фрагмент рукописи еще более ранней. Это самый древний памятник письменности из числа хранящихся в Научной библиотеке ЛГУ, он представляет собой лист из миссала (служебника), происходящего, по мнению специалистов, из Северной Франции. Фрагмент интересен и сохранившимися в нем «невмами» (знаками нотации), проливающими свет на историю раннесредневековой музыкальной культуры.

Среди принадлежавших К. Венку инкунабулов и палеотипов — полные своды памятников римского и канонического права в лучших изданиях, с великолепными миниатюрами и инициалами, множество изданий, вышедших из знаменитейших типографий Венеции, Парижа, Лиона, Майнца, Нюрнберга, Базеля, в том числе сборник изданий 1486 г. в переплете XV в. с цепью, а также богато украшенный том «Саксонского Зерцала» — памятника немецкого обычного права, напечатанного в Аугсбурге в 1486 г.

Заслуживает упоминания и конволют (сборник нескольких изданий в одном переплете), содержащий римские издания 1470—1473 гг., в том числе «Устав» папской канцелярии с рукописными дополнениями юридического и исторического характера; в мире сохранилось не более одного-двух экземпляров каждого из этих изданий. В XV в. они принадлежали какому-то студенту или магистру недавно основанного Гейдельбергского университета; владелец присоединил к ним переписанный от руки в 1466 г. юридический лексикон.

Юридическая часть собрания К. Венка включает в себя редчайшие издания XV—XVI вв. трактатов средневековых юристов, большая часть которых позже не переиздавалась, а также правоведов эпохи Возрождения и представляет собой, таким образом, уникальный свод памятников юридической мысли многих столетий. В своей совокупности он играет роль первоклассного исторического источника, заслуживающего самого пристального внимания исследователей.

Философия, история и словесность

Внимание историка средних веков привлекут в собрании К. Венка не только издания правовых памятников отдельных местностей и городов Германии, но и собственно исторические сочинения. Хроника Конрада фон Лихтенау представлена здесь изданием 1540 г., сочинение историка XVI в. Иоганна Карюна — изданием 1533 г. Имеется здесь и «История Англии» Полидора Виргилия, и исторические сочинения итальянского гуманиста XV в. А. Панормиты, в частности, принадлежащее его перу жизнеописание Альфонса Арагонского. Интересен анонимный полемический трактат о бракосочетании английского короля Генриха VIII и стихотворный памфлет неизвестного автора, посвященный войнам между Францией и Империей Габсбургов.

Изучение римского права требовало глубокой филологической культуры. Поэтому особенно богатым и полным является в библиотеке К. Венка собрание произведений античных авторов. Классический раздел его библиотеки носит почти исчерпывающий характер. В лучших изданиях XV — начала XIX в. (но преимущественно XV — XVII вв.) здесь представлены древние философы — Платон и Аристотель, ораторы — Исократ и Цицерон, историки — Тацит и Ливий, мы встретим здесь сочинения Плутарха и Полибия, Плиния и Квинтилиана, Диона Кассия и Аммиана Марцеллина, комедии Аристофана, Теренция и Плавта, стихи Горация, Катулла, Тибулла, Проперция, сатиры Персия и Ювенала... Труды по классической филологии, отражающие развитие ее на протяжении нескольких столетий, удачно дополняют это превосходное собрание.

Не остались вне внимания собирателя мыслители и поэты средних веков: мы находим в его коллекции энциклопедический свод («Книгу этимологий») Исидора Севильского (ок. 570—636) в двух изданиях XV в., произведения английского философа-неоплатоника (XII в.) Иоанна Солсберийского, латинские стихи немецких средневековых поэтов... Широко представлены в библиотеке К. Венка сочинения писателей и ученых эпохи Возрождения — итальянских гуманистов Энея Сильвия Пикколомини (папы Пия II), Франческо Филельфо, Филиппо Бераальдо, французского гуманиста Гийома Бюде, испанского — Хуана Луиса Вивеса, немецкого — Альбрехта фон Эйба (издание с гравированным портретом автора); здесь и своеобразная энциклопедия XVI в. — «Градские комментарии» Рафаэлло Маффеи (Рафаэля Вольтерранского); многие из этих произведений не переиздавались с XV—XVI вв.

В библиотеке К. Венка нашел отражение его интерес к истории политической мысли эпохи Возрождения и раннего Просвещения. Среди принадлежавших ему книг — сочинения Никколо Макиавелли и сборник направленных против него полити-

ческих памфлетов, произведения крупнейшего французского политического мыслителя XVI в. Жана Бодена, «деда» международного права Альберико Джентили и «отца» этой отрасли юридической мысли Гуго Гроция, книги С. Пуфендорфа и Ш.-Л. Монтескье.

Невозможно перечислить все сколько-нибудь замечательные книги этого собрания. Но значение библиотеки определяется не только хранящимися в ней книжными редкостями, как бы ценны они ни были сами по себе: главное заключается во всей совокупности сосредоточенных в ней изданий, отражающих преломляющих всякий раз своеобразный этап в истории культуры. Разумеется, не следует преувеличивать разносторонности Венкова собрания книг: как и всякое другое, оно ограничено культурой своего времени и обстоятельствами духовного формирования своего владельца. Характерно, что в библиотеке К. Венка мы не встретим сочинений Вольтера и других крупнейших мыслителей французского Просвещения. Лейпцигский профессор права прошел мимо немецкой классической философии, современником которой он был, нет в его библиотеке и памятников немецкой художественной литературы эпохи «Бури и натиска». Но и отсутствие тех или иных книг в библиотеке ученого есть тоже примечательный и достойный внимания факт истории культуры.

Важнейшие разделы собрания старопечатных книг из библиотеки К. Венка отражены в изданных Научной библиотекой ЛГУ каталогах инкунабулов и палеотипов, продолжается изучение и научное описание других ценных изданий. За более чем сто пятьдесят лет после приобретения библиотеки К. Венка университетское собрание редких западноевропейских изданий многократно увеличилось и является важным подспорьем для научных исследований в области гуманитарных наук.

«БЕСКОРЫСТНОЕ УСЕРДИЕ К ОБЩЕСТВЕННОЙ ПОЛЬЗЕ»

«Ярославские портреты»

Выставка «Ярославские портреты», располагавшаяся зимой 1981 г. в залах бывшего Конногвардейского манежа в Ленинграде, привлекла внимание любителей искусства и отечественной истории. 134 отлично подобранных и превосходно отреставрированных портрета познакомили с творчеством ярославских мастеров XVIII — первой половины XIX столетия. Разумеется, экспонаты из музеев Ярославля, Углича, Ростова (Ярославского) и Переславля Залесского не могли соперничать с шедеврами русской

портретной живописи, знакомыми нам по коллекциям Русского музея и Третьяковской галереи. Однако история искусства не исчерпывается одними шедеврами, и ее изучение необходимо предусматривает знакомство с художественной культурой эпохи в целом. А для историка собрание, подобное представленному на выставке «Ярославские портреты», приобретает значение совершенно исключительного по своей ценности источника, являя собой галерею типов и характеров людей отдаленной эпохи.

На одном из портретов, значившемся в каталоге выставки под номером 107, изображен пожилой, строгого и достойного вида купец (о сословном положении говорила и прическа — длинные волосы, расчесанные на прямой пробор, и борода); две золотые медали с профилями императоров Александра I и Николая I и крест св. Станислава 3-й степени свидетельствовали о немаловажных заслугах. Портрет выделялся среди других не своими художественными достоинствами; на выставке было немало куда более совершенных работ, принадлежавших более опытным и оригинальным мастерам. Подпись под портретом гласила: Василий Андреевич Пивоваров. В аннотации, помещенной в каталоге, о нем сообщалось немного: родился в 1798 г., сын угличского мещанина Андрея Борисовича Пивоварова, купец, учредитель богадельни и детского приюта. В музей г. Углича портрет, вместе с парным портретом жены В. А. Пивоварова, Евдокии Васильевны, поступил в 1892 г. в дар от начальницы богадельни. Никакими иными сведениями о нем не располагали и в Угличском историко-художественном музее.

Между тем имя Василия Андреевича Пивоварова теснейшим образом связано с историей Петербургского университета, и прежде всего — с университетской библиотекой. Это его трудами и заботами в 40—50-х годах прошлого столетия было создано в библиотеке столичного университета России собрание редких старопечатных книг и рукописей.

Поиски в архивах и книгохранилищах, изучение годичных торжественных актов Петербургского университета и Главного педагогического института, обнаружение в фондах Государственной Публичной библиотеки редчайшего издания — вышедшей в 1885 г. в Ярославле небольшой брошюры «Василий Андреевич Пивоваров»¹ — позволили восстановить важнейшие сведения о жизни и деятельности этого человека, чьи заслуги перед отечественной культурой не подлежат забвению.

---

¹ Василий Андреевич Пивоваров Старым людям на послушание, молодым людям ради памяти, Ярославль, изд. православного братства святителя Дмитрия, тип. Губернского правления, 1885, 12 с. — Брошюра без титульного листа, подписана инициалом «Б.».

Почетный гражданин

Доброй памятью пользуются в нашей стране имена людей, которые способствовали своей деятельностью созданию выдающихся художественных и книжных собраний, составляющих славу отечественной культуры, — братьев П. М. и С. М. Третьяковых, П. И. Щукина, М. А. Морозова, многих замечательных коллекционеров и библиофилов. Нужно, однако, помнить, что в строительстве русской культуры участвовали и гораздо более скромные люди, чьи имена не так широко известны. Это благодаря их усилиям возникли небольшие, но примечательные коллекции «провинциальных» музеев в губернских и уездных городах России, и поныне поражающие приезжих своим, часто неожиданным, богатством и своеобразием; это благодаря им возникли в центральных и местных библиотеках интереснейшие, порой уникальные собрания русских и зарубежных старопечатных книг и рукописей.

Одним из таких, несправедливо забытых и достойных нашей благодарной памяти скромных собирателей был и Василий Андреевич Пивоваров. Его неутомимая деятельность, направленная на пополнение университетского книгохранилища ценнейшими изданиями, составляла важнейшую часть его «бескорыстного усердия к общественной пользе», как оценили его труды современники.

Коренной житель города Углича (имя Пивоваровых встречается в старинных ревизских сказках уже в первой половине XVIII в.), В. А. Пивоваров еще мальчиком был отправлен отцом в Петербург, где поступил в обучение в купеческую лавку. Среди русского купеческого сословия ярославцы выделялись торговой сметкой, основательностью и удачливостью; довольно скоро сын угличского мещанина стал крупным столичным сукно-торговцем. Но не торговые успехи Пивоварова занимают нас, а то, на что стал он употреблять полученные от торговых операций доходы. Весьма значительную их часть он обращает на цели благотворительности. Уже в 1839 г. он сооружает на свои средства больницу для детей канцелярских служащих; с 1841 г. ежегодно жертвует по 300 рублей серебром на потребности Санкт-Петербургских училищ, дает крупные суммы на содержание сиротских домов и приютов, содействует строительству глазной лечебницы, детской больницы, Максимилиановской больницы в Петербурге. Не забывал он и родной Углич: здесь им были построены и взяты на содержание детский приют и две богадельни. В последние годы жизни Пивоваров оказывал большую помощь инвалидам — участникам обороны Севастополя, жертвовал деньги на сооружение в Новгороде знаменитого памятника Тысячелетию России. С этой его деятельностью связаны и происхождение портрета Пивоварова, написанного спе-

циально для богадельни г. Углича (впервые подобный портрет был заказан для одного из петербургских училищ в 1840 г.; теперешнее его местонахождение неизвестно), и те награды, что художник изобразил на портрете. Кроме двух медалей и ордена Станислава 3-й степени Пивоваров был награжден орденом Станислава 2-й степени, орденом св. Анны 3-й степени и Ольденбургским орденом заслуг и был удостоен звания почетного гражданина. Мы склонны иногда недооценивать значение частной благотворительности в прошлом. Действительно, она часто носила характер лицемерный, не могла исправить пороки несправедливого общественного строя. Но нужно иметь в виду, что в условиях царской России, когда государственные ассигнования на дело социального обеспечения были ничтожны, частная благотворительность могла выполнять важную общественную функцию. Она в этих условиях являлась выражением гуманных и патриотических чувств людей, и в этом плане была неотделима от их деятельности, направленной на содействие отечественному просвещению и культуре; поэтому и благотворительная деятельность Пивоварова заслуживает нашего внимания и уважения.

«Неизменный друг университета»

С Петербургским университетом В. А. Пивоваров был связан по крайней мере с 1837 г. и до самой смерти в 1860 г.; он был старостой университетской церкви (на строительство и украшение которой пожертвовал немалые суммы). К 1844 г. относится первый его крупный вклад в университетскую библиотеку. Как говорил в своей речи на торжественном акте университета ректор П. А. Плетнев, «почетный гражданин Пивоваров, показавший уже много опытов усердия своего к университету, вновь представил доказательство стремления своего к общественной пользе». В письме на имя ректора Пивоваров писал: «Получив по наследству собрание редких старопечатных славянорусских книг, состоящее более, нежели из 60 разных названий, оцененных любителями и собирателями книг этого рода свыше двух тысяч рублей серебром, и желая представить это собрание в пользу какого-либо высшего учебного заведения, где эти старинные книги могли бы быть в наибольшем и наилучшем употреблении, служа как преподавателям, так и учащимся, я, в этом намерении, не только удалял от себя всякий случай выгодной продажи этих книг в частные руки, но даже старался по возможности пополнить это собрание, приобретя сочинения, подходящие под тот же род и отличающиеся занимательным содержанием. Составив таким образом собрание книг, замечательные по старине, разнообразию и количеству (числом 157 названий) и умножив его достаточным числом старинных же рукописей (а именно: 29 названий), я... почел обязанностью предложить

все означенное собрание книг и рукописей в дар сему высокому и благодетельному учебному заведению».²

За этим «первым опытом приношения старины», как назвал его сам Пивоваров, не замедлили последовать и другие: на протяжении полутора десятилетий, вплоть до самой смерти, следовали один за другим ценные дары Пивоварова в библиотеку университета. Уже в 1845 г. он передал в университет еще 45 книг и 37 рукописей, и так повторялось ежегодно. Одновременно Пивоваров начал дарить не менее ценные редкие издания в библиотеку соседствовавшего с университетом в знаменитом здании 12 коллегий Главного педагогического института. Всего за эти годы, по не вполне окончательным данным, эти две библиотеки (после закрытия Главного педагогического института в 1859 г. его книжное собрание соединилось с университетским) получили от Пивоварова 356 старопечатных славяно-русских книг XVI—XVIII вв., 167 рукописей, более 100 иностранных книг на латинском, немецком, французском, польском языках, 14 редких географических карт. Кроме того, он передал в эти учебные заведения 1396 монет и медалей — русских и иностранных, золотых, серебряных и медных, «из коих некоторые признаны весьма интересными и важными в археологическом отношении» (это собрание монет впоследствии было передано в Эрмитаж). Некоторое количество книг и рукописей было им передано также в Библиотеку Академии наук (в том числе рукописный «Апостол» XV в.) и в библиотеку духовной семинарии.

Патриотическая направленность собирательной деятельности Пивоварова, преимущественное внимание его к древнерусским рукописям и старопечатным книгам вполне отвечали распространившемуся в русском обществе и охватившему широкие общественные круги интересу к отечественной истории и культуре.

Но в этой своей деятельности Пивоваров явил собой особый и, надо сказать, не часто встречающийся тип собирателя. Он не принадлежал к числу знаменитых петербургских библиофилов, многим из них он уступал и в богатстве, и в образованности. Разумеется, наиболее серьезные и культурные собиратели имели в виду не только удовлетворение личной страсти коллекционирования книжных редкостей, но и пользу общую: свои богатейшие собрания они, как правило, предполагали в конце концов передать в государственные библиотеки, и, если тому не мешали непредвиденные обстоятельства (внезапная кончина, невежество и своекорыстие наследников), их коллекции занимали почетное место на полках национальных книгохранилищ. Но Пивоваров сразу, начав приумножать полученное от отца не-

---

² Годичный акт в имп. Санкт-Петербургском университете, бывший 8 февраля 1845 г. СПб., 1845, с. 29—31.

большое книжное собрание, имел в виду прямую передачу своих книг в библиотеки высших учебных заведений.

Он и продолжал собирать книги с исключительной целью пополнения университетского и институтского книгохранилищ. Его собирательская деятельность уже с самого начала была проникнута заботой о пользе отечественной науки. В первом письме ректору он выражал надежду, что его приношение «доставит университету плоды, превышающие его ценность», а через несколько лет смог с гордостью заметить: «В настоящее время, когда университетская библиотека имеет достаточное собрание славянорусских старинных книг, мне приятно думать, что это собрание составилось преимущественно через мои старания». Вместе с тем он предполагал «еще паки приумножить это собрание памятников просвещения наших предков, и, соответственно с тем, пополнить коллекцию рукописей, чем займусь я тем охотнее, что высоко ценю благодетельное расположение ко мне Вашего Превосходительства и всего ученого сословия университета».

Ученое сословие не оставалось в долгу: «бескорыстное усердие к общественной пользе» почетного гражданина Пивоварова постоянно отмечалось на торжественных актах Петербургского университета и Главного педагогического института: «Положенное им прочное и достопамятное основание драгоценной сокровищницы в рассаднике наставников Российского юношества, — говорилось на одном из актов, — приношением редчайших книг и рукописей, между которыми иные по содержанию, иные по своему происхождению и иные по образу начертания едва ли не суть единственные образцы в своем роде, — послужит для посвящающих себя изучению отечественной старины к самостоятельным ученым филологическим и археологическим исследованиям».³ «Неизменным другом университета» называл Пивоварова ректор профессор П. А. Плетнев, выражая ему «сердечное спасибо, это русское спасибо, в котором сказывается лучшее желание души».⁴

«Собрание памятников просвещения наших предков»

Университетская библиотека была изрядно стеснена в средствах; собрание книжных редкостей не могло входить в ее задачи. Именно поэтому пожертвования частных лиц были особенно ценны и незаменимы во всем, что касалось создания фонда редких книг и рукописей. И здесь заслуги В. А. Пивоварова особенно велики.

³ Отчет о деятельности Главного Педагогического института с 1845 по 1848 год. СПб., 1847, с. 14; Василий Андреевич Пивоваров, с. 4.

⁴ Василий Андреевич Пивоваров, с. 5.

Созданная им коллекция и поныне в почти полном виде хранится в Научной библиотеке Ленинградского университета. (Некоторые издания были утрачены еще в прошлом столетии.) Пивоваров был культурным и просвещенным собирателем. Не имея систематического образования, он тем не менее благодаря самостоятельным занятиям отлично разбирался в отечественной книжной старине. Составленные им списки пожертвованных книг свидетельствуют о глубоком понимании их историко-культурной ценности. «При обращении ныне внимании на русскую старину, — писал он в 1852 г., — для меня лестно, что я мог доставить этому учено-высокому заведению до семи редких изданий 16-го века, до 50-ти 17-го и более 120-ти 18-го столетия». В дальнейшем число пожертвованных им редких изданий еще более возросло. И ныне в университетском книжном собрании, благодаря усилиям Пивоварова, хранятся многие выдающиеся памятники раннего славянского и русского книгопечатания. Книг XVI в. среди них 10, в том числе знаменитая острожская «Библия» Ивана Федорова, изданная великим первопечатником в 1581 г. (400-летие этого выдающегося памятника отечественной культуры отмечала в 1981 г. наша научная общественность); виленское «Евангелие» 1575 г. и ряд других редчайших московских и виленских изданий раннего периода. Среди 58 «пивоваровских» книг XVII в. — замечательные издания типографий Москвы, Киева, Чернигова, Могилева, Унева, в том числе «Грамматика» Мелетия Смотрицкого 1648 г.; «Уложение» — свод законов царя Алексея Михайловича 1649 г.; московская «Библия» 1663 г., на титульном листе которой помещен первый печатный план Москвы; первое издание «Киево-Печерского патерика» 1661 г.; издания произведений писателей XVII в. Симеона Полоцкого, Дмитрия Ростовского, «Синописис» (изложение истории славянских народов) Иоанникия Галятовского. Велико и собрание изданий первой четверти XVIII века, отразивших важнейшие черты русской истории и культуры эпохи Петровских реформ, — тут и «Арифметика» Леонтия Магницкого, и «Грамматика» Федора Поликарпова, и проповеди Феофана Прокоповича, и посвященное обоснованию внешней политики России в период Северной войны «Рассуждение» П. Шафирова, и сочинения, переведенные на русский язык по распоряжению Петра I.

Богатое собрание рукописей, пожертвованное Пивоваровым, включает в себя памятники русской письменности конца XV — начала XVI в., список «Грамматики» Мелетия Смотрицкого, сделанный в начале XVIII в. с первого издания 1619 г. и являющийся собой превосходный образец «поморского письма»; «Летописец Соловецкий» в списке начала XIX в.; сборник, содержащий «Жития, службы и слова святых Зосимы и Савватия Соловецких», датированный 1738 г. Значительный интерес представляет выписка из «Синописиса» — «О войне великого князя Дмитрия Иоанновича с Мамаем» (XVIII в.). Немало и любопытных па-

мятников демократической литературы, в том числе популярная среди русских читателей XVIII в. «История о славном рыцаре Петре Златых ключей», «Гистория о скифском принце Любиме, как за его злые пороки превращен был в страшного зверя, а за добродетель опять награжден принцем». Встречаются здесь и выписки из печатных книг от переводов пьес Мольера до периодических изданий Академии наук.

Среди подаренных Пивоваровым университету сравнительно немногочисленных иностранных изданий имеются редчайшие книги XVI в. — собрание юридических комментариев Паоло де Кастро, выпущенное в свет в Лионе в 1543 г., ученые сочинения XVI—XVIII вв. по праву, математике и медицине, достойно пополнявшие университетские коллекции редких зарубежных книг.

Книги и рукописи, подаренные Пивоваровым университету, и поныне служат отечественной науке, исследуются преподавателями и студентами. Библиотека продолжает получать книги в дар от сотрудников и питомцев университета; организуются археографические экспедиции, позволившие более чем удвоить собрание русских старопечатных книг, основание которому было положено почетным гражданином Василием Андреевичем Пивоваровым.

ЕЩЕ РАЗ О «ЗАГАДОЧНОМ БИБЛИОФИЛЕ»

Столоначальник-библиоман

агадочным библиофилом назвал собирателя прошлого века П. Я. Актова известный историк русской литературы, профессор Ленинградского университета, член-корреспондент АН СССР П. Н. Берков, посвятивший ему статью, опубликованную в 1958 г. в «Трудах отдела древнерусской литературы»,¹ и очерк в сборнике «О книгах и людях» (М., 1965).

«Среди библиофилов первой половины XIX в., — отмечал исследователь, — большей частью крупных сановников или по крайней мере богатых купцов, как И. Н. Царский, А. И. Кастерин и др., П. Я. Актов представляется странным исключением».² Он был мало известен в кругах собирателей книжных редкостей своего времени; имя его не попало в известные справочники по русскому библиофильству; проникшие в печать сведения о нем

¹ Берков П. Н. П. Я. Актов, забытый собиратель древнерусских рукописей и старопечатных книг. — В кн.: Труды отдела древнерусской литературы, т. 14. Л., 1958, с. 637—643.

² Там же, с. 643.

и о его библиотеке носили отрывочный и случайный характер.

Сын провинциального священника из уездного города Нерехты Костромской губернии, Платон Яковлевич Актов родился в 1797 г.; в 1816 г. он окончил курс Костромской духовной семинарии. Фамилию, звучащую несколько искусственно, ему, по тогдашнему обыкновению, дали в семинарии (отец прозывался по городу, где служил, Иаковом Нерехотским); его родной брат, известный историк-краевед, служивший впоследствии протоиереем в Костроме, получил там же фамилию Диев. После восьми лет преподавания в уездном духовном училище в г. Макарьеве на Унже Костромской губернии П. Я. Актов оставил духовное поприще и стал чиновником. Четырнадцать лет он служил в Туле, а с 1838 г. и до смерти, последовавшей летом 1842 г., — в Петербурге, столоначальником в департаменте уделов, дослужившись до чина надворного советника.³

В семинарии Актов получил основательное знание латинского языка и был не чужд литературным занятиям: в годы службы в уездном духовном училище он перевел с латинского «Краткую римскую историю» Евтропия (IV в.), перевод этот остался в рукописи и хранился в свое время в библиотеке Костромской семинарии.

Трудно сказать, когда и при каких обстоятельствах Актов начал собирать книги, но, видимо, достаточно рано, если уже во время службы в Туле у него составила большая и ценная библиотека, насчитывавшая более 5 тыс. томов. Во всяком случае, сразу же по приезде в Петербург он приступил к частичной распродаже своей коллекции редких книг. А 21 июня 1842 г. в «Литературной газете» сообщалось о том, что Актов «ныне владеет у нас в Петербурге весьма значительным и редким собранием старопечатных и древних книг» и в их числе «есть такие, которых, как известно, существуют только два или три экземпляра». Но это сообщение о новом столичном книжном собрании свидетельствовало одновременно и о конце его существования: владелец его, оповещала своих читателей газета, «желал бы даже продать всю библиотеку или часть ее». Не прошло и месяца, как 19 июля того же года в «Литературной газете» было опубликовано новое «известие для библиоманов». Составитель его (как предполагает П. Н. Берков, это был известный в то время библиограф И. П. Сахаров) с прискорбием сообщал «о внезапной кончине... деятельного и почтенного библиомана русского» и о распродаже его библиотеки наследниками. В газетном сообщении шла речь не обо всех пяти тысячах книг, собранных Актовым, но лишь о наиболее ценной части его собрания, насчитывавшей 1105 книг.

Даже судя по этой краткой газетной информации, собрание

³ Никольский Н. К. Рукописная книжность древнерусских библиотек (XI—XVII вв.). Вып. 1. А—Б. [СПб., 1914], с. 22—23.

П. Я. Актова представляло ценность совершенно исключительную. В нем насчитывались 352 пергаменные и бумажные рукописи, и среди них латинский служебник XI в., молитвенник времен Карла Великого, постановления Базельского собора XV в., папская булла того же времени, армянская рукопись 1189 г. (толкование апостольских посланий), парижские и орлеанские судебные акты; особенно ценным было собрание славянорусских рукописей, начиная с Евангелия XIV в., включавшее в себя множество рукописных книг и грамот XV—XVII вв. Разумеется, не все датировки (особенно сделанные владельцем собрания) заслуживают безусловного доверия, могли быть и ошибки, связанные с тогдашним состоянием исторической науки. И. П. Сахаров с осторожностью, граничащей с иронией, упоминает входящее в собрание Актова «Слово о полку Игореве», «имеющее свойства и вид старинного почерка»: известно, что после гибели во время московского пожара 1812 г. подлинной рукописи «Слова о полку Игореве», появилось немало подделок, одна из которых, очевидно, и была приобретена тульским собирателем, возможно, уже в Петербурге.

Не менее ценным было и актовское собрание старопечатных книг, среди которых И. П. Сахаров упоминает 64 издания, неизвестных тогдашним библиографам, и 170 редких изданий, в числе которых — виленская «Псалтирь» 1575 г., острожская «Библия» Ивана Федорова 1581 г., киевский «Требник» Петра Могилы 1646 г. Коллекция иностранных старопечатных книг насчитывала 277 изданий, в числе которых упоминалось 47 инкунабулов (дата одной из этих книг, 1444 г., вызвала особый интерес: это время, когда только начинал свои первые опыты по печатанию книг изобретатель типографского искусства Иоганн Гуттенберг), 90 изданий XVI в. и 140 — XVII в. Особо упоминались «Статуты Польши» 1506 г. Сверх того, среди «редких, отличных иностранных 242 изданий» у Актова имелись описания путешествий, собрания рисунков, «живописные виды по предметам натуральной истории, искусств, древностей... и отборные творения классиков», издания лучших европейских печатников — Мануциев, Этьенов, Эльзевиров, Бодони, Дидо.

Каким образом сын сельского священника, чиновник средней руки, не располагавший наследственным имением, сумел собрать столь богатую библиотеку, оцененную тогда же знатоками в 5—7 тыс. рублей, остается неясным. Разумеется, Актон мог, служа в Макарьеве и в Туле, использовать свои связи с местным духовенством для приобретения древних русских рукописных и старопечатных книг, в частности вышедших из употребления и обветшавших богослужебных книг, без особых сложностей переходивших в частные руки. Старинные грамоты могли попасть к нему из помещичьих имений и из архивов уездных канцелярий. Труднее объяснить происхождение ценных иностранных рукописей и редких изданий. Не исключено,

что к Актову каким-то образом попало чье-то библиофильское собрание; более определенно об этом можно будет судить лишь тогда, когда будут выявлены сами экземпляры книг из его коллекции. А дело это сложное: к сожалению, собранная трудами «деятельного и почтенного библиомана» библиотека не надолго пережила своего владельца.

Распродажа коллекции

Библиофильство, не подкрепленное подлинной культурой, не одушевленное гуманной и патриотической идеей, библиофильство эгоистическое, выражающее себя как страсть к собирательству книжных редкостей, в конце концов часто уничтожает плоды собственных, порой немалых усилий. Библиотека П. Я. Актова, являвшаяся, несомненно, ценным собранием русских и иностранных рукописей и книг, не сохранилась как целое и потому не заняла достойного места в истории русского библиофильства, не стала, во всей своей совокупности ни при жизни владельца, ни после его смерти, фактом истории отечественной культуры. Продавать собранные им сокровища Актов начал уже в 1838 г., тотчас же по приезде в Петербург. Осуществила распродажу собранных им сокровищ его вдова — В. Актова.

Продать библиотеку целиком в одни руки не удалось: у крупных книгохранилищ необходимых для этого средств не было, а частные собиратели предпочитали покупать лишь нужные им издания. Значительную их часть приобрел граф С. Г. Строганов, попечитель Московского учебного округа (судьба его библиотеки пока не изучена). Некоторые издания попали в собрание известного библиофила С. Д. Полторацкого. Древнерусские акты были приобретены и впоследствии частично опубликованы Археографической комиссией.⁴ Книгами Актова заинтересовался историк М. П. Погодин; предполагала приобрести их Александро-Невская (Петербургская) духовная академия; однако никакими достоверными сведениями мы на сей счет пока не располагаем.

Еще при жизни владельца, в 1838 г., большое число славяно-русских старопечатных книг было предложено им в императорскую Публичную библиотеку. Директор ее А. Н. Оленин поручил рассмотреть список предназначенных к продаже книг библиотекарю «статскому советнику и кавалеру» Ивану Андреевичу Крылову. Великий баснописец был превосходным знатком древнерусской книжности: он отобрал 23 экземпляра из числа наиболее редких и отсутствовавших в собрании Публичной библиотеки изданий, которые и были приобретены за изрядную цену — 1510 рублей. Эти «редкие по изданиям» книги (пре-

⁴ Летопись занятий Археографической комиссии за 1918 г., вып. 31. Пг., 1923, с. 7—8, 90—91.

имущественно XVII в., напечатанные в Москве, Кieve, Уневе, Вильне, Львове) были помещены в «отделение старинных книг» Публичной библиотеки.

Известно, что ряд ценных рукописей купил у вдовы П. Я. Актова Казанский университет. В их числе были «Триодь цветная» XV в., «Псалтирь» XVI в., «История о патриархе Никоне» и «Сказание о брани с Мамаем» XVIII в., а также сборник «Разные стиходействии», получивший впоследствии название «Казанского сборника» и содержащий, по отзыву П. Н. Беркова, «ценнейшие материалы по истории русской рукописной поэзии 1740—1770-х годов».

Библиотека «загадочного библиофила» перестала существовать. Распроданная по частям, она влилась во многие, в том числе и частные, собрания. Неизвестной осталась судьба ценнейшей коллекции инкунабулов, таинственной книги издания 1444 г., «Статутов Польши» 1506 г. и иных редкостей.

Собранные трудами и заботами П. Я. Актова сокровища по воле его самого и его наследников вновь растворились в необозримом книжном море, и только случайные находки помогают выяснить их дальнейшую судьбу.

«Экземпляр 2-жи Актовой»

Ignoramus et ignorabimus — «не знаем и никогда не узнаем» — такими словами французского ученого Дюбуа-Реймона завершил свою статью П. Н. Берков, но он же и опроверг это пессимистическое предположение, опубликовав позднее обнаруженные им данные о происхождении и дальнейшей судьбе принадлежавшего П. Я. Актову поддельного списка «Слова о полку Игореве».

Находки в архиве Научной библиотеки Ленинградского университета и в фондах ее отдела редких книг пролили свет на судьбу еще одной, небольшой, но весьма ценной части коллекции «загадочного библиофила». Как выяснилось, надворная советница В. Актова предлагала книги из собрания покойного мужа также и в библиотеку Петербургского университета. Так попали в архив библиотеки фрагменты описи актовского собрания. Они позволили, в частности, выяснить, что именно представляло собой загадочное издание 1444 г. П. Н. Берков предполагал, что это «гутенберговская „Сивиллина книга“». В действительности речь идет об элементарной ошибке владельца или составителя описи библиотеки П. Я. Актова. Указанная под этим годом книга есть трактат юриста XV в. Николая из Аусмо, он издавался начиная с 1471 г., данное же издание, вышедшее в свет в Милане, было напечатано не в 1444, а в 1494 г.: очевидно, при описании была опущена римская цифра (L), и книга оказалась старше себя самой на полстолетия. Кем было приобретено это, впрочем, достаточно ценное издание, мы не знаем. Другой инкунабул, «Космография» Птолемея (тоже неверно

датированная 1462 годом вместо 1482 — но это опечатка в самой книге: болонский печатник Доменико де Ляпис не мог издать ее в 1462 г., так как начал издавать книги только с 1476 г.), был куплен графом Строгановым, о чем есть помета в описи.

Отбором, оценкой и покупкой книг для Петербургского университета занимался библиотекарь Карл Егорович Бюш, имеющий немалые заслуги перед университетской библиотекой. О серьезности и тщательности его подхода свидетельствуют сохранившиеся в архиве библиотеки черновики его писем на французском языке, в которых он обращался к ученым специалистам (в том числе к историку польского права профессору Р. М. Губе) с запросами о ценности предлагаемых университету книг, а также сделанные им краткие характеристики приобретаемых изданий. Средства на покупку книг он расходовал бережно, но в то же время считал необходимым приобретение для университета изданий, представляющих научную и историческую ценность.

В архиве библиотеки хранится любопытное письмо владелицы книг К. Е. Бюшу (приводим его с сохранением орфографии оригинала):

«Милостивый Государь Карл Егорович!»

Соглашаюсь я на назначенную цену, но прошу, ежели можно, прибавить за Собрание Государственных грамот, истинно за них заплачено 30 р. ассигн. Пожалуста, ежели можно, чем много обяжите Вас уважающую.

Вера Актова.

1844-го марта 2.

Пожалуста, Карл Егорович, не отказывайтесь от покупке, о которой я говорила, это вещь хорошая, о деньгах не беспокойтесь, хотя через гот».

Всего К. Е. Бюш приобрел в январе и апреле 1844 г. для университетской библиотеки 17 книг, 1 рукопись и 1 географическую карту из собрания П. Я. Актова. Все отобранные им издания были достойны занять место в книгохранилище столичного университета. И поныне украшением университетского собрания инкунабулов является «Библия», напечатанная Генрихом Эггештейном в Страсбурге в 60-х годах XV в. Это шедевр раннего типографского искусства; в книге 23 выполненных от руки многокрасочных инициала и многочисленные красные и синие рубрики. Прекрасно сохранился переплет, датированный 1522 годом. Эта книга — самый ранний памятник книгопечатания в библиотеке Ленинградского университета.

Чрезвычайно интересен другой инкунабул, приобретенный К. Е. Бюшем у В. Актовой: описание путешествия в святую землю Бернарда фон Брейденбаха, изданное в Майнце в 1486 г. участником путешествия художником Эрхардом Ройвихом.

Художник снабдил книгу многочисленными иллюстрациями — гравюрами на дереве, выполненными по сделанным им во время странствий рисункам. По словам Бюша, «высоко ценят и много хвалят эту книгу за верность видов разных городов и за искусные этнографические изображения. Вид Венеции имеет 6 футов в длину».

Интересно издание известной книги немецкого гуманиста XV в. Себастьяна Бранта «Корабль дураков» в латинском переводе Якоба Лохера, опубликованное в Базеле в 1497 г. с многочисленными иллюстрациями. Четвертый инкунабул актовского собрания — «Письма» Плиния Младшего (Тревизо, 1483 г.) — образец гуманистического издания античных авторов: в нем применен выработанный гуманистами латинский шрифт (антиква), украшения выполнены от руки.

Едва ли не самое ценное из хранившихся в собрании Актова иностранных изданий — упомянутые в «известиях для библиоманов» на страницах «Литературной газеты» 1842 г. «Статуты Польши» 1506 г. Речь идет о составленном польским государственным деятелем Яном Ласким своде законов Польского королевства. Бюш в своей записке дал отзыв и об этой редчайшей книге: «Эта книга содержит в себе „Две книги Магдебургского гражданского права“, „Сумму Раймунда“ и т. д. и в числе 5-ти раскрашенных картин одну, представляющую короля Александра, как он дает автору позволение присоединить к своей книге и Магдебургское право. Фалькенштейн в „Описании Дрезденской библиотеки“, исчисляя хранящиеся в ней редкие книги, относящиеся до Царства Польского, дает означенному сочинению первое место, присовокупляя, что оно и в самой Польше причисляется к величайшим редкостям. Экземпляр г-жи Актовой печатан притом на пергамене». Это последнее обстоятельство подчеркнуто добросовестным библиотекарем не случайно: пергамен к началу XVI в. был уже прочно вытеснен в качестве писчего материала бумагой, на телячьей коже книги печатались крайне редко; в данном случае перед нами уникальный «подносной», т. е. предназначенный для одной из владетельных особ, специально раскрашенный от руки экземпляр в прекрасном кожаном, на досках и с тиснением, переплете. Одна из раскрашенных гравюр представляет польский сейм, где изображены гербы всех воеводств с пояснениями, вписанными от руки. Издание это является ценным источником для изучения истории Польши, а вместе с тем и великолепным памятником книжного искусства.

Среди изданий, приобретенных Бюшем, были и книги, выпущенные знаменитой голландской фирмой Эльзевиров, в том числе собрание сочинений Сенеки 1649 г., считавшееся образцовым не только с типографской, но и с учено-филологической точки зрения. «Прекрасное издание, выполненное по Ватиканскому кодексу; его особенно ценят ради гравюр, которыми оно укра-

шено и которые воспроизводят миниатюры рукописи», — так писал известный библиограф прошлого века Ж.-Ш. Брюне о римском издании Вергилия 1741 г.,⁵ также купленном у В. Актовой для библиотеки университета.

Для истории типографского искусства и поныне представляет известный интерес происходящая из актовского собрания книга «Начало книгопечатания» Иоганна Фридриха Лихтенбергера (Страсбург, 1811). Книга эта сохранила многочисленные карандашные пометки владельца: он пользовался ею при подборе и изучении редчайших книг своего собрания. Особо отмечены икунабулы, принадлежавшие Актову и ныне входящие в собрание ЛГУ; по другим пометам мы можем судить о том, какие еще памятники раннего типографского искусства имелись в его коллекции. Отмечено там и упомянутое выше издание Птолемея, причем в тексте Лихтенбергера содержится указание на ошибочную дату выхода. Судя по записям в книге, имелось в собрании Актова и весьма ценное издание труда древнеримского автора Варрона «Сельское хозяйство», выпущенное Альдом Мануцием в 1514 г. Любопытно, что экземпляр этого редкого издания знаменитого венецианского печатника был приобретен Научной библиотекой ЛГУ у букинистов в 1976 г.; не исключено, что и он происходит из актовского собрания.

Среди ценных отечественных изданий из коллекции П. Я. Актова, ныне хранящихся в библиотеке Ленинградского университета, заслуживают упоминания четыре тома «Собрания государственных грамот и договоров» (1813—1828) — первого систематического издания памятников русской истории.

Не менее интересны и важны другие приобретенные у В. Актовой издания, имеющие отношение к истории России. Это опубликованная в Нюрнберге в 1678 г. книга чешского путешественника Бернгарда-Леопольда-Франциска Таннера, содержащая описание путешествия польско-литовского посольства в Москву в 1678 г. Находясь в польской свите, Таннер составил подробное описание путешествия, в котором наряду с недостоверными и сомнительными сообщениями содержатся интересные сведения, касающиеся пути до Москвы, въезда послов в Москву, приема послов царем Алексеем Михайловичем. Книга снабжена любопытными иллюстрациями.

Три книги, происходящие из собрания Актова, связаны с эпохой Петровских преобразований. Известно, что с Петра I начинается новый период в истории русского книгопечатания. Введение им в 1708 г. гражданского шрифта (которым мы, с небольшими изменениями, пользуемся и поныне) имело в виду выпуск светских изданий, прежде всего законодательных актов, политической, научной, учебной и военно-технической литера-

---

⁵ Brunet J.-Ch. Manuel de libraire et de l'amateur de livres, t. 5. Paris, 1864, col. 1291.

туры. Одним из типичных образцов нового книгопечатания была купленная у В. Актовой «География генеральная» Бернарда Варения (Москва, 1718) — ценный свод сведений по физической географии, содержащий, в частности, изложение и обоснование гелиоцентрической системы Коперника. Перевод книги с латинского языка был выполнен справщиком Московской типографии, составителем «Букваря» и «Лексикона трехязычного» Федором Поликарповым с одного из амстердамских изданий Эльзевиров.

Введение гражданского шрифта не означало, однако, прекращения кириллического книгопечатания. Кириллицу продолжали использовать, и не только для собственно церковных и богослужбных книг, но и для обучения славянской грамоте, и при издании многих книг полемического характера, направленных на укрепление авторитета царской власти и оправдание петровских реформ; этой же цели служили печатавшиеся кириллицей и предназначенные для широких слоев населения проповеди церковных иерархов.

Однако приобретенная у В. Актовой книга кирилловской печати — совершенно особого рода. Это — «Новый Завет», напечатанный параллельно на голландском и церковнославянском языках: титульный лист и левая сторона каждой страницы содержат голландский текст, на правой стороне страниц отпечатан кириллицей текст церковнославянский. Издание это было осуществлено по личному распоряжению Петра I. По его заказу гаагский печатник Ян ван Дурен издал в 1717 г. голландскую половину книги. Славянский текст был допечатан в доставленных в Россию экземплярах в Петербурге. Целью Петра в данном случае было не распространение текста Священного писания: книги Нового Завета, употреблявшиеся в православном богослужении, и без того многократно издавались в русских типографиях, печатавших, начиная с Ивана Федорова и его московских предшественников из «анонимной» типографии, «Евангелие» и «Апостол»; только в первой четверти XVIII в. в Москве и Петербурге вышло в свет 4 полных издания Нового Завета, не считая отдельных изданий богослужбных новозаветных книг. Задача задуманного Петром двуязычного издания состояла в другом: он хотел подобным изданием облегчить своим подданным, хорошо знакомым с текстом Нового Завета в церковнославянском переводе (русский перевод Библии появился значительно позднее), изучение голландского языка, бывшего в те времена международным языком торговли и мореплавания. Однако судьба издания сложилась неудачно: многие отпечатанные в Голландии экземпляры были повреждены при доставке их морем в Петербург; количество допечатанных в России в 1718 г. экземпляров, по некоторым данным, не превышало двух десятков.⁶ Кроме того, не удалось достичь буквального совпаде-

⁶ Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом, т. 2. СПб., 1862, с. 404—408.

ния параллельных текстов: кальвинистская версия голландского перевода расходилась с традиционной версией славянского текста, так что, не говоря о возможных возражениях со стороны ревнителей православной ортодоксии, издание теряло и свой первоначальный практический смысл.

Все это обусловило крайнюю редкость гаагско-петербургского издания «Нового Завета» 1717—1718 гг., на что обратил внимание К. Е. Бюш, сославшись при этом на французского библиографа Брюне. Тому вообще были известны лишь два ее экземпляра: один в частном собрании в Париже, второй в герцогской библиотеке Вольфенбюттеля (Нижняя Саксония). В России, естественно, сохранилось несколько больше экземпляров этой книги, и в настоящее время в «Сводном каталоге книг кирилловской печати XVIII века», составленном А. С. Зерновой и Т. Н. Каменевой (М., 1968), учтены экземпляры, хранящиеся в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина в Москве, в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина и в Библиотеке Академии наук СССР в Ленинграде. Таким образом, благодаря осведомленности и тщательности университетского библиотекаря наше книжное собрание пополнилось одним из редчайших изданий петровской эпохи.

Косвенной реакцией на петровские преобразования явилась также приобретенная из коллекции Актова книга Стефана Яворского «Камень веры». Дело в том, что один из виднейших церковных деятелей начала XVIII в. Стефан Яворский (1658—1722), которого Петр за его латинскую образованность и западнические симпатии назначил сперва местоблюстителем патриаршего престола, а затем и председателем только что учрежденного Синода, был тайным противником петровских реформ, особенно в области церковного управления (он привлекался, в частности, к следствию по делу царевича Алексея); его книга, формально направленная против лютеранского исповедания и содержащая защиту догматов и традиций православия, метила и в царя, стремившегося, по примеру протестантских государей, подчинить церковь императорской власти и широко привлекавшего для осуществления своих реформ иноземцев-лютеран; поэтому «Камень веры» мог быть напечатан только в 1728 г., когда ни Петра I, ни автора книги не было в живых.

Об интересе к отечественной истории свидетельствует и происходящая из собрания Актова рукопись. Это — «Хронограф» в списке XVII в. «Русский хронограф» — обширный хронологический свод всемирной истории — возник на рубеже XV—XVI вв., его пополняли и переписывали вплоть до середины XVIII в. Примерно половину его текста составлял пересказ библейских книг, затем излагалась история стран Востока, Рима и Византии, а заключительная часть содержала сведения об истории Руси с древнейших времен. Актровский список представляет собой вторую часть «Хронографа» — он начинается с главы 104, с рассказа

об Александре Македонском, и доводит изложение до главы 212—описания правления Василия Шуйского. На последних листах рукописи имеются приписки о царствовании Алексея Михайловича, о смерти царицы Марии Ильиничны, а под датой 27 августа 1714 (1666) г. сообщается о рождении царевича Ивана Алексеевича, брата Петра I.

Книги из собрания «загадочного библиофила», приобретенные императорской Публичной библиотекой, библиотеками Казанского и Петербургского университетов, стали достоянием науки. Судьба остальных книг, входивших в это ценное собрание, пока неизвестна и требует дальнейших разысканий.

ПОЧЕТНЫЙ ЧЛЕН УНИВЕРСИТЕТА

Биография и история

ри обращении к трудам и деятельности людей, время жизни которых отделено от нас столетиями, приходится сталкиваться с одним, впрочем вполне закономерным, обстоятельством. Биографии одних деятелей культуры и истории с течением времени как бы укрупняются и все более и более проясняются. Так, например, жизнь Пушкина нам известна лучше, чем кому-либо из его современников. Для знакомства с биографиями других, часто значительных и серьезных представителей своей эпохи, требуется движение в обратном направлении. Наиболее яркие и изобилующие биографическими подробностями свидетельства об их жизни даны нам их современниками, причем чаще всего сразу после их кончины. Разбросанные тут и там упоминания об этих людях встречаются в печати до той поры, пока еще живо их поколение. Затем сведения о них переходят в энциклопедии и словари и, наконец, почти вовсе перестают попадаться даже на страницах специальных справочников.

Такой оказалась судьба академика Дмитрия Ивановича Языкова (1773—1845). Самое основательное его жизнеописание с привлечением уже недоступных нам источников составил его друг—историк Д. Н. Бантыш-Каменский и поместил в своем знаменитом «Словаре достопамятных людей Русской земли» (т. 3. СПб., 1847). Отметим, что это одна из самых пространственных статей издания. Нечастые же упоминания имени Д. И. Языкова в русской исторической периодике и литературе второй половины XIX в., далеко не полностью выявляемые с помощью «Русского биографического словаря» и даже картотеки одного из основателей Пушкинского Дома Б. Л. Модзалевского, хотя и доносят до нас ряд существенных деталей, мало что меняют

в общей характеристике, сделанной его первым биографом. Затем наступило забвение. И уже Д. И. Языкова нередко путают с поэтом Н. М. Языковым.

В результате целостный образ Д. И. Языкова распался; исследователи, когда им приходится определять род его занятий, действуют каждый на свой страх и риск: для одних он — литератор, участник литературных баталий начала XIX в., для других — либо переводчик, либо историк, либо секретарь Российской академии (Российская академия, образованная в 1783 г. для целенаправленного изучения русского языка и словесности, в 1841 г. была присоединена к Академии наук; тогда Д. И. Языков и стал действительным членом последней). Для иных он — деятельный чиновник Министерства народного просвещения, прослуживший тридцать лет и закончивший служебное поприще в 1833 г. на высоком посту директора департамента.

Но не случайно мы в самом начале поставили рядом имена А. С. Пушкина и Д. И. Языкова. В один день, 7 января 1833 г., они были избраны членами Российской академии. Речь Д. И. Языкова об истории Российской академии Пушкин передает в напечатанной во втором томе «Современника» за 1836 г. статье «Российская академия». С другой стороны, до нас дошли записанные друзьями Языкова его рассказы о посещениях Пушкиным заседаний Академии.¹

Д. И. Языков и университет

В прочитанном на годичном акте 8 февраля 1846 г. отчете о состоянии Петербургского университета за 1845 г. ректор П. А. Плетнев почтил память почетного члена университета с 1829 г. Д. И. Языкова, который, по его словам, «был одним из тех трудолюбивых ученых, которые постоянно идут к одной цели. Его деятельность устремлена была на приобретение и обработку материалов отечественной истории. Едва ли кто, подобно ему, так ревностно и неослабно занимался своим предметом».²

В Научной библиотеке университета с 1833 г. хранится архив «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств». В первой четверти XIX в. членами общества состояли многие видные литераторы. Принятый в общество в 1802 г. Д. И. Языков встречался на заседаниях со своими сослуживцами по министерству — просветителем И. П. Пниным, Н. А. Радищевым, сыном автора «Путешествия», переводчиком «Илиады» Н. И. Гнедичем, поэтом К. Н. Батюшковым. Ко времени вступления в

¹ Сахаров И. П. Записки. — Русский архив, 1873, № 6, стб. 960—961.

² Плетнев П. А. Отчет о состоянии университета и действиях ученого его сословия в 1845 г. — В кн.: Годичный акт в Санкт-Петербургском университете, бывший 8 февраля 1846 г. СПб., 1846, с. 18.

«Вольное общество» относится начало его писательской деятельности. В «Вольном обществе» он играл заметную роль: с 1807 по 1811 г. был его председателем.

Если в своих литературных взглядах большинство членов общества следовало по путям, проложенным Н. М. Карамзиным, то их идейные устремления не выходили за пределы умеренного просветительства, характерного для начала царствования Александра I. Как видно из сохранившихся протоколов, на заседаниях общества читались языковские переводы «Духа законов» Ш.-Л. Монтескье и трактата «О преступлениях и наказаниях» Ч. Б. Беккарии — двух великих произведений эпохи Просвещения, некогда положенных в основу «Наказа» Екатерины II и вновь вызвавших широкий общественный интерес в России в начале XIX в. Оба перевода вскоре были изданы. Один из экземпляров перевода сочинения Беккарии (СПб., 1803) находится с тех пор в Научной библиотеке нашего университета; надпись на нем гласит: «Для библиотеки Педагогического института от переводчика. СПб., июня 23, 1804».

Приняв участие в разгоревшихся в те годы спорах о языке, Языков в 1804 г. выступил с едкой критикой «Рассуждения о старом и новом слоге российского языка» А. С. Шишкова, наиболее влиятельного защитника архаистических взглядов на русский язык и литературу. Не ограничиваясь полемикой с архаистами, Д. И. Языков предложил упростить орфографию и даже напечатал две свои книги (переводы) по собственной орфографии, в частности без «еров» (твердых знаков). Языковская реформа настолько хорошо была известна в обществе, что, когда Языкову была предоставлена правительственная субсидия для издания переводов, перед ним было поставлено условие придерживаться при печатании общепринятой орфографии. К. Н. Батюшков при обозрении российского Парнаса в юмористической поэме «Видение на берегах Леты» (1809) упомянул именно эти его новшества и, как писал Языков двадцать лет спустя в своих «Записках», «утопил меня в Лете» (реке забвения):

«Кто ты?» спросил допросчик тень,
Несушу связку фолшпта.
«Увы, я целу ночь и день
Писал, пишу и вечно буду
Писать... все прозой, без еров.
Невинен я. На эту грудку
Смотри, здесь тысячи листов
Священной пылью покрытых,
Печатью мелкою убитых,
И нет ера ни одного.
Да я! ..» — «Скорей купать сго!»

Когда в 1816 г. Гнедич предложил опубликовать поэму в Батюшковских «Опытах», поэт отказался, не пожелав подвергать осмеянию достойных литераторов, в том числе Языкова, кото-

рый «питается пылью, а ты хочешь, чтобы я их дурачил перед светом. Нет, лучше умереть!» «Питается пылью» означает только одно — занимается. историей, живет доходами от издания исторических сочинений.

Языков-Нестор

Весной 1835 г. литераторов и ученых обеих столиц волновал вопрос — кто станет новым непременным секретарем Российской академии? Спрашивал об этом у Пушкина и престарелый поэт И. И. Дмитриев, предполагавший, что им должен стать Д. И. Языков как наиболее подходящая кандидатура, ибо «работящ и любознателен».

Пушкин отвечал: «Вы спрашиваете, кто секретарь у нас в академии? Кажется, еще не решено. Улисс Лобанов и Аякс Федоров спорят об оружии Ахиллеса. Но оно достанется чуть ли не Языкову-Нестору (по крайней мере, издателю Нестора). Вы пророк в отечестве своем».³

Назвав Языкова именем мудрого старца, героя гомеровского эпоса, Пушкин, конечно, вольно или невольно выразил то искреннее уважение, каким была окружена его личность в обществе. Но прежде всего он имел в виду славу Языкова — переводчика сочинения А. Л. Шлецера «Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке». Этот перевод в трех томах вышел в Петербурге в 1809—1819 гг., навсегда связав имя Д. И. Языкова с этим трудом, составившим эпоху в отечественной историографии. Восторженно отозвался о нем историк М. П. Погодин в дневниковой записи, сделанной после посещения в 1838 г. заседания Российской академии: «Вот Языков, который служил с Дмитриевым в одном полку гвардии каптенармусом, которого должно считать посаженным отцом всей нашей исторической критики, по его переводу Нестора Шлецера, у которого все мы учились и который не перестает до сих пор трудиться, копаться, собирать и издавать, на пользу отечественной Истории».⁴

Уже в работе над «Нестором» полностью проявились все качества Языкова — образцового переводчика. Этому способствовали, во-первых, основательное знакомство с предметом — историей России, во-вторых, глубокое знание иностранных языков (для удобства читателей Языков не только выпустил сочинение в своей композиции, но и снабдил его переводами латинских и греческих текстов; древнегреческий язык он выучил самостоятельно, в зрелом возрасте, как и его друг — великий баснописец И. А. Крылов), в-третьих, прекрасное владение русским литера-

³ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 10-ти т. 4-е изд. Т. 10. Л., 1979, с. 411.

⁴ Погодин М. П. Замечания. — Русский архив, 1869, стб. 2099.

турным языком. Русский язык той эпохи образовывался не только в изящной словесности, но и в ученых сочинениях. Недаром образцом русской прозы для современников была «История государства Российского» Н. М. Карамзина.

Говоря об этом периоде писательской деятельности Языкова, П. А. Плетнев отмечал: «В новых трудах Д. И. Языкова соединяются для нас два достоинства: выбор предметов, касающихся исключительно Русской Истории, и язык, отличающийся современной отделкою».⁵

Румянцевский кружок

Деятельность государственного канцлера графа Н. П. Румянцева (1754—1826), направленная на соби́рание и издание памятников истории народов, населяющих русское государство, относится к героическому периоду русской историографии. В последние полтора десятилетия своей жизни он сумел объединить вокруг себя десятки лучших представителей отечественной и зарубежной науки и обратить их усилия на изучение языка, письменности, археологических предметов, искусства, книгопечатания и истории древней Руси. России «на благое просвещение» завещал он свои богатейшие коллекции. Книжное и рукописное собрание «Румянцевского музеума» по переезде в Москву легло в основу нашего крупнейшего национального книгохранилища (ныне Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина).

Не мог остаться в стороне от деятельности румянцевского кружка и Д. И. Языков. В книге В. П. Козлова «Колумбы российских древностей» (М., 1981), посвященной трудам членов кружка, несколько строк уделено и Языкову: здесь сообщается об издании в 1819 г. на средства Н. П. Румянцева языковского перевода исторических исследований академика А.-Х. Лерберга и о том, что еще в 1814 г. Румянцев предложил Языкову составить «Словарь славянских древностей». Замысел этот осуществлен не был, но Языков до последних дней жизни трудился над словарем русских церковных древностей, так и не вышедшим в свет.

Можно было бы привести еще несколько примеров сотрудничества просвещенного мецената и историка. Но для нас важнее то обстоятельство, что последующая деятельность Языкова во многом свелась к воплощению замыслов Румянцева, прежде всего к переводу «сказаний иностранцев о России».

В 1839 г. Языков, закончив перевод описаний путешествий «баварского странника» XIV в. Шильдбергера, отметил в своих

⁵ Плетнев П. А. Отчет имп. Академии наук по отделению русского языка и словесности, читанный 29 декабря 1845 г. — Журнал Министерства народного просвещения, 1846, ч. XLIX, с. 36.

«Записках»: «Еще покойный канцлер граф Румянцев желал, чтобы я перевел его». Перевод остался неизданным, хотя отрывки из сочинения Шильдбергера Языков опубликовал еще в 1824 г. Остались в рукописи и другие переводы. Среди них — «Славянская хроника» Гельмольда (XII в.) — важнейший источник по истории западных славян и путешествие Рубрука. Перевод «Книги» Марко Поло, начатый Языковым в 1810-х годах, не был доведен до конца, однако важно отметить, что это первая попытка перевода путешествия знаменитого венецианца на русский язык.⁶

Среди увидевших свет языковских переводов наиболее значительным является вышедшее в 1825 г. «Собрание путешествий к татарам и другим восточным народам в XIII, XIV и XV столетиях. Т. 1. Плано Карпини и Асцелин». В следующем, 1826 г. московским «Обществом истории и древностей российских» этот труд был признан образцовым, а его научным принципам (критическое издание латинского текста, русский перевод, комментарии) «Общество» намеревалось следовать при выпуске «Собрания путешествий в Россию, совершенных европейцами с XV по XVIII век».⁷

Сейчас, когда начали выходить первые тома серии «Древнейшие источники по истории народов СССР», полезно, как нам кажется, напомнить, что идеи и принципы такого свода закладывались в свое время и трудами Д. И. Языкова.

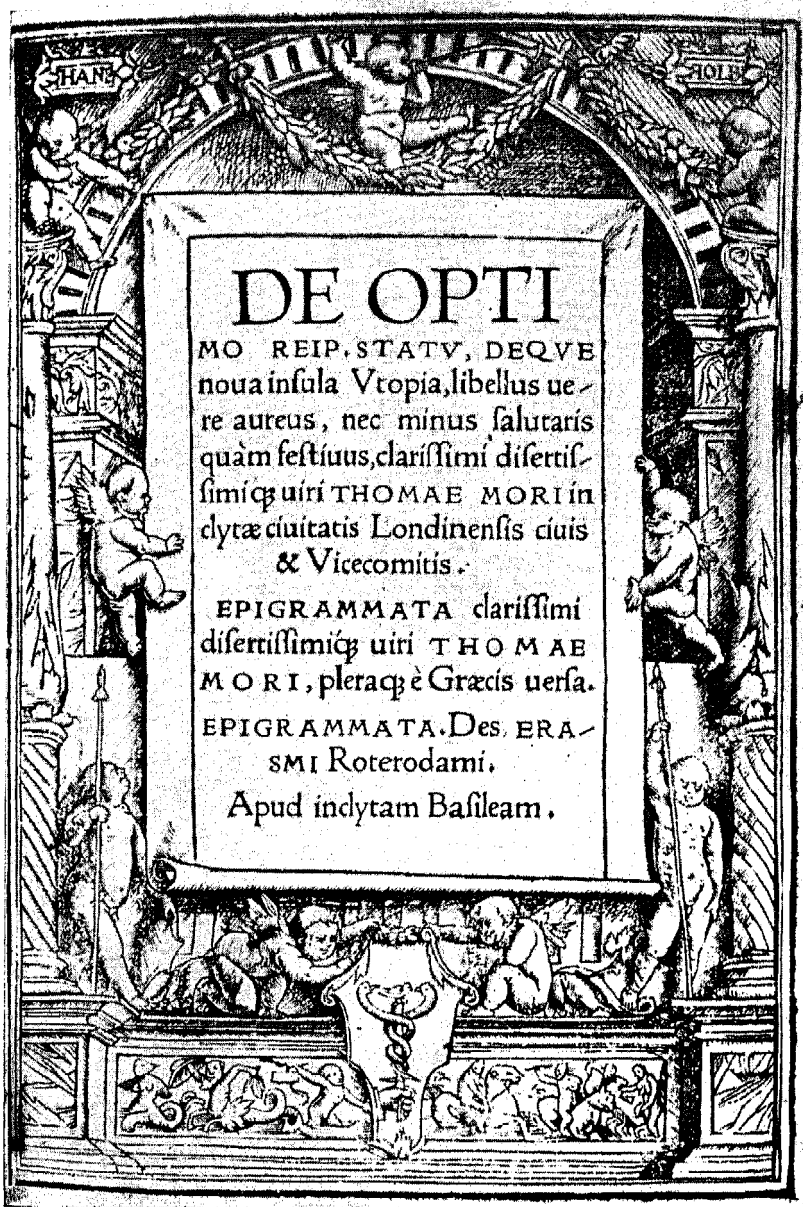
Судьба библиотеки Языкова

Библиотека Д. И. Языкова, подобно книжным собраниям многих других ученых XIX в., в полном своем виде до нас не дошла. Библиотека могла сохраниться только в том случае, если состоятельный владелец завещал ее, как это нередко бывало, какому-либо крупному книгохранилищу. Языков жил скромно — на доходы от издания исторических сочинений и небольшую пенсию. После его смерти семья историка, оказавшись в стесненных обстоятельствах, вынуждена была расстаться с библиотекой.

В 1871 г. библиотекарь Публичной библиотеки А. Ивановский описал печальную судьбу книжного собрания и архива друга Д. И. Языкова библиографа В. Г. Анастасевича (1775—1845). Книги и бумаги Анастасевича, сложенные в сотню кувшей, двадцать лет пролежали в каком-то сарае, а потом «с публичного торга продавались на пуды». В публичную продажу горестно отмечает Ивановский, были пущены библиотеки и

⁶ Отчет имп. Публичной библиотеки за 1909 г. Пг., 1915, с. 243—245.

⁷ Труды и летописи Общества истории и древностей российских, ч. 3, кн. 2. М., 1827, с. 181—185.

Т. Мор. Утопия. Базель, 1518. Титульный лист.

Предисловие.

ΘΟΥΚΥΔΙΔΗΣ ΜΕ-

ΤΑ ΣΧΟΛΙΩΝ ΦΑΛΩΝ, ΚΑΙ ΠΑΝΥ ΠΡΟΛΟΓΩΝ,

καὶ τῶν ἐν ἑσσημῶν καὶ ἀπομνημονεύματι.
1799

THUCYDIDES CVM SCHOLIIS ET
ANTIQUIS ET VTILIBVS, SINE QV-
bus autor intellectu multum est
difficilis.

ACCESSIT PRAETEREA DFLIGENTIA IO-
chimi Camerarij, in castigando sumi textu, tum com-
mentarijs, unà cum Annotationi-
bus eius.

STEPHANVS SCHIROTIVS PAN-
nonius Lectori.

*Ἐκ τῶν ἀπομνημονεύματι καὶ τῶν ἐν ἑσσημῶν
καὶ ἀπομνημονεύματι καὶ ἀπομνημονεύματι.
Ταῦτα γὰρ ἐπιπέδω καὶ τῶν ἐν ἑσσημῶν
καὶ ἀπομνημονεύματι καὶ ἀπομνημονεύματι.
1799*

*ΕΚ τῶν ἀπομνημονεύματι
καὶ ἀπομνημονεύματι καὶ ἀπομνημονεύματι
Εξ ἑσσημῶν καὶ ἀπομνημονεύματι
Φιλοσοφίας
1799
1773
Α. Φ. Β. Β. Β. Β. Β.*

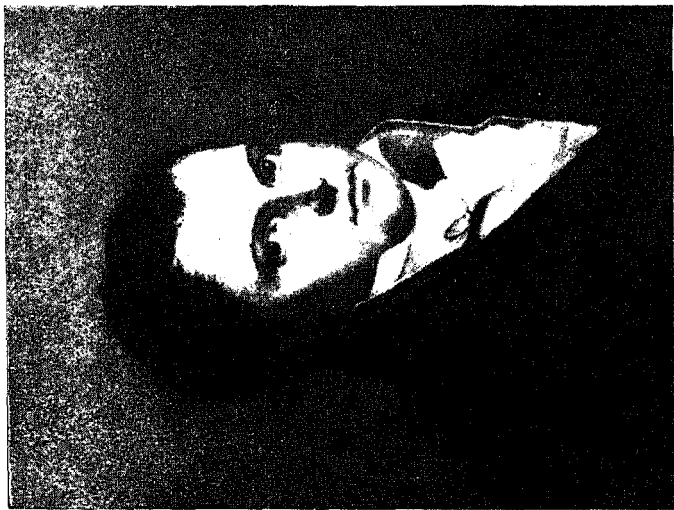
BASILEAE
EX OFFICINA HERVAGIANA,
ANNO M. D. XL.

*1566
18. 10. 11.
M. M. M. M. M. M.
1799*

*Въ Библиотеку Святого Владимироу
Министерства Народнаго Просвещения
Сергиев Селевской Училищной
Апр. 16 1871*

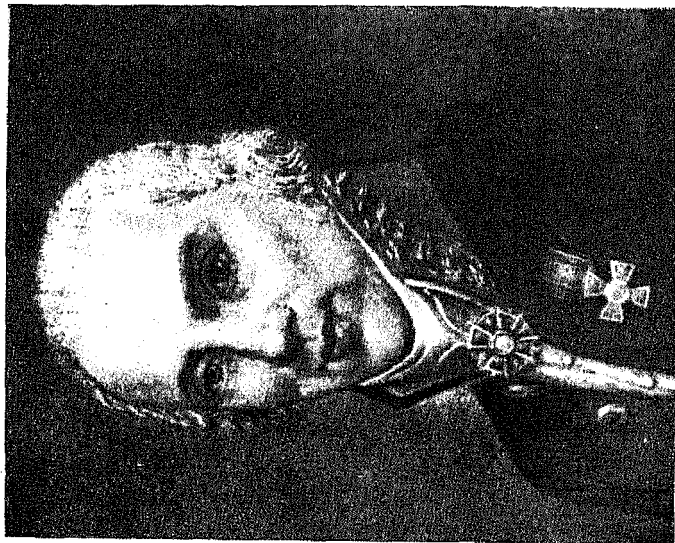
Фукидид. История. Базель, 1540. Титульный лист.

«От библиотеки Учительской семинарии...»

К.-Ф.-Х. Венк

«Лейцигская покупка 1830 г.»

П. Б. Иноходцов.

«Астрономическая библиотека
П. Б. Иноходцова».

Ф. Лансберг. Сочинения. Миддельбург, 1663. Фронтиспис.

«Астрономическая библиотека П. Б. Пуходцова».

1759

36

MEDITATIONES
DE
VIA NAVIS IN MARI

CERTIVS DETERMINANDA
PRAELECTAE IN PVBLICO CONVENTV
ACADEMIAE SCIENTIARVM IMPERIALIS
PETROPOLITANAE.

DIE VIII MAI, A. C. 1759.

AVCTORE
MICHAELE LOMONOSOW.
CONSILIARIO ACADEMICO.

P. Inohodtsov

М. В. Ломоносов. Рассуждение о большей точности
морского пути. СПб., 1759. Титульный лист.

«Астрономическая библиотека П. Б. Иноходцова».

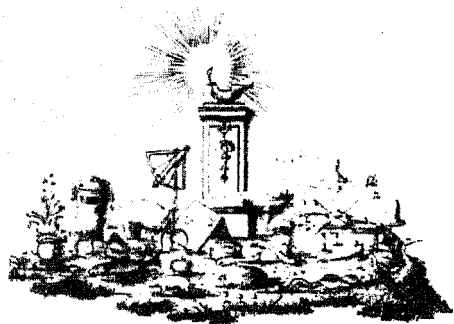
N. 189.

A C T A
ACADEMIAE SCIENTIARVM
IMPERIALIS
PETROPOLITANAE

---

pro Anno MDCCLXXVII.

P A R S P R I O R .

P. Inohodtsov.

P E T R O P O L I
TYPIS ACADEMIAE SCIENTIARVM
MDCCLXXVIII

Известия Петербургской Академии наук. 1777, ч. 1. СПб., 1778.
Титульный лист.

«Астрономическая библиотеки П. Б. Иноходцова».

В. А. Пивоваров.

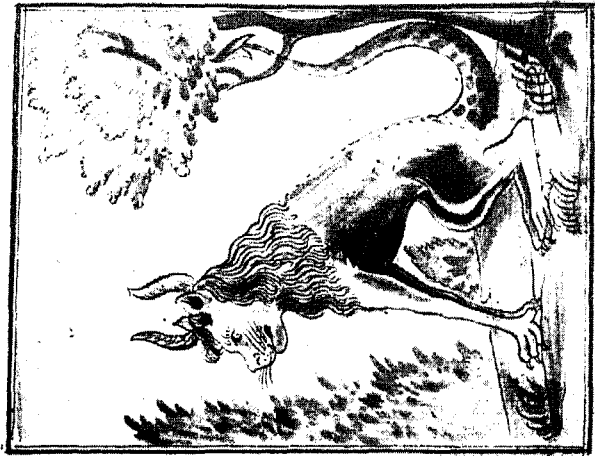
«Бескорыстное усердие к общественной
пользе».

Д. И. Языков.

«Почетный член университета».

История
 Осифовича и принца
 Арабского. Книга 1.
 Глава 1.
 Когда принца Арабского
 Осифовича и принца
 Арабского взошло
 солнце, и начался жар,
 принца Арабского
 и принца Осифовича
 взошло солнце, и начался жар,
 принца Арабского
 и принца Осифовича

История
 Осифовича и принца
 Арабского. Книга 1.
 Глава 1.
 Когда принца Арабского
 Осифовича и принца
 Арабского взошло
 солнце, и начался жар,
 принца Арабского
 и принца Осифовича
 взошло солнце, и начался жар,
 принца Арабского
 и принца Осифовича

Гистория о скифском принце Любиме. Рукопись XVIII в. Миннатора и начало повести.
 «Бюксаристное иеридие к обитевальной полвесе»

CAII PLINII SECVNDI NOVOCOMENSIS ORATO
RIS FACVNDISSIMI EPISTOLARVM LIBER PRI-
MVS INCIPIT.

C. Plinius Secundus Septitio suo, S. plu. dicit.

Requenter hortatus es: ut epistolas si quis pau-
lo accuratius scripsissem: colligerem: publica
remque: collegi non seruato temporis ordine:
nec enim hystoriã cõponebam: sed ut quæ
in manus uenerat. Superest ut nec te contiliis:
nec me poeniteat obsequii. Ita enim fiet: ut
eas quæ adhuc neglectæ jacent: requiram: & si quas addide-
ro: non suppressam. Vale.

C. Plinius Arrinio suo Salutem.

Via tardio rem aduertum tuum prospicio: Li-
brorum quem prioribus epistolis promiserã:
exhibeo. Hunc rogo ex consuetudine tua &
regas & emendes: eo magis quod nihil ante
peræque eodem zelo scripsisse uideor. tenta
ui enim imitari Demosthenem semper tuum caluum nup-
tium meum figuris duntaxat orationis. Nam uim tantorum uiro-
rum pauci quos æquus amauit Iupiter assequi possunt. Nec
materia ipsa huic: (Vereor ne improbe dicam) æmulationi
repugnauit: Erat enim prope tota in contentione dicendi:
quod me longæ desidia in dormientem excitauit. Si modo
is sum: ego: qui excitari possim: non tamen omnino. M. no-
stri ~~casu~~ fugimus. quotiens paulum itinere decede-
re non in tempestiuis amocnitatibus admonebamur. Acres
enim nõ tristes esse uolebamus. Nec est quod putes me sub
hac exceptione ueniã postulare. Immo quo magis incendã li-
mã tuam: confitebor & ipsum me & cõtubernales ab editio-
ne nõ abhorrere: si modo tu fortasse errori nostro albũ cal-
culum adieceris. Est enim plane aliquid edẽdum: atque utinã

a ii

Ян Лаский. Польские статуты. Краков, 1506. Один из 10 отпечатанных на пергамене экземпляров. Гравюра, изображающая утверждение статуты королем Александром Ягеллоном.

О П И С А Н І Е
К І Е В О С О Ф І Й С К А Г О С О Б О Р А
И
К І Е В С К О Й І Е Р А Р Х І И

СЪ ПРИСОВОКУПЛЕНІЕМЪ РАЗНЫХЪ ГРАММАТЪ
И ВЫПИСОКЪ, ОБЪЯСНЯЮЩИХЪ ОНОЕ, ТАКЖЕ
ПЛАНОВЪ И ФАСАДОВЪ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОЙ
И КІЕВСКОЙ СОФІЙСКОЙ ЦЕРКВИ И ЯРОСЛАВОВА

Д. Мислова НАДГРОВІЯ.
Фед. Пубовича Свѣдѣнія. 1825.

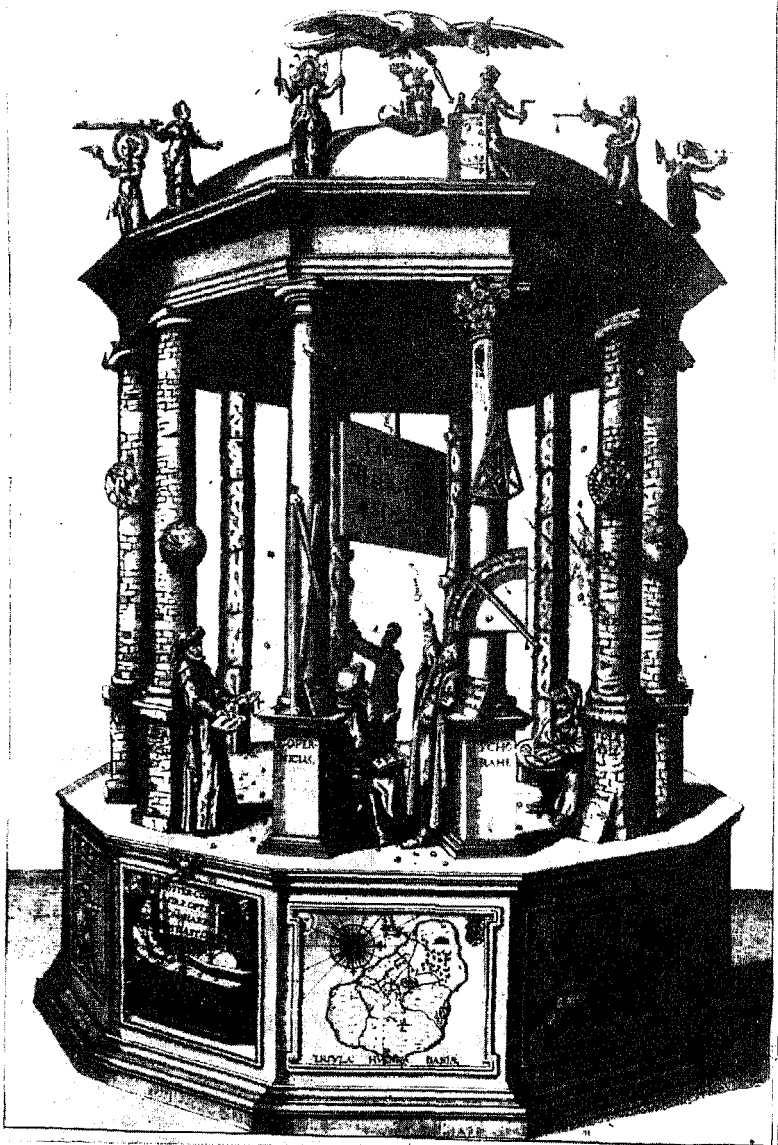

К І Е В Ъ .

Печатано ВЪ Типографіи Кіевонечерской Лавры
1825 года .

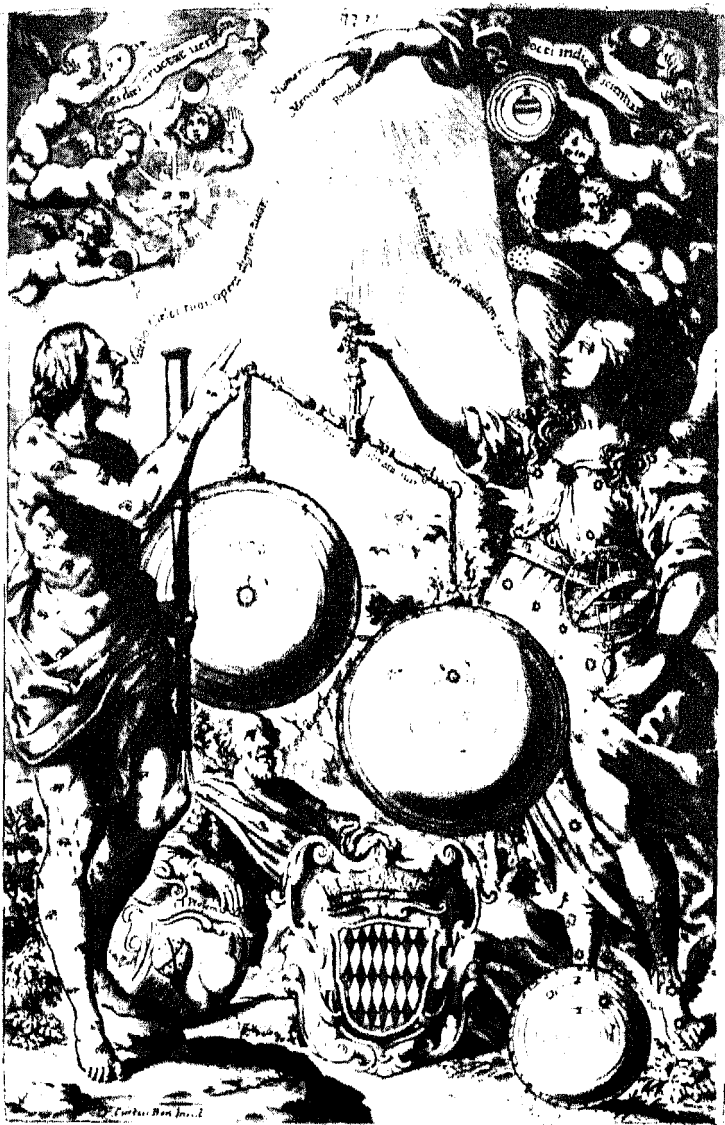
Евгений Болховитинов. Описание Киевософійскаго
собора. Киев, 1825. Титульный лист.

«Почетный член университета».

И. Кеплер. Рудольфовы таблицы. Ульм, 1627. Фронтиспис.

«Два фронтисписа».

Дж. Б. Риччолли. Новый Альмагест. Болонья, 1651. Фронтиспис.

«Два фронтисписа».

COSMOGRAPHIAE
 uniuersalis ex probatis quibusque au-
 thoribus tam historicis quam cho-
 rographis per Sebastianum Munste-

rum in unam collectis, Liber primus.

De primordiis terrae & maris creatione & dispositione.

Cap. I.

ABENT sacrae literae terram ab initio suae formationis undi-
 que ebductam & inclusam fuisse aquis maris, donec uisū crea-
 toris aqua ab aliqua parte superficiei terrae subsiderit, hęc uide
 eodem modo mansionis locum hominibus atque animalibus ter-
 restribus reliquit, plantis quoque unde omnia uiuentia uictura
 rent, firmam in ipsa arida adaptarentur hoc fundamentum. Mare
 ergo ab illa die non obuenit naturalem suum finem, sed quan-
 tum terra eius discoperta tantum illud in eo positam terrę re-
 motis partem semetipsum profinitatem illam extendit, aut
 quam Oceanum antea sacrae autē literę appellat. וְהָיָה הַיָּם
 וְהָאֲדָמָה אֶתְּחִיל וְהָיָה הַיָּם וְהָאֲדָמָה אֶתְּחִיל
 וְהָיָה הַיָּם וְהָאֲדָמָה אֶתְּחִיל וְהָיָה הַיָּם וְהָאֲדָמָה אֶתְּחִיל
 וְהָיָה הַיָּם וְהָאֲדָמָה אֶתְּחִיל וְהָיָה הַיָּם וְהָאֲדָמָה אֶתְּחִיל

spaniā, Iberiam, Scythiam, extremitatē Africę & in India inuenit, ubi profunditas maris
 nulla industria humana indagari potest. Si enim iuxta philosophoꝝ traditionē, elemen-

Occani abissi
 sunt magna

С. Мюнстер. Космография. Базель. 1552. Страница 1.

«Старинные атласы и космографии».

других известных ученых того времени, среди которых им назван и Д. И. Языков.⁸

О том, что для современников языковская библиотека представляла определенную ценность, мы можем судить по тому обстоятельству, что спустя месяц после смерти Языкова попечитель Московского учебного округа, крупный коллекционер С. Г. Строганов, узнав о предстоящей продаже библиотеки, просил Д. Н. Бантыш-Каменского прислать ее каталог.⁹

Так или иначе библиотека распалась. В Публичную библиотеку, например, рукописные материалы из собрания Языкова на протяжении второй половины XIX в. поступали от самых разных лиц.

И все же мы можем судить о составе библиотеки вполне определенно. Значительная часть ее была приобретена Петербургским университетом. Средства, выделяемые в то время университету на покупку книг, были весьма ограничены. Приобретение целых библиотек допускалось лишь в исключительных случаях. Поэтому университетский библиотекарь К. Е. Бюш, отбирая весной 1846 г. книги из языковского собрания по полученному от наследников каталогу, стремился прежде всего пополнить библиотеку университета отсутствующими в ней и редкими изданиями.

Список отобранных книг хранится в архиве Научной библиотеки. К. Е. Бюш признал достойными покупки 3 рукописи и 113 книг. Когда зимой 1847 г. книги были доставлены в университет, оказалось, что полтора десятка названий недостает. Лишь через несколько месяцев наследники Языкова разыскали часть из них. Из этого видно, в каком печальном состоянии находилось собрание после смерти владельца. Всего в библиотеку поступило, помимо 3 рукописей, 102 названия книг в 169 томах.

Для каждого названия К. Е. Бюш сохранил номер языковского каталога. Последний по списку номер — 892. Итак, в университетскую библиотеку поступила примерно девятая часть библиотеки ученого. (Впрочем, возможно, что еще до составления каталога какие-то книги раскупили друзья и знакомые Языкова.) Но поскольку приобретением книг занимался один из самых опытных и старательных библиотекарей в истории университета, подбор книг оказался превосходным, и мы вправе предположить, что в данном случае часть знаменует целое. Среди поступивших в университет книг — рукописный «Латинско-русский словарь» (список датирован 1698 г.) — выполненная в 1642 г. Епифанием Славинецким переделка словаря Амвросия Калепина; «Славянская грамматика» Федора Максимова, выпущенная в Петербурге в 1723 г.; редкие русские изда-

⁸ Ивановский А. Д. Н. М. Снегирев. СПб., 1871, с. 159.

⁹ Из бумаг Д. Н. Бантыш-Каменского: (Письма к нему разных лиц). — Русская старина, 1904, № 9, с. 666.

ния XVIII в.; книги, посвященные недавним событиям русской истории — походам Суворова, Отечественной войне 1812 г. Среди последних — «Записки касательно составления и самого похода Санктпетербургского ополчения против врагов Отечества в 1812 и 1813 гг.» будущего декабриста барона В. И. Штейнгеля (СПб., 1814). Вышедшее в 1826 г. сочинение С. Аллера «Описание наводнения, бывшего в Санктпетербурге 7 числа ноября 1824 года» примечательно планом города, на котором показана территория, затопленная во время стихийного бедствия.

Естественно видеть среди книг Языкова издания, выпущенные на счет Н. П. Румянцева, — «Финский словарь» Рейнвалья (Або, 1823—1826), «История» Льва Диакона (СПб., 1820). Знаком *Nota bene* К. Е. Бюш по большей части отмечал редчайшие сочинения XVIII в. на немецком языке по истории Прибалтики. Из литературы путешествий следует выделить приобретенное Языковым в 1825 г. великолепное, снабженное гравюрами (на одной из них изображена Астрахань во время восстания Степана Разина) издание «Путешествий» Яна Стрейса, вышедшее в Амстердаме на французском языке в 1681 г., а также одно из переизданий (1809—1812 гг.) знаменитого английского собрания путешествий Хэклейти в пяти томах.

На страницах многих книг можно видеть следы неустанного труда историка: записи на полях, исправления, дополнения. Особенно интересны критические замечания к сочинению И. П. Елагина «Опыт повествования о России» (М., 1803), приобретенному Языковым, как показывает запись, в том же 1803 г. Резкие замечания, сделанные им на полях только что приобретенной книги, помогают восстановить процесс становления Языкова-историка.

«Республика ученых»

Почти на каждой книге Д. И. Языкова имеется его владельческая запись. Но на нескольких экземплярах к владельческой записи добавлено, что это дар издателя или сочинителя. Писатели и ученые всегда обменивались плодами своих трудов. Однако обычай делать дарственные надписи на книгах, столь естественный для нас, в первой половине XIX в. еще не получил широкого распространения, хотя и такие книги были у Языкова. Благодаря этим записям книги из библиотеки Языкова приобретают еще одно качество — документального свидетельства о дружеских отношениях ученых (недаром факт дарения ценит и отмечает Языков).

В конце жизни Языков часто говорил о себе, что он человек прошлого века. Именно из XVIII в. тянется ниточка к записи, сделанной им на книге «Подробная летопись от начала России до Полтавской баталии» (СПб., 1797—1799): «Сия летопись издана Николаем Александровичем Львовым, а мне по-

дарена сыном его Леонидом в С. П. Б. 3 января 1817». Н. А. Львов — знаменитый архитектор XVIII в., известный также своими литературными трудами.

Об участии Языкова в деятельности Румянцевского кружка свидетельствуют записи на двух изданных на немецком языке книгах, подаренных ему лингвистом и историком Ф. П. Аделунгом. Это исследование «Корсунские врата в Новгородском Софийском соборе» (Берлин, 1823) и публикация «Послания князя Дмитрия Михайловича Пожарского императору Матвею из Ярославля 20 июня 1612 г.» (СПб., 1840). В постоянной переписке с Н. П. Румянцевым находился один из крупнейших русских историков и биографов начала XIX в. — Евгений Болховитинов, от которого Языков получил вышедшее в 1825 г. в Киеве «Описание Киевософийского собора»; надпись на титульном листе гласит: «Дар преосвященного Евгения. СПб., 1825».

Остальные книги подарены представителями нового поколения историков. Среди них — польский перевод «Правды Русской» (Варшава, 1822), который Языкову доставил в 1825 г. востоковед О. И. Сенковский, в то время профессор Петербургского университета; «Жизнеописание Суворова» на немецком языке с дарственной надписью автора — Ф. Смита (1833 г.). П. А. Муханов прислал книгу «Рукопись Филарета» (М., 1837) с надписью: «Его превосходительству Дмитрию Ивановичу Языкову усердное приношение от издателя», а будущий издатель «Отечественных записок» А. А. Краевский преподнес Языкову составленное археографом М. А. Коркуновым описание военных действий 1579 г., периода Ливонской войны. И, наконец, 21 июня 1839 г. переводчик «Нестора» Шлецера получил в дар только что вышедшее в свет докторское сочинение М. П. Погодина «Нестор, историко-критическое рассуждение о начале русских летописей», а месяц спустя — «Думки и песни» украинского поэта А. Л. Метлинского, изданные им в Харькове под псевдонимом Амвросий Могила.

Некоторые книги, хотя на них и нет надписей, также, несомненно, были подарены Д. И. Языкову, в том числе чрезвычайно редкое (выпущенное в количестве трехсот экземпляров) издание книги его друга И. П. Сахарова «История общественного образования в Тульской губернии» (т. I. М., 1832) и переплетенные в один том одиннадцать выпусков «Сборника князя Оболенского» (1838—1840), полученные от его составителя — известного архивиста, наносившего визит Д. И. Языкову в каждый свой приезд из Москвы в Петербург. На переплете этой книги вытиснено имя владельца — «Д. И. Языков».

Приведенные факты служат важным дополнением к каждодневным «Запискам» Д. И. Языкова (хранятся в рукописном отделе Публичной библиотеки), которые он вел с 1839 по

1844 г. и в которых содержится множество метких характеристик литераторов и ученых первой половины XIX в.

На протяжении своего существования университетская библиотека неоднократно пополнялась крупными и отлично подобранными коллекциями книг представителей отечественной исторической науки. Библиотека участника румянцевского кружка Д. И. Языкова была одним из первых книжных собраний такого рода, поступивших в Петербургский университет.

ДВА ФРОНТИСПИСА

Фронтиспис — это обычно гравированное изображение, помещаемое перед титульным листом книги. Как правило, оно является не только иллюстрацией, но выражает основные идеи сочинения. Например, в книге Бернара Фонтенеля «Разговоры о множестве миров», переведенной на русский язык поэтом Антоном Кантемиром в 1730 г. и изданной в Петербурге в 1740 г., на фронтисписе изображен

кавалер, объясняющий даме устройство солнечной системы по Копернику. Эта гравюра точно отражает идейное содержание книги, популяризовавшей новую космологию.

Расцвет фронтисписа научной книги падает на XVII столетие. Гравированные изображения создавались, как правило, по прямым советам и указаниям авторов и отражали научную проблематику книг. Над фронтисписами работали выдающиеся художники и граверы своего времени. Истолкования часто весьма сложных изображений, перенасыщенных символическими образами и аллегорическими фигурами, предваряли основной текст книги; иногда они разрастались до обширных поэтических произведений. Таким образом, фронтиспис XVII в. отражал научную, философскую проблематику, художественные и литературные направления в культуре своей эпохи. (В 1920-х годах интересным опытом возрождения фронтисписа к ученому сочинению явилась гравюра выдающегося советского графика В. А. Фаворского, помещенная на обложке книги П. А. Флоренского «Мнимости в геометрии» (М. 1922) и сопровождавшаяся, вполне в духе старинной традиции, специальным разъяснением автора книги.)

Наглядным выражением драмы идей, разыгравшейся в европейской науке после запрещения в 1616 г. католической церковью гелиоцентрического учения Николая Коперника, служат фронтисписы двух книг XVII столетия. Книги, о которых идет речь, — «Рудольфовы таблицы», содержащие расчеты движения небесных тел, составленные на основе наблюдений Тихо Браге

Иоганном Кеплером и изданные в Ульме в 1627 г., и «Новый Альмагест» Джованни Баттисты Риччоли, напечатанный в Болонье в 1651 г.

Итак, две гравюры на меди, раскрывающие в аллегорической форме идейные устремления авторов. Обе они по художественной манере принадлежат искусству барокко, в образном языке которого аллегории отводилась ведущая роль. Исполнены они известными художниками своего времени — нюрнбергским гравером Георгом Келлером (1568—1634) и работавшим в Болонье в середине XVII в. итальянским мастером Франческо Курти.

«Рудольфовы таблицы» И. Кеплера (1571—1630) явились крупнейшим достижением астрономической науки начала XVII в. Они пришли на смену средневековым «Альфонсовым таблицам» (XIII в.) и составленным в 1551 г. на основе принципов Коперника «Прусским таблицам» Эразма Рейнгольда. Новизна, точность и тщательность труда Кеплера позволили созданным им таблицам сохранять свое практическое значение до начала XVIII столетия. (Интересно, что наш экземпляр принадлежал астроному Иоганну Хекеру, работавшему в Гданьске в 1660—1680 гг., и сохранил на полях множество помет, расчетов и чертежей владельца книги.)

Среди рукописей И. Кеплера, хранящихся ныне в Архиве Академии наук СССР в Ленинграде, находится набросок фронтисписа к «Рудольфовым таблицам», сделанный рукой ученого и прямо свидетельствующий о том, что именно ему принадлежала не только общая идея графического оформления первого листа книги, но и достаточно детальная ее разработка. Выполненная по этому рисунку в стиле северного немецкого барокко, сохранявшего в творчестве Г. Келлера генетические связи с художественной культурой позднего Возрождения, гравюра изображает храм музы астрономии Урании. Смысл сложной композиции, даже мельчайшие детали которой продуманы и приведены в соответствие с общим замыслом изображения, разъясняет предпосланная основному тексту книги латинская стихотворная «Идиллия» — большая поэма (объемом в 458 гекзаметров) ректора и профессора истории и поэзии Ульмского университета И. Б. Хебенштрейта.

«Звездный храм» и все его атрибуты призваны раскрыть «возникновение и успехи астрономии вплоть до наших дней», достойно венчаемые «Рудольфовыми таблицами» Кеплера. Название книги помещено в центре храма и окружено колоннами, символизирующими последовательные исторические этапы развития астрономического знания. Колонны эти различны по форме и материалу. Колонны на заднем плане из неотделанных стволов деревьев и из необработанного бутового камня обозначают ранний этап возникновения астрономии, «грубость» и при-

митивность наблюдений древних «халдейских» (вавилонских) звездочетов; фигура одного из них видна в глубине. По мере приближения к зрителю колонны становятся более совершенными (от сложенных из камня до высеченных из мрамора), отражая растущую точность и совершенство наблюдений и развитие картины мира. Первая колонна слева посвящена Арату — древнегреческому ученому III в. до н. э., автору поэмы «Небесные явления», чрезвычайно популярной в средние века; к колонне прикреплена небесная сфера. На симметричной ей колонне справа — имя другого древнегреческого астронома, Метона; прикрепленный к ней диск изображает открытый им 19-летний цикл лунного года. Ближе к центру расположены колонны Гиппарха (слева) и Птолемея. Над фигурой Гиппарха, держащего в руках составленный им каталог звезд, — небесный глобус. У ног Птолемея — чертеж, относящийся к его теории эпициклов; перед ним на столе — рукопись его «Великого построения», а к колонне прикреплен созданный им инструмент для наблюдения небесных тел. В центре изображены две мраморные колонны, возносящие к славе труды создателей новейшей астрономии: на постаментах начертаны их имена — Коперник и Тихо Браге. Они изображены беседующими. На колонне Коперника — католический крест, обозначающий его принадлежность к духовному сословию, и его астрономические инструменты, на постаменте — таблицы ученых XV в. Иоганна Региомонтана и Бернгарда Вальтера (таблицы Региомонтана сопровождали Колумба в его плаваниях); в руках у великого польского астронома — его книга «О вращениях небесных сфер» (1543 г.), совершившая переворот в космологии и сыгравшая революционную роль в становлении современного естествознания. Великий астроном XVI в. Тихо Браге изображен с книгой «Введение в восстановленную астрономию» и с изобретенными им инструментами — квадрантом и секстантом; беседуя с Коперником, он показывает на плафон храма со словами: «А что если так?»; на плафоне изображена компромиссная система Тихо Браге, согласно которой центром мира оставалась Земля, но планеты вращались вокруг Солнца. Убедивший приверженец космологии Николая Коперника, подкрепивший ее новыми доводами и исходивший из нее при создании знаменитых законов движения небесных тел, И. Кеплер не принял систему Тихо Браге, оказавшуюся в теоретическом плане бесперспективной, и поместил его фигуру в центре храма Урании в знак благодарности учителю и признания его необыкновенно важных заслуг в области наблюдательной астрономии и сделанных им открытий.

На цоколе храма в центре — карта острова Вен в Дании, на котором Браге построил поразившую воображение современников астрономическую обсерваторию «Ураниборг» («замок Урании»), где и были сделаны наблюдения, легшие в основу «Рудольфовых таблиц».

Справа мы видим процесс печатания книг в типографии (набор и тиснение текста на печатном станке). Известно, как высоко ценил Кеплер изобретение Гутенберга; он создал подлинный гимн книгопечатанию в предисловии к своему трактату «О новой звезде» (1606), где с восторгом писал: «Теперь сочинений по всем дисциплинам ежегодно издается больше, чем их было за тысячу лет до того!» На цоколе слева изображен сидящий за столом Кеплер со списком своих трудов. Здесь названы «Тайна Вселенной», «Астрономическая часть оптики», «Комментарий о движении Марса» и «Сокращение коперниканской астрономии» (отметим кстати, что в отделе редких книг хранится также экземпляр «Сокращения», принадлежавший современнику и корреспонденту Кеплера немецкому астроному И. К. Одонтию, с его многочисленными записями и вычислениями; книга эта была в свое время приобретена выдающимся русским астрономом П. Б. Иноходцовым и в составе его библиотеки вошла в университетское книжное собрание — так своеобразно, на судьбах книг прослеживается неразрывная связь и преемственность традиций отечественной и зарубежной науки). На столе перед Кеплером — повторенное в миниатюре изображение купола, венчающего храм Урании.

В верхней части фронтона, по карнизу купола расположены женские аллегорические фигуры, символизирующие многообразие научных интересов Кеплера. Осыпавший храм золотыми монетами имперский орел должен был обозначить щедрость коронованных меценатов — императора Рудольфа и его преемников, которые покровительствовали великому астроному (впрочем, не вполне бескорыстно: их интересовали астрологические предсказания). В действительности «зодотой дождь» был далеко не столь обилён: Кеплер постоянно испытывал материальные затруднения с изданием своих книг.

Стремление художника выразить в композиции храма Урании гармонию космоса, проявившуюся и в развитии астрономических знаний, отвечало ренессансному духу научного мышления Иоганна Кеплера, в творчестве которого установление и открытие строгих математических законов движения небесных тел сочетались с поисками «музыки сфер», мистически истолкованной мировой гармонии.

Джованни Баттиста Риччоли (1598—1671), в отличие от Кеплера, мало занимавшегося наблюдениями, был известным астрономом-наблюдателем. Его сочинение «Новый Альмагест» — обширнейший и обстоятельнейший свод астрономических знаний того времени. Французский философ Пьер Гассенди назвал этот труд «великим вместительным и сокровищницей астрономии».¹ Именно Риччоли дал лунным горам и кратерам сохранившиеся до наших дней имена великих ученых и философов

¹ Weidler J. F. *Historia astronomiae*. Wittenberg, 1741, p. 491.

(например, Пифагора, Коперника, Браге, Кеплера и Галилея). «Альмагест» — арабизированное название труда Птолемея «Великое построение», бывшего в средние века основным источником сведений об античной астрономии и главным сводом астрономических знаний. Название труда Риччоли подчеркивало его грандиозность, всеобъемлющий характер. (Известно, что и Кеплер в последние годы жизни собирался написать «Новый Альмагест».)

Книга Риччоли, ученого-иезуита, подчинявшегося церковной дисциплине, направлена против гелиоцентрического учения. В книге приводится 77 аргументов против Коперника и только 49 в защиту движения Земли. Главным аргументом против гелиоцентрического учения служат приведенные в «Новом Альмагесте» тексты декрета об осуждении книги Коперника и отречения Галилея. Риччоли пытался найти выход из противоречий в компромиссной системе Тихо Браге. Эта позиция итальянского астронома и воплощена в изображении на фронтисписе его книги.

Художественная манера Ф. Курти отражает стилистические особенности искусства южного католического, так называемого «иезуитского» барокко, его возвышенный, экстатический характер. Мы видим на фронтисписе женскую фигуру, олицетворяющую астрономию. На ней пояс со знаками зодиака; в одной руке она держит свой символ — небесную сферу, в другой — весы. На весах две системы: гелиоцентрическая система Коперника и компромиссная система Браге. Побеждает, перевешивает последняя: для правоверного католика Риччоли осужденная церковью коперниканская космология была неприемлема, система же Тихо Браге позволяла учитывать данные новейших открытий и наблюдений и в то же время сохранить в картине мира требуемое католической теологией центральное положение Земли.

Астрономия изрекает стих псалма: «Ты поставил землю на твердом основании: не поколеблется она в веки и веки». Так авторитетом Писания подкрепляется незыблемость геоцентризма. Под весами мы видим сидящего Птолемея. Хотя Земля остается центром мира, система Птолемея отброшена. На правую сторону она в ногах у Астрономии. Слева изображена фигура многоокого Аргуса. В одной руке у него телескоп — символ наблюдательной астрономии, другой рукой он указывает наверх и произносит библейский стих: «Воззрю на небеса твои, дело твоих перстов». Вверху видна рука творца, от которой исходит свет. При ней три надписи — «число», «мера», «вес», называющие основные измерения сотворенного физического мира. Множество глаз осыпают тело Аргуса; один из них в телескоп наблюдает небесные светила в руках у ангелочков, скорее похожих на пухлых амуров. Планеты имеют свои знаки, которыми они отмечены на схемах. Слева — Солнце и ближние планеты.

справа — Юпитер с «медицейскими звездами» — спутниками, открытыми Галилеем, Сатурн, Луна, кометы, звезды...

Над светилами расположена лента со стихом из псалма: «День дню передает речь, и ночь ночи открывает знание», выражающим здесь постепенный характер накопления сведений в наблюдательной астрономии. Итак, фронтиспис к книге Риччоли дает нам наглядное представление о попытке ученого-иезуита вписать реальные наблюдения в богословскую картину мироустройства. Этой же цели служит и барочный аллегоризм гравюры, подчеркнутый большим количеством библейских цитат. Так совершалось подчинение ученого диктату контрреформационной католической реакции.

История науки несводима к перечню последовательных достижений. В ней важны не только результаты, но и процесс познания, неразрывно связанный с историческими особенностями эпохи. Сопоставление фронтисписов двух выдающихся памятников астрономической науки позволяет глубже понять историко-культурную обусловленность научных теорий и открытий, полнее раскрыть неповторимые индивидуальные особенности творческого мышления ученых, деятельность которых определяла характер научной революции XVII столетия.

СТАРИННЫЕ АТЛАСЫ И КОСМОГРАФИИ

Представленные в собрании редких книг университетской библиотеки атласы и космографии XV—XVIII вв. позволяют проследить — на превосходных образцах раннего книгопечатания — рост знаний о мире, развитие картографии, особенно в связи с Великими географическими открытиями.

Одна из самых популярных книг «колыбельного» периода книгопечатания — огромный том «Книги хроник» немецкого гуманиста, врача и историка Гартмана Шеделя, вышедшей в свет в типографии Антона Кобергера в Нюрнберге в 1493 г. Подлинный шедевр типографского искусства, украшенный многими сотнями иллюстраций (гравюр на дереве, как правило, раскрашенных от руки; цветной печатной иллюстрации в то время еще не существовало), выполненных знаменитыми художниками конца XV в. Михаэлем Вольгемутом и Вильгельмом Плейденвурфом, труд этот был отпечатан в двух вариантах, на немецком и на латинском языках, и явился одним из сравнительно многотиражных по тем временам изданий: каждый вариант был отпечатан тиражом не менее 1200 экземпляров (тогда как средний тираж печатной книги XV в. обычно не превышал трехсот экземпляров); он получил рас-

пространение по всей Европе и поныне представлен во многих научных книгохранилищах, порой несколькими экземплярами. Книга Шеделя сочетает в себе особенности всемирной хроники (события излагаются в хронологическом порядке «от сотворения мира» до 1492 г.) и космографии — мироописания. Эта вторая — собственно космографическая — особенность сочинения прежде всего ярко отразилась в иллюстрациях. Открывает книгу гравюра, представляющая картину мироустройства в соответствии с геоцентрической космологией Птолемея — Аристотеля, — Земля в центре мироздания, окруженная сферами: четырех стихий, Луны, Солнца, планет и «неподвижных» (фиксированных) звезд, — но при этом в трактовке, приданной ей средневековой теологией: мир физического космоса включен в иерархическую систему небесных сил, восходящих к богу-творцу. В конце «Книги хроник» помещена географическая карта Европы, очень еще несовершенная, особенно в том, что находится за пределами Центральной Европы, прежде всего Германии.

Вышедшая в свет в канун Великих географических открытий (в год завершения сочинения Шеделя, в 1492 г. была открыта Америка), «Книга хроник» ориентировалась еще в значительной мере на средневековые представления: мы найдем в ней фантастические изображения одноногих, песьеголовых, одноглазых и иных в том же роде людей, якобы населявших отдаленные пределы земли; а мир, известный автору и его читателям, ограничен Европой, Ближним Востоком и северной Африкой. Зато великолепны и по большей части весьма точны гравюры, изображающие европейские города XV столетия, особенно немецкие, хорошо знакомые автору, издателю и художникам. Созданные ими панорамы Нюрнберга, Вюрцбурга, Гейдельберга и многих других городов Германии и поныне не сходят со страниц исторических сочинений.

Университетский экземпляр «Книги хроник», хотя и пострадавший от времени (в нем повреждены некоторые листы), отличается яркими, раскрашенными от руки гравюрами и великолепным кожаным тисненым переплетом XV в. с бронзовыми украшениями. Книга эта поступила в составе собрания Михаила Семеновича Куторги (1809—1886), профессора всеобщей истории Петербургского университета. Посланный в свое время в составе группы русских молодых людей для продолжения образования в Западную Европу, Куторга обучался в Париже, Гейдельберге, Мюнхене и Берлине и, хотя основной его специальностью была древняя история, приобретал также книги по истории средних веков. «Книгу хроник» Шеделя Куторга приобрел в Петербурге, как явствует из его владельческой записи, в 1837 г.

Радикальное изменение географических познаний отражает изданная в 1540 г. в Базеле печатником Генрихом Петри «Всеобщая география, старая и новая». Она включает в себя не

только классический труд Птолемея в новом латинском переводе гуманиста Вилибальда Пиркхаймера, но и большое собрание географических карт, как старых, восходящих к античной традиции (но «обновленных трудами Себастьяна Мюнстера»), так и новых, «объясняющих современный облик Земли», ставший известным европейцам после Великих географических открытий. Книга эта содержит элементы ученого труда по географии, географического атласа, а также традиционной космографии, включая «описание обычаев и нравов разных народов».

«Старые» карты изображают земли, известные в древности и в средние века, преимущественно Европу, частично Африку и Азию — до Индии. Однако это не античные карты: на них нанесены города, появившиеся в Европе в течение тысячелетия после падения Римской империи. Особенно интересны карты новые. Карта Европы непривычна для современного глаза — наш материк на ней как бы перевернут: сверху изображена южная его часть, снизу северная. Расширены пределы известной ученым Восточной Европы — мы встречаем здесь русские города Смоленск, Орешек, Киев и Москву. Во «Всеобщей географии» отражены результаты путешествий Васко да Гамы, Колумба, Магеллана и их продолжателей; здесь наличествуют изображения Нового Света — Южной и Северной Америки, «новой» Африки, т. е. полные очертания африканского материка. Как остаток средневековых легенд мы обнаруживаем на территории Африки перекочевавшее сюда из старых космографий изображение одноглазого человека. Научное знание наглядно сосуществует здесь с пережитками фантастических преданий былых времен, но уже основательно их потеснило.

Четыре года спустя, в 1544 г. Себастьян Мюнстер (1489—1552) выпускает свою «Космографию» — фундаментальный труд, содержащий свод знаний о мире. Он включил в нее без изменений — с тех же досок — «новые» географические карты из издания «Всеобщей географии» 1540 г. Наряду с атласом новая книга содержала сведения космологического характера, правда, несмотря на то, что она вышла в свет вскоре после издания знаменитого труда Николая Коперника, «Космография» Мюнстера воспроизводила традиционную геоцентрическую картину мира. Но главное содержание книги составляет подробное и необычайно богато иллюстрированное описание стран и народов, их истории, нравов и обычаев, государственного устройства и культуры.

Для своей «Космографии» Мюнстер использовал огромный материал исторических хроник и описаний путешествий; сведения об истории и достопримечательностях отдельных европейских городов он получал от своих корреспондентов — ученых-гуманистов, их письма включены в текст книги. «Космография» имела огромный успех: за сто лет вышло 24 ее издания, с немецкого она была переведена на латинский, французский,

итальянский, английский и чешский языки. В университетской библиотеке хранятся два латинских издания, вышедших в свет в Базеле у того же Генриха Петри в 1550 и 1552 г.; издания почти тождественны, но в экземпляре 1552 г. все иллюстрации и карты раскрашены от руки. Книге предпослан портрет автора.

Мы встречаем в «Космографии» виды городов, изображения животных и растений, сельскохозяйственных работ, труда ремесленников; особенно большое внимание уделено горному делу. Некоторые иллюстрации воспроизводят события легендарного или исторического характера, в том числе знаменитый эпизод с Вильгельмом Теллем, сцены казни еретиков. Дважды включает Мюнстер в книгу гравированный портрет своего великого современника Эразма Роттердамского, второй раз с оговоркой, что делает это, получив в свое распоряжение знаменитый портрет работы Ганса Гольбейна. Особое внимание уделено в книге Великим географическим открытиям, путешествиям Колумба и Америго Веспуччи, новым землям и проживающим в них народам. Рассказывает Мюнстер и о технических новшествах и изобретениях, в частности о появлении артиллерии, причем интересно, что он не соглашается с хулителями нового мощного оружия, подчеркивая, что благодаря ему удалось прекратить феодальную разбой и разрушить замки, эти гнездилища разбойников и правителей. Особенное же восхищение вызывает у него изобретение книгопечатания: «Восхитительно и едва правдоподобно, но это истинная правда, что теперь за день один работник может набрать столько букв, сколько самый скорый на руку писец едва ли бы написал за два года!»

Любопытны приведенные в «Космографии» сведения о России, хотя источники, использованные составителем, не всегда достоверны. Характерно, что в качестве типичного представителя российской фауны здесь изображен медведь. Помещенная у Мюнстера карта Московии, хотя и схематична, восходит не к античным географическим представлениям, а к современным автору источникам; о Московском Кремле он пишет, что его многочисленные башни и укрепления «столь мощны и прекрасны, что подобные им едва ли где можно найти».

Оба экземпляра «Космографии» Мюнстера — в кожаных тисненых, на досках и с медными застежками, переплетах XVI в. В книгах имеются записи их владельцев, ныне забытых, но несомненно просвещенных читателей XVI—XVII вв. На экземпляре издания 1552 г. осторожный владелец отметил: «Запрещена по I разряду Тридентского индекса». Все сочинения Мюнстера, ученого гебраиста, выпустившего в свет критическое издание древнееврейского текста Ветхого Завета с собственным латинским переводом, были занесены в папский Индекс запрещенных книг и подлежали безусловному уничтожению; хранение их в католических странах было небезопасно.

В XVI—XVII вв. издавалось много частных географических атласов — отдельных стран, ретроспективно-исторических, планов городов. Знаменитый «Атлас городов» Г. Брауна («Главнейшие города всего света»), изданный в Нюрнберге в 1574—1618 гг. в двух вариантах, с текстом на немецком и латинском языках, представляет собой единственное в своем роде собрание топографических планов и изображений панорам городов всего мира. Это шеститомное собрание планов и пояснений к ним историко-географического характера. Оно насчитывает более 1200 листов, 562 гравированных на меди изображения крупного формата, впоследствии раскрашенных от руки. Особенно богато представлены в атласе города Западной и Центральной Европы — Англии, Франции, Германии, Италии, Ирландии, Нидерландов, Испании, Португалии, Австрии, Польши, Чехии, Швеции. Имеются там и планы городов, расположенных за пределами привычного для западноевропейцев мира. Тремя городами представлена территория нашей страны — это Москва, Рига и Вильнюс. Есть там и города Азии и Африки — Аден, Александрия, Алжир, Каир, Тунис, Дамаск, Иерусалим, города Индии — Калькутта и Гоа и даже два города американского континента — Куско и Мехико. В атласе даны, как правило, точные топографические планы городов с изображением наиболее важных строений — замков, храмов, крепостных сооружений. Иногда они сопровождаются или заменяются панорамами — видами городов. Почти всегда на них изображены гербы городов, их владетельных государей, церковных и светских. Особенно любопытны нарисованные внизу на планах человеческие фигуры — всегда в национальных костюмах того времени, что придает атласу дополнительную ценность исторического источника для изучения быта и культуры XVI в. Часто планы сопровождаются указателями достопримечательностей с ссылкой к соответствующим цифрам на плане. Характерна в этом отношении большая — на двух листах — карта Рима. Вечный город интересует издателей атласа не как центр католической церкви и не как цель благочестивого паломничества, а как город-музей, средоточие памятников античной культуры: на плане изображены и выделены особой краской, а в указателе пояснены все сохранившиеся архитектурные сооружения классической древности.

В библиотеках «Атлас городов» Г. Брауна встречается крайне редко (в связи с чем недавно одной из западных фирм предпринято его факсимильное переиздание). В Научной библиотеке ЛГУ хранятся два тома из шести — третий и четвертый в одном переплете. Так как составители не придерживались в размещении планов никакой системы, а, очевидно, публиковали их по мере изготовления, в наших томах материал весьма разнообразен: здесь планы городов Англии, Испании, Франции, Фландрии, Италии и Нидерландов. Среди них и подробная гео-

графическая карта Дании — единственная географическая карта во всем атласе, а также изображение острова Вен с его достопримечательностью — знаменитой астрономической обсерваторией Тихо Браге. Другие тома этого редкого издания имеются в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде и в Библиотеке Сибирского отделения Академии наук в Новосибирске.

В конце XVI в. вышел в свет атлас фламандского картографа Герарда Меркатора (1512—1594), положивший начало современной научной картографии. Меркатор применил цилиндрическую проекцию для построения сети параллелей и меридианов, ознаменовавшую поворот к максимально точному воспроизведению земной поверхности на плоскости, что способствовало дальнейшему развитию картографии и в значительной мере содействовало успехам мореплавания. Труд Меркатора впервые получил название «атлас» благодаря изображению на титульном листе легендарного древнего царя Атласа, создающего глобусы. Именно с тех пор так стали именовать всякое систематическое собрание географических карт. «Атлас» Меркатора был известен и в России XVII в., использовался в русских космографиях того времени. Впоследствии наследники Меркатора продали собрание гравированных им медных досок фирме Гонда в Амстердам, где и продолжалось издание этого популярнейшего в XVII в. атласа.

В библиотеке университета хранится «Атлас, или Космографические размышления о строении мира и образе устроителя, сперва созданные Герардом Меркатором, а затем доведенные до конца Иодоком Гондой, ныне же во многом улучшенные и заново изданные в свет. Издание 10-е, на средства и с медными гравюрами Генриха Гонды в Амстердаме в лето господне 1630». Атлас снабжен раскрашенными от руки (как и все карты) портретами Меркатора и Гонды и их жизнеописаниями. В нем содержится множество великолепно выполненных географических карт, начиная с общей карты полушарий (имеющей уже почти привычный для нас вид, за исключением Южного и Северного полюсов, где расположены в весьма неопределенных границах соответственно «Южная земля» и «Полярная земля») и вплоть до детальных карт отдельных стран и их частей.

Это многотомное издание, как и «Атлас городов» Г. Брауна, поступило в университетскую библиотеку из Полоцкой коллегии иезуитов, о чем свидетельствуют печати коллегии. Оказавшийся в XVIII в. в связи с присоединением к России западно-русских земель в пределах Русского государства, орден иезуитов пользовался покровительством Екатерины II, покровительством столь значительным, что сохранил свои позиции даже после официального роспуска ордена римским папой. Полоцкая коллегия была влиятельнейшим учебным заведением ордена в

России, получила статус духовной академии и обладала выдающимся по полноте и богатству книжным собранием. После запрещения деятельности ордена иезуитов в России в 1820 г. Полоцкая коллегия была упразднена, а книги переданы в крупнейшие петербургские библиотеки; значительная их часть поступила в 1830 г. в библиотеку столичного университета.

Во второй половине XVII столетия наибольшим авторитетом пользовался изданный также в Амстердаме «Большой атлас» И. Блеу. В нашем собрании он представлен первым томом в издании 1664 г. Характерно, что в изображении системы мироустройства этот атлас следует уже гелиоцентрической системе Коперника, к этому времени в католических странах официально запрещенной. Подобно прежним космографиям, атлас уделяет немалое внимание проблемам астрономии: в нем, как и в атласе Брауна, помещены изображения обсерватории Тихо Браге на острове Вен (к тому времени уже давно прекратившей свое существование), а также изобретенных и усовершенствованных датским астрономом инструментов, в том числе его знаменитого стенного квадранта.

На карте полушарий в атласе Блеу уже отсутствуют изображения «Полярной» и «Южной» земель на полюсах, зато появилась, правда с незавершенными и неполными очертаниями, «Новая Голландия» — Австралийский материк.

Но особенно интересны для нас широко представленные в атласе Блеу карты России. Здесь не только большая карта страны в целом, но и подробные карты отдельных ее частей. Тщательно выполнены карты бассейнов рек — Северной Двины, Волги, Днепра с обозначением поселений на их берегах, даже небольших (на карте Северной Двины указаны многие деревни от Архангельска до Устья Великого и далее вверх по Сухоне до Вологды). Великолепен красочный план Москвы и отдельный план Московского Кремля. Совершенно очевидно, что при составлении этих планов и карт использовались не только показания путешественников, дипломатов и купцов, но и полученные в России материалы, о чем, в частности, свидетельствуют выполненные русской вязью и скорописью надписи на планах Москвы и Кремля. (Отметим, что первый схематический план столицы Российского государства появился у нас на фронтисписе московской «Библии» 1663 г.). Карты включают также воспроизведение государственного герба России, панораму Архангельска, отличающиеся достоверностью изображения охотничьих сцен, а также русских бояр и стрельцов в национальных костюмах.

После петровских преобразований наступает расцвет отечественной картографии. Свидетельством тому служит великолепный первый полный географический атлас Российской империи, выпущенный трудами Академии наук уже через 20 лет после

ее учреждения — в 1745 г. Один из экземпляров атласа украшает собрание старинных атласов и космографий отдела редких книг.

ОПИСАНИЯ ПУТЕШЕСТВИЙ XV—XVII вв.

древности и в средние века описания путешествий были особой формой познания мира — своего и чужого. Все богатство впечатлений и сведений, полученных в дальних странствиях в течение долгого времени, объединялось личностью путешественника, который и нес перед соотечественниками ответственность за достоверность рассказа об увиденном и услышанном. Доверие

к сообщению о том, что кто-то наблюдал сам, и объясняет чрезвычайную распространенность описаний путешествий, сколь бы порой фантастическими ни были события и факты, в них излагаемые. Отсюда понятна та естественность, с которой жанр путешествий вошел в мировую художественную литературу.

Такое отношение к описаниям путешествий сохраняется при постоянно возрастающем интересе к ним и в XV—XVII вв. Этому способствовали два протекавших почти одновременно важнейших явления в истории европейской культуры — возникновение книгопечатания и Великие географические открытия. Именно с помощью печатного станка сообщение Христофора Колумба об открытых им землях быстро для того времени, в течение нескольких лет, становится известным всей Европе. К прежним путешественникам — купцам, паломникам, посланцами — добавились и мореплаватели. Конечно, и в эти века путешествия не носили научного, систематического характера, были полностью подчинены иным целям — завоевательным, торговым, дипломатическим, миссионерским. Столь же несистематично появлялись и записки о путешествиях: не всякий торговец и конкистадор обладал необходимым уровнем образованности и литературным даром, а особенно сознанием важности занесения на бумагу пережитого. Можно даже считать случайностью, что, в то время как десяток кругосветных плаваний до начала XVIII в. почти не оставил от себя описаний участников, первое такое плавание (1519—1522), совершенное Магелланом, подробно описал напросившийся в последний момент в состав экспедиции итальянец Антонио Пигафетта.

Каждое из описаний путешествий, кто бы ни был его автор, имеет непреходящую историческую и культурную ценность: в нем заключена живая неповторимость первых встреч тогдашних землепроходцев с неведомыми странами и народами. Немало интересных книг, содержащих описания путешествий XV—XVII вв., хранится в Научной библиотеке ЛГУ.

Среди популярнейших маршрутов, особенно в средние века, были пути паломников на Восток, к «святым местам». До нас дошло большое число русских и западных описаний паломничеств. Необходимость дать практические указания для тех, кто пожелает последовать за ними, заставляла авторов снабжать свои сочинения подробными сведениями о пути следования, обычаях и нравах народов Леванта, сопровождать описания достопримечательностей историческими и теологическими комментариями. К таким ученым описаниям относится изданное в Майнце в 1486 г. «Путешествие в Святую землю» Бернарда Брейденбаха. Книга богато иллюстрирована гравюрами на дереве работы участника путешествия, художника и издателя книги Эрхарда Ройвиха. Особенно интересен большой панорама Венеции, откуда начиналось обычно морское путешествие в Левант. Художник запечатлел также многие портовые города восточного Средиземноморья, снабдил книгу многочисленными изображениями этнографического характера, воспроизвел образцы алфавитов народов Ближнего Востока. В конце книги приведена любопытная гравюра с подписью: «Эти животные правдиво нарисованы, как мы видели их в Святой земле»; среди «диких животных» — жираф, верблюд, крокодил, индийские козы, «саламандра» (судя по изображению — крупная ящерица), а также легендарный единорог и странное человекоподобное существо с хвостом и львиной гривой, о котором в подписи под рисунком откровенно сказано: «неизвестно, как его зовут». Завершила книгу подробная карта Северо-Восточной Африки и Палестины. «Путешествие» Брейденбаха знаменовало собой, в канун Великих географических открытий, переход от описаний благочестивых паломничеств к отчетам о странствиях познавательного характера. Вместе с тем книга эта продемонстрировала новые возможности книгопечатания, дающие, благодаря применению гравюры на дереве, обширную и разнообразную по характеру информацию.

Такой же основательностью, а также тщательностью в подборе изобразительного материала отличались и изданные в начале XVII в. описания «святой земли» голландского путешественника И. Коотвика и польского князя Хр. Радзивилла.

Наряду с расширением географического кругозора в XVI в. пробуждается археологический интерес к памятникам античной и средневековой культуры в странах Западной Европы. Появляются первые путеводители. Одним из таких редчайших изданий является «Руководство к путешествиям» (Базель, 1577) Т. Цвингера, протестантского ученого, ученика французского философа Петра Рамуса. В методическом введении он дает, следуя своему учителю, правила систематического рассмотрения предмета, а затем по выработанной им схеме описывает подробнейшим и исчерпывающим образом достопримечательности Базеля, Падуи, Парижа и Афин.

Но главный интерес читающей публики с начала XVI в. вызвали другие части Старого Света и, в особенности, Новый. Поражавший воображение объем новых сведений о мире отражался не только на географических картах — появляются первые сборники описаний путешествий. Их всех затмил искусством подготовки текстов, продуманностью в расположении материала труд итальянского гуманиста Джованни Баттисты Рамузио (1485—1557) «Собрание мореплаваний и путешествий» (т. 1—3. Венеция, 1550—1566). Свое собрание, для которого он ряд описаний перевел, а другие отредактировал или составил сам, снабдив их вступительными статьями, Рамузио дополнил картами и немногочисленными иллюстрациями. Для составителей подобных изданий в последующие века «Собрание» Рамузио оставалось непревзойденным образцом, композиции и принципам подбора материала которого они неуклонно следовали. Научная ценность этого труда определяется тем, что многие путешествия известны нам именно в версии Рамузио. Первый том книги Рамузио, посвященный плаваниям португальцев вдоль африканского побережья в Индию и до Молуккского пролива, а также кругосветным плаваниям, открывается «Описанием Африки» Льва Африканца (1492—1550) — арабского путешественника, долго жившего в Риме и написавшего на латинском языке свой труд по поручению папы Льва X. Это сочинение вплоть до XIX в. было основным источником сведений о внутренних областях Северной Африки. Второй том содержит описания путешествий по Азии начиная с XIII в. Сперва идет знаменитая версия Рамузио книги Марко Поло. Здесь же помещены и сообщения о Московии. Тема третьего тома — открытие и изучение Нового Света. Начинается он подробным рассказом о плаваниях Христофора Колумба к берегам Америки.

Традиция Рамузио легко просматривается в многотомных сводах путешествий, изданных в первой половине XVIII вв., например, в четырехтомном «Новом всеобщем собрании путешествий» Эстли и восьмитомном «Собрании путешествий» Черчилля на английском языке, во «Всемирной истории морских и сухопутных путешествий» на немецком (21 том, 1747—1774). (Напомним, что в России Н. И. Новиковым был издан в Москве в 1782—1787 гг. перевод собрания путешествий в 22 частях, составленного прославленным автором «Манон Леско» аббатом Прево — «История о странствиях вообще...») В отличие от скромного оформления у Рамузио в описаниях путешествий XVIII в. много иллюстраций, сохраняющих значение для этнографии и других наук: как правило, они выполнялись на основе рисунков, сделанных самими путешественниками.

К началу XVIII в. выявляются две тенденции. С одной стороны, увеличивается число «незаинтересованных» путешествий, т. е. совершенных из любопытства. Такие путешествия все более становятся научными предприятиями. В то же время захва-

ченная интересом к экзотике читающая публика все больше ищет в описаниях путешествий приключений, авантюристичности. Между некоторыми записками о путешествиях и авантюристичными романами с трудом можно обнаружить различия в степени достоверности. Обе тенденции проявились и в характере иллюстраций: зарисовки растений, редких камней, памятников, обрядов соседствуют с изображениями кораблекрушений, стычек, морских бурь...

Среди интереснейших изданий можно назвать английский перевод (Лондон, 1663) «Путешествий и приключений» Ф. М. Пинту, португальского мореплавателя, первым в 1542 г. достигшего берегов Японии. Среди книг об Азии — «Путешествия по Европе, Азии и Америке» Ж. Тевено, «Шесть путешествий в Турцию, Персию и Восточные Индии» Ж. Б. Тавернье, «Описание голландского посольства в Китай (1655—1657)» И. Нихофа, изданное в Амстердаме в 1668 г. Многие из этих книг о Востоке, в том числе и тома Рамузио, принадлежали переданному в университетскую библиотеку книжному собранию выдающегося русского востоковеда И. П. Минаева (1840—1890), переводчика «Книги Марко Поло». И. П. Минаев сам много путешествовал по Южной Азии.

Не столько богатством географических сведений, сколько полнотой подбора и типографским оформлением отличалось 25-томное издание «Путешествий в Восточную и Западную Индию», выпущенное параллельно на латинском и немецком языках гравером и издателем Теодором де Бри и его наследниками во Франкфурте-на-Майне в 1590—1634 гг. (первая часть, «Краткое и истинное сообщение о новооткрытой земле Виргинии», вышла также на английском и французском языках; именно ее неслыханный успех побудил издателя продолжить серию). Благодаря широте охвата материала и великолепию гравированных на меди карт и иллюстраций собрание «Путешествий» де Бри являлось на протяжении трех столетий предметом вожделений богатых библиофилов (заметим, что особо полная коллекция всех томов этой серии и их многочисленных типографских вариантов находилась в библиотеке С. А. Соболевского, замечательного русского библиофила и знатока книги, близкого друга А. С. Пушкина). В библиотеке ЛГУ имеются первые три части латинского издания, включающие в себя описания Виргинии, Флориды и Бразилии, а также часть четвертая, посвященная открытию Америки Христофором Колумбом, с большим числом гравюр, изображающих сцены из жизни великого мореплавателя.

О путешествиях Ла-Саля, первым пересекшего в 1682 г. внутреннюю часть Северной Америки с севера на юг по реке Миссисипи и погибшего в 1687 г. при основании колонии в дельте Миссисипи, повествует участник его экспедиций и их хроникер Луи Анпен. Немецкий перевод его «Нового описания путе-

шествия» находится в конволюте изданий о путешествиях конца XVII в.

Книги о путешествиях стали наконец столь популярны, что сочинения в жанре путешествия являются для нас приметой литературы XVIII в. Этой формой пользовались философы, публицисты и прежде всего писатели. «Сентиментальное путешествие» Л. Стерна ознаменовало обращение писателей к изображению внутреннего мира человека. А русский XVIII век венчают два произведения, написанные в этой форме,—«Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева и «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина. Многие авторы использовали в своих произведениях фактический материал и особенности повествования книг о путешествиях. В 1698—1703 гг. на английском языке вышла книга У. Дампира «Новое путешествие вокруг света» (в собрании ЛГУ — прекрасно иллюстрированное амстердамское издание 1723 г. французского перевода в пяти томах малого формата): Стиль этой книги пародирует Свифт в «Путешествиях Гулливера», а Дефо использует в «Робинзоне Крузо» описанные Дампиром действительные эпизоды жизни на необитаемых островах, случившиеся во время его плаваний.

В XVIII в., веке первых планомерных научных экспедиций (вспомним, например, уникальные результаты деятельности экспедиций Академии наук по описанию России), окончательно сформировался и тип описания научного путешествия, давший уже в XIX в. такие шедевры, как «Путешествие в равноденственные области Нового Света» А. Гумбольдта и «Дневник изысканий» Ч. Дарвина, участвовавшего в качестве натуралиста в кругосветном путешествии на корабле «Бигль» в 1831—1836 гг.

КНИГИ О РОССИИ XVI—XVII вв.

реди описаний путешествий особый интерес для любителей отечественной истории представляют «сказания иностранцев о России» XVI—XVII вв., как традиционно называют эти описания Московии в нашей историографии. В сочинении «Обозрение путешественников по России до 1700 года» (русский перевод 1864 г.) русский ученый Ф. П. Аделунг, посвятивший всю свою жизнь

изучению этого вопроса, насчитал до 300 таких описаний (в 1926 г. сведения Ф. Аделунга были значительно дополнены В. Кордтом); большая их часть относится к XVI и XVII в. Русские историки и филологи XIX в. проделали огромную работу по собиранию и переводам этих драгоценных свидетельств жи-

ни русского народа в столь отдаленные времена; продолжается эта деятельность и теперь.

В собрании редких книг университетской библиотеки представлены, часто в нескольких экземплярах, издания наиболее известных сочинений, оказавших в свое время огромное влияние на формирование взглядов европейского общества на Россию.

Связи Русского государства с Западной Европой, в особенности с Византией, никогда не прерывались. После падения Константинополя в 1453 г. ввиду постоянно растущей для Европы опасности турецких завоеваний значение большого и сильного Русского государства как возможного союзника быстро возрастало в глазах европейских политиков. Отсюда посольства в Московию (в XVII в. почти ежегодные) и как их результат — донесения и описания.

В 1553 г. один из кораблей английской экспедиции, отправленной на поиски северных путей в Индию, был заброшен к устью Северной Двины. Вместо Индии был открыт торговый путь в Московию. Капитан Ченслер был вызван в Москву к Ивану Грозному, и это положило начало не только торговле с англичанами (для чего позднее был основан Архангельск), но и сложным дипломатическим отношениям и переговорам о привилегиях. Именно английские торговые агенты оставили ряд любопытнейших сочинений о России второй половины XVI в. Среди них выделяется своей обстоятельностью и продуманностью сочинение Флетчера. Ливонская война и «Смутное время» были событиями европейского масштаба. Интерес к ним вызвал к жизни большое количество записок и исторических трудов о Московии. Все эти мотивы появления сказаний о России сохраняются и в XVII в.; к описаниям путешествий прибавляются дневники и записки иностранцев, находившихся на русской службе.

Первые печатные сочинения, в которых говорилось о Московии на основе собственных впечатлений, появились еще в конце XV в. (итальянцы Барбаро и Контарини). В начале XVI в. были изданы работы, основанные на рассказах русских послов (Павел Иовий и др.). Классическим сочинением, ставшим образцовым для последующих книг этого рода, были «Записки о московитских делах» С. Герберштейна. Немецкий дипломат и ученый гуманистического склада Сигизмунд Герберштейн (1486—1566) посетил Россию в 1517 и 1526 гг. во главе имперского посольства во время великого княжения Василия Ивановича. Оба посольства не достигли своей цели — заключения мира между Россией и Польшей. Однако за время пребывания в Москве (около 16 месяцев за два приезда) любознательный посол, используя знание одного из славянских языков, ознакомился не только с бытом и государственным устройством, но и с русскими летописями, юридическими и церковными докумен-

тами, выдержки из которых он и привел в своем сочинении: это древнерусский церковный устав и судебник Ивана III, послание и правила митрополита Иоанна и вопросы Кирика. Труд Герберштейна, написанный в традициях гуманистической историографии, был впервые издан на латинском языке в Вене в 1549 г. (в нашем собрании имеется базельское переиздание 1551 г.). Представление о составе его книги дает титульный лист лучшего, дополненного издания 1556 г.: «Записки о московитских делах Сигизмунда вольного барона в Герберштейне, Нейперге и Гюттенгаге. Кратчайшее описание России и Московии, которая ныне состоит ее столицею. Наконец хорография [землеописание] всей Московитской империи и упоминание о некоторых соседях. Вставлены также различные сведения о религии и о том, что не согласуется с нашей религией. Наконец разъясняется, какой там существует способ приема послов и обхождения с ними. Присоединено также описание двух путешествий в Московию. К этому прибавлено только теперь самим автором не только несколько новых карт, но также и многое другое, что легко откроет всякий, кому угодно будет сравнить это с первым изданием». Кроме этого базельского издания 1556 г. в отделе редких книг хранятся и многочисленные немецкие переводы середины XVI в. Среди них — редчайшее издание (Вена, 1557) немецкого пересказа «Записок», выполненного самим Герберштейном. Этим экземпляром пользовался ученейший филолог-классик и библиолог А. И. Маленн при подготовке своего перевода латинского издания 1556 г. Перевод А. И. Маленна вышел в 1908 г. в серии переводов трудов иностранцев о России, осуществленной известным издателем А. С. Суворинным; это издание до сих пор остается образцовым по тщательности подготовки.

Среди других книг особого внимания заслуживает латинское сочинение главы папского посольства в 1581—1582 гг. к Ивану IV иезуита Антонина Поссевина (1534—1611) «Московия и другие сочинения...» (Кельн, 1587). Венчает XVI век великолепный свод «Сочинения разных авторов о московских делах», изданный на латинском языке в 1600 г. во Франкфурте-на-Майне А. Вехелем в серии собраний исторических сведений о различных государствах. Открывают том «Записки» Герберштейна (с издания 1556 г.), затем приведены все важнейшие труды о Московии XVI в. На основе этого большого свода форматом в лист в 1630 г. в Лейдене были изданы две маленькие (в 24-ю долю листа) книжечки убористой печати: знаменитыми голландскими печатниками Эльзевирами в серии «Государства» — «Россия, или Московия, а также Татария» и подражавшим им И. Мэром — «Государство и города Московии». Эти издания, различающиеся немного по составу, пользовались чрезвычайной популярностью (у Эльзевиров книга вышла в 1630 г. дважды).

Из литературы путешествий XVII в. самым знаменитым является «Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно» Адама Олеария. Это путешествие относится к разряду распространенных в XVII в. «ученых» путешествий. Немецкий математик, астроном, востоковед, библиотекарь Адам Олеарий (1603—1671) был секретарем шлезвиг-гольштейнского посольства в Россию в 1633—1634 гг. и в Персию в 1635—1639 гг. (путь посольства проходил через Россию); он также посетил Москву в 1643 г. Олеарий не только вел подробнейшие записи в пути, но и собственноручно делал зарисовки, которые вошли в текст его книги, впервые изданной на немецком языке в 1647 г. В коллекции университетской библиотеки представлено несколько изданий «Описания», в том числе два экземпляра авторитетного второго, дополненного (Шлезвиг, 1656 г.).

Наличие в Научной библиотеке ЛГУ большого количества экземпляров сочинений как Герберштейна, так и Олеария объясняется тем, что почти в каждом из поступивших в университетскую библиотеку книжных собраний профессоров-историков непременно имелись эти издания. Так, два издания Герберштейна в немецком переводе (вышеупомянутое венское 1557 г. и вышедшее во Франкфурте-на-Майне в 1579 г.) происходят из собрания профессора Петербургского университета академика Н. Г. Устрялова (1805—1870), приобретшего их в 1830-х годах в связи с разработкой им в эти годы курса русской истории, а английский перевод сочинения Олеария (Лондон, 1662) поступил в составе библиотеки востоковеда И. П. Минаева.

Среди участников внушительного посольства в Персию (около 75 человек) был немецкий поэт Пауль Флеминг (1609—1640). Олеарий включил в «Описание» некоторые стихотворения Флеминга, написанные во время путешествия. Флеминг посвятил Москве три сонета, переведенные в XVIII в. поэтом А. П. Сумароковым. Вот отрывок из перевода, содержащий обращение к Москве:

... Дай небо, чтобы ты была благополучна,
Безбрана, с тишиной своею неразлучна,
Чтоб твой в спокойствии блаженный жил народ!
Прими сии стихи. Когда я возвращуся,
Достойно славу я твою воспеть потщуся,
И Волгу похвалою промчу до Рейнских вод.

Соединение в книге Олеария текста, имеющего характер документальных записей, с гравюрами и стихотворениями позволяло читателю взглянуть на Россию как бы с разных точек зрения. Первый русский перевод «Описания», оставшийся в рукописи, был сделан еще в конце XVII в., вероятно, с гамбургского издания 1696 г. Лучший и самый полный русский перевод А. М. Ловягина вышел в суворинской серии в 1906 г.

Особое место среди сочинений о России занимает книга австрийского дипломата А. Мейерберга (1612—1688) «Путешествие в Московию». Во главе имперского посольства Мейерберг посетил Россию в 1661—1663 гг. Его книга вышла, вероятно, в 1664 г. (в ней нет выходных данных). К этому сочинению приложен прекрасный перевод на латинский язык «Соборного уложения» царя Алексея Михайловича. Видимо, не случайно экземпляр «Путешествия» поступил в университетскую библиотеку в 1832 г. в числе книг известного исследователя древнерусского права Г. А. Розенкампа. В книге имеется автограф владельца, запись о месте и времени приобретения (СПб., 4 января 1814 г.) и заметки на полях. Но от путешествия Мейерберга осталось не только его описание. В начале XIX в. Ф. Аделунг обнаружил и издал в 1827 г. знаменитый альбом Мейерберга (пользоваться лучше более полным суворинским изданием 1903 г.) — 131 лист с 250 рисунками, сделанными участниками путешествия Сторном и Пюманом. Вероятно, самому Мейербергу принадлежат объяснительные подписи к рисункам на немецком языке. Зарисовки русских городов, встречавшихся на пути следования посольства, изображения представителей разных сословий, народностей и профессий, торжественных дипломатических и религиозных процессий делают альбом Мейерберга интереснейшим источником по истории нашего государства.

Необходимо, однако, отметить, что многие авторы, писавшие тогда о России, весьма субъективны в своих оценках русских нравов и обычаев, государственных установлений и духовной культуры. Так, Олеарий сетует на то, что русские не любят своей истории и других «хвальных» наук. Это свидетельствует о полном незнании древнерусской литературы, всего ее богатства и специфики. Конфессиональные предрассудки, традиции европейской художественной культуры помешали многим авторам понять и по достоинству оценить одно из величайших достижений художественного гения человечества — русскую иконопись (хотя они часто рассуждают о ней). Правда, нужно признать, что и мы только теперь, в XX в., начали понимать всю важность древнерусской культуры, ее непреходящее значение: столь была сильна инерция новоевропейского отношения к памятникам старины.

Эта субъективность описаний не укрывалась от всевидящего ока Посольского приказа, примером чему служит история с книгой секретаря имперского посольства в России в 1698—1699 гг. И. Г. Корба (ок. 1670 — ок. 1741). Приведем перевод титульного листа этого редчайшего издания, экземпляр которого есть и в библиотеке ЛГУ: «Дневник путешествия в Московию... знатного господина Де Гвариент и Ралл... от августейшего и непобедимейшего римского императора Леопольда I к пресветлейшему и державнейшему царю и великому князю

Московин Петру Алексеевичу в 1698 году чрезвычайного посла, введённый Иоанном Корбом, в то время секретарем царского посольства. Прибавлено сжатое и точное описание возвращения его царского величества из европейских стран в собственные пределы, опасного мятежа стрельцов и произнесенного против них приговора с воследовавшей кровавой расправой, а также выдающихся черт из быта Московии и т. д.»

Книга вышла в Вене в 1700 г. Находившийся там русский посланник князь П. А. Голицын тотчас отправил экземпляр «Дневника» в Москву с сопроводительным письмом, в котором говорилось: «...такого поганца и ругателя на Московское государство не бывало; с приезде его сюда нас учинили барбарами». Русское правительство настояло на запрещении продажи книги и недозволении нового издания. Книга более не переиздавалась. Действительно, в ней есть описания непривлекательных сторон жизни русских. Но в целом запрещение было несправедливым. «Дневник» пронизан апологетическим и любовным отношением автора к личности Петра I. О его деятельности Корб пишет: «Царь старается при помощи искусств и наук придать лучший вид своему царству; если счастье доброго успеха будет содействовать его благоразумным замыслам, то в скором времени на месте прежних хижин воздвигнуты будут красивейшие сооружения, которые будут служить предметом всеобщего восхищения». Это предсказание сбылось, и сооружение Петербурга (основанного через три года после выхода книги Корба) стало символом петровских преобразований. В книге Корба среди прекрасных гравюр имеется изображение созданного Петром I русского флота, дан список кораблей, приведены с целью прославления планы «правильных» укреплений Азова по последнему слову фортификации. Полный русский перевод этого богатейшего сведения «Дневника», выполненный с латинского А. И. Малейным, издан А. С. Сувориным в 1906 г.

Исследование «сказаний иностранцев о России» продолжается и теперь. Но если раньше оно сводилось к использованию отдельных фактов и опровержению необъективных сообщений (рецидивы чего встречаются еще и теперь), то сейчас стоит задача их культурологического и целостного изучения — по жанрам и характеру путешествий, в контексте идей и мнений европейской культуры. Необходимо учитывать конфессиональные предрассудки, столь сильные в послереформационную эпоху, влияние предшествовавших писателей, чтобы понять, каким образом и почему некоторые представления и анекдоты переходили из книги в книгу на протяжении двух столетий. Только тогда мы сможем верно оценить этот взгляд со стороны и извлечь зерно истины из сочинений иностранцев о России.

сеобщий историко-географический, хронологический, поэтико-филологический лексикон, содержащий историю всех времен, географию всех местностей, генеалогию главнейших родов, с приложением как древней, так и новейшей хронологии, а сверх того мифологию всех легенд, филологическое разъяснение всех встречающихся притом затруднений и многое другое, весьма

достойное знания — так, несколько тяжелою, но зато исчерпывающе раскрывая содержание, называется монументальный труд Иоганна Якоба Гофмана, изданный в Базеле триста лет назад (в 1677—1683 гг.). Эти четыре тома форматом в лист, вмещающие на 4070 страницах обилие разнообразных сведений, служили не одному поколению эрудитов, да и в наши дни не раз приходили на помощь исследователям. Картонные переплеты, плотно обтянутые кожей, надежно оберегали тома от повреждений. «Лексикон» поступил в университетскую библиотеку более ста пятидесяти лет назад в составе собрания книг Полоцкой коллегии иезуитов. Но значительно более ценной, нежели сами книги, оказалась «начинка» их переплетов.

Дело в том, что мастера переплетного искусства XVI—XVII вв. часто использовали в качестве материала для картона, шедшего на изготовление крышек переплета, листы устаревших, нераспроданных и пришедших в ветхость рукописей и книг. Благодаря этому в старинных переплетах порой сохранились и дошли до нас фрагменты редчайших изданий, рукописей и документов. Изучение переплетов, с целью обнаружения в них памятников древней письменности и печатного искусства, систематически проводится в отечественных и зарубежных книгохранилищах.

С внутренней стороны переплета Гофманова «Лексикона», сквозь наклеенный на него лист белой бумаги, просвечивали печатные строчки. Присмотревшись, можно было разглядеть текст, напечатанный крупным и красивым готическим шрифтом, а кое-где виднелись красные и синие заглавные буквы, сделанные от руки.

После консультации с крупнейшим отечественным книговедом, знатоком старопечатной книги Владимиром Сергеевичем Люблинским сомнений не осталось: на картон для переплета «Лексикона» пошли листы книги, напечатанной в XV столетии, — одного из первенцев книгопечатания. Когда переплеты были раскрыты (с последующей заменой прежнего картона новым), перед нами оказалось 68 листов и 26 небольших фрагментов листов старинного издания. Определить, какой именно

инкунабул находится перед исследователем, обычно позволяет анализ шрифта. Но на этот раз задача была облегчена: среди обнаруженных листов оказался последний лист с выходными данными. Текст гласил: «Напечатано Петером Шеффером из Гернсхейма, в благородном городе Майнце, изобретателе этого печатного искусства, в лето от воплощения господня тысяча четыреста восемьдесят четвертое, в десятый день ноября завершено». Шеффер был учеником и помощником Иоганна Гутенберга, великого изобретателя книгопечатания, он принимал участие в создании первых шрифтов, а после того как кредитор Фуст отсудил у Гутенберга оборудование его типографии, Петер Шеффер перешел к Фусту, став его зятем и компаньоном. Вторая в истории книгопечатания типография Фуста — Шеффера просуществовала до начала XVI в. и выпустила в свет более 280 изданий (затем дело продолжили сын и внук Шеффера). Характерна ссылка в выходных данных на город Майнц как на «изобретателя» печатного искусства: не желая, видимо, называть имя истинного изобретателя и не решаясь открыто присвоить честь изобретения себе, Шеффер предпочел отнести ее к славе города.

Найденные листы оказались фрагментами «Краковского миссала» — католического служебника, привлекающего внимание исследователей польской культуры. Всего пять его экземпляров хранится в польских библиотеках, по одному — в книжных собраниях Чехословакии, США и ФРГ. В Советском Союзе до недавнего времени был известен всего один неполный экземпляр, хранящийся в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Последний из дошедших до наших дней десятый экземпляр «Краковского миссала» занял почетное место в собрании инкунабулов Ленинградского университета.

Дальнейшие поиски в фондах отдела редких книг дали весьма существенные результаты. За последние годы из старинных переплетов было извлечено более 500 листов, принадлежащих изданиям 1479—1614 гг. Иногда это небольшие фрагменты, части листа, иногда большие (до 60 листов) части книг, а порой и полностью сохранившиеся редчайшие старинные издания. Работа по извлечению листов, весьма кропотливая, требующая большой тщательности, осторожности и высокого мастерства, проводилась опытными реставраторами Т. М. Субботиной, Р. В. Кандинской, И. П. Ивановой и А. П. Груздевой.

Какие же книги шли на изготовление переплетов? В первую очередь, разумеется, вышедшие из употребления, утратившие интерес для читателя. После изобретения книгопечатания часто использовались в качестве материала для переплета куски пергамента из старых богослужебных рукописей: замененные печатными книгами или отвергнутые в странах победившей Реформации, они нашли новое применение. Иногда это были кни-

ги, обветшавшие от времени, — так пошли на изготовление картона сборники проповедей XV в. Их обнаружили в переплетах юридических комментариев Паоло де Кастро, изданных в Лионе в 1543 г. Эти три объемистых фолианта были в 1854 г. подарены университетской библиотеке почетным гражданином В. А. Пивоваровым. Из их тисненых переплетов были извлечены 96 листов первопечатных изданий. Изучение шрифтов и сверка с другими изданиями XV в. позволили отождествить найденные фрагменты. Один из них оказался частью сборника проповедей известного богослова Иоганна Нидера (ум. в 1438 г.), напечатанного в Шпайере Петером Драхом в 1479 г.; другой — вышедшим из типографии страсбургского печатника Мартина Флаха изданием проповедей Петра де Палуде (ум. в 1342 г.). Таким образом удалось пополнить университетское собрание инкунабулов двумя значительными памятниками средневековой культуры и вместе с тем выдающимися образцами раннего книгопечатания. Оба издания, весьма редкие, отличаются великолепными шрифтами и выполненными от руки красными и синими инициалами; в них сохранились интересные читательские записи и пометы XV—XVI вв.

Многие виды печатной продукции устаревали вскоре после издания. Так обстояло дело с календарями, альманахами, сборниками астрологических предсказаний на определенный год. По прошествии некоторого времени они выходили из употребления и, естественно, попадали в руки переплетчиков. В старинных переплетах были обнаружены фрагменты астрологических предсказаний начала XVI столетия, два полных экземпляра календаря на 1608 год, составленного доктором медицины Николаем Эберхардом Винклером и напечатанного в Аугсбурге Валентином Шонигком. Характерно, что в нем дни праздников указываются сразу и по старому (юлианскому), и по новому (григорианскому) календарю: люди еще не привыкли к введеному за двадцать пять лет до того новому стилю. В этом же календаре приведены необходимые для потребителя этой книжной продукции — скорее всего, торговца — сведения о днях ярмарок в крупнейших немецких городах.

Вопреки распространенному мнению, наиболее редки не малотиражные издания (они, как правило, хорошо сохранились благодаря повышенной ценности, особому интересу коллекционеров), а книжки массового спроса, печатавшиеся большими тиражами, но быстрее всего и приходившие в негодность из-за активного чтения. Таковы буквари, учебники, молитвенники, поваренные книги, песенники и тому подобная литература повседневного обихода. Среди наших находок выделяется латинская грамматика Элия Доната. Это был самый популярный учебник на протяжении всего средневековья, и можно без преувеличения сказать, что началам латинской грамоты по Донату обучались все грамотные люди средневековой Европы. «Дона-

ты» начал печатать еще Гутенберг, а всего в первые десятилетия книгопечатания, до 1500 г., вышло в свет около 370 изданий этого популярнейшего учебника. Однако все они дошли до нас только в отрывках (это и понятно: вряд ли многие из читателей этого очерка могут похвастаться, что у них в домашней библиотеке хранится букварь, по которому они учились читать, а ведь в наши дни буквари издаются миллионными тиражами). Учебник Доната, обнаруженный в одном из старинных переплетов, — фрагмент лейпцигского издания 1516 г., очень редкого: характерно, что он не представлен в богатейших книжных собраниях, таких, как Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде или библиотека Британского музея в Лондоне; нет его и в библиотеке Лейпцигского университета. Лейпцигский «Донат» отпечатан крупным красивым шрифтом, на первой странице в красной рамке помещен герб города Лейпцига, а крупный гравированный инициал изображает сцену порки нерадивого ученика, что должно было служить наглядным предупреждением для тех, кто принимался изучать основы латинской грамоты.

Очень популярным в конце XV — начале XVI вв. было сочинение немецкого врача Бартоломея Мерлингера (или Метлингера) «О воспитании младенцев». Это было медицинское наставление об обращении с новорожденными и малолетними детьми, об их питании, лечении, об уходе за ними, и успех оно имело, пожалуй, не меньший, чем аналогичное сочинение доктора Спока в наши дни. Экземпляры его чрезвычайно редки, и находку одного, хотя и неполного, экземпляра в переплете издания 1574 г. нельзя не признать удачей.

В переплете конволюта, содержавшего две книги начала XVI в. — произведения античных авторов в парижских изданиях 1512 и 1514 гг., — была найдена целая библиотека: фрагменты одиннадцати книг того же времени. Состав ее, конечно, случайный, тем не менее он отражал круг чтения эпохи. Здесь оказался фрагмент популярного в эпоху Возрождения сочинения Цицерона «Об обязанностях»; философский трактат эпохи поздней античности, приписывавшийся по традиции Гермесу Триждывеликому (Трисмегисту); переведенный в XV в. с греческого на латинский язык крупнейшим философом итальянского квартученто основателем флорентийской Академии Платоновской Марсилио Фичино, трактат этот («О могуществе и мудрости бога») получил весьма широкое распространение, лег в основу многих философских построений XV—XVI вв. и был переиздан в Майнце в типографии сына Петера Шеффера — Иоганна Шеффера в 1503 г.

Здесь же находилась упомянутая выше грамматика Доната, отрывки из сборников астрологических предсказаний, из свода канонического (церковного) права — «Декреталий» папы Григория IX, трактатов по логике и грамматике, теологических

комментариев к «Сентенциям» средневекового богослова Петра Ломбардского, сборника сочинений римских авторов по военному искусству. Но наибольший интерес представляет поэма о музыке неустановленного автора: не установленного потому, что начало книги не сохранилось, осталось только шесть листов. Зато в последнем стихе (поэма написана латинским гекзаметром) зашифрован год написания поэмы. «В этом стихе ты узнаешь и год сочиненья поэмы», — писал автор, и по сумме входящих в эту строчку букв, являющихся римскими цифрами, составляется год: 1511-й. Сохранились и выходные данные: книга была напечатана 26 июля 1512 г. в Вене знаменитыми печатниками Иеронимом Виетором и Иоганном Сингрением, сыгравшими немалую роль и в истории книгопечатания в Польше. Только после опубликования описания фрагментов и воспроизведения последних страниц поэмы в «Каталоге палеотипов Научной библиотеки ЛГУ» с помощью зарубежных коллег удалось разрешить загадку этого фрагмента (в существующих библиографиях венских изданий XVI в. эта книга не значилась). Доктор Гидеон Борса из Государственной библиотеки им. Сечени (Будапешт) сообщил, что речь идет о поэме Венцеслава Филоматеса «Четыре книги о музыке» (полный экземпляр насчитывал 22 листа), а доктор Генрик Булгак, хранитель редких книг из Национальной библиотеки (Варшава), указал, что всего до настоящего времени было известно четыре экземпляра этого редчайшего издания, вызывающего большой интерес специалистов по истории музыки.

Интересен для истории типографского искусства и обнаруженный в том же переплете отдельный лист: на нем двухцветной красной и черной печатью оттиснуты набранные шрифтами разных размеров и красивого рисунка тексты главнейших католических молитв и, особо, крупным готическим шрифтом, латинская азбука. На обороте листа сделаны лишь красные оттиски инициалов — начальных букв. Это свидетельствует о применении техники печати в два проката, сперва красной, потом черной краской. Трудно сказать, что именно перед нами — незавершенный фрагмент молитвенника малого формата, каких множество издавалось в ту эпоху, пробный оттиск или образец возможностей искусства неизвестного печатника.

Три почти полных экземпляра книжек второй половины XVI в. — правда, к сожалению, без начальных и последних листов, что затрудняет их отождествление, были обнаружены в картонной «начинке» пергаменного переплета большого тома — полного собрания сочинений Аристотеля в лионском издании 1590 г.

Одна из них — снабженный превосходными иллюстрациями — гравюрами на дереве — «Малый катехизис» Мартина Лютера. Родоначальник немецкой Реформации принадлежал к числу наиболее часто издававшихся авторов XVI столетия; ко-

личество изданий его «Малого катехизиса» практически неисчислимо, но сохранились они — именно в силу популярности и массового спроса, широкого употребления в среде последователей лютеранства — весьма плохо. В нашем издании помимо гравюр, поясняющих каждое положение христианской молитвы и заповедей, имеются ноты к сочиненным Лютером песнопениям. До сих пор в университетском книгохранилище не было ни одного издания Лютерова катехизиса XVI в., да и в других отечественных и зарубежных библиотеках они встречаются довольно редко и представляют собой ценный источник для изучения истории Реформации, а также книжной, художественной и музыкальной культуры той эпохи.

Другой книгой, извлеченной из переплета сочинений Аристотеля в издании 1590 г., был сборник изречений, составленный великим нидерландским гуманистом Эразмом Роттердамским; книга завершается стихотворным посвящением «Антверпенскому учащемуся юношеству» — известно, что по книгам Эразма обучались в Западной и Центральной Европе изяществу латинского слога, что было неперемнным условием всякого образования вообще. Очевидно, книга была издана в Антверпене, имеется в ней и марка печатника (бьющий источник) с его инициалами (латинские «Т» и «В»).

Третья книжка из того же переплета труднее поддается отождествлению — это лютеранский полемический трактат, направленный против всех инаковерующих — католиков («лапистов»), кальвинистов и анабаптистов; напечатан он был в г. Урселе издателем Николаем Генрихом, конец последнего листа с датой выхода оказался оборван.

Многие из найденных фрагментов требуют дальнейших углубленных изысканий; среди них — разрозненные листы трактата о ведьмах и волшебстве, отрывки полемических сочинений и научных трактатов, молитвенников и поэтических произведений. Они важны не только для истории книгопечатания, но и для изучения судеб книг, истории чтения, читательского успеха и забвения книг.

КНИГИ, ИЗБЕЖАВШИЕ КОСТРА

нига поражала своим необычным видом. Она не имела титульного листа, и только на последней странице можно было прочитать, что напечатана она в марте 1576 г. Имя автора было густо вымарано перед началом каждой части (а их несколько, трактующих предметы тогдашнего университетского преподавания: грамматику ла-

тинского, греческого и французского языков, риторику, диалектику, арифметику, геометрию, физику и этику), во всех предисловиях и посвящениях, в предпосланных тексту посвячительных стихах; теми же черными густыми чернилами были замазаны имена всех адресатов и авторов посвящений и предисловий и даже указание города — места издания и имени печатника. Впрочем, последнее удалось установить легко: в конце книги имелась марка печатника-издателя Себастьяна Генрикпетри, работавшего в Базеле. Кое-где от времени на просвет выступили и зачеркнутые имена. Оказалось, что книга эта — курс, читанный в Королевском коллеже в Париже знаменитым реформатором науки Петром Рамусом (Пьером де ля Раме), павшим жертвой религиозного фанатизма на третий день после начала резни в Варфоломеевскую ночь 1572 г., по наущению одного из университетских коллег — противников и конкурентов. Жертвой религиозной цензуры и произвола оказались и сочинения Рамуса, занесенные в папский Индекс запрещенных книг; по этой же причине в книге были вымараны имена его друзей и коллег, в том числе Георга Иоахима Ретика, известного астронома, популяризатора идей Коперника. Место издания и имя печатника также были вычеркнуты: в Индекс были занесены и Себастьян Генрикпетри, и все издания, вышедшие в свет в еретическом Базеле.

Это одна из многих хранящихся в университетской библиотеке книг, избежавших костра, — занесенных в Индекс и подлежащих безоговорочному уничтожению. Хранение их, чтение, распространение навлекали на виновных кары «святой службы» — инквизиции.

Церковь всегда осуществляла строгую цензуру. Но после того информационного взрыва, к которому привело изобретение печатного станка, когда за несколько десятилетий XV в. было напечатано более 40 тыс. изданий общим тиражом свыше 12 млн. экземпляров, папство решило прибегнуть к мерам более решительным. «Мы охвачены ужасом, — писал в своей энциклике папа Григорий XVI, — видя, какими чудовищными учениями, сколь гнусными заблуждениями наводнены мы из-за этого потопа книг, коих плачевное извержение рассеяло мерзость по лицу земли».¹ Прекратить враждебный интересам католицизма поток информации должны были Индексы запрещенных книг, издававшиеся церковными и светскими властями и обобщенные в папском Индексе 1559 г., многократно и с дополнениями переиздававшимся вплоть до 50-х годов нашего столетия.

В Конгрегацию Индекса запрещенных книг входили образованнейшие и авторитетнейшие богословы римско-католической

¹ Cantù C. Gli eretici in Italia. Vol. I. Torino, 1864, p. 245.

церкви. От их бдительного внимания не ускользнуло, пожалуй, ни одно сколько-нибудь значительное имя и явление в культурной жизни эпохи: сочинения представителей враждебных католицизму реформационных течений, памятники прогрессивной философской и научной мысли, произведения художественной литературы, по тем или иным причинам сочтенные враждебными церковной ортодоксии. Требования запрета опасных сочинений подкреплялись целой системой контроля над книгоиздательством и книжной торговлей, над кругом чтения паствы, от университетских профессоров до рядовых прихожан. Чтение, хранение, не говоря уже об издании запрещенных книг жестоко преследовалось — вплоть до сожжения как самих книг, так и их авторов, издателей, а порой и читателей. Сам факт существования Индекса означал не только запрет и уничтожение внесенных в него изданий: он налагал оковы на мысль писателей и ученых. Опекаемые Конгрегацией Индекса и инквизицией, авторы и читатели не должны были знать многих произведений своих предшественников и современников, соотечественников и иноземцев. Важнейшие достижения человеческого ума оказывались недоступными, традиция прерывалась, рушились духовные связи католических стран с культурой остальной Европы. Угроза занесения в Индекс нависала над еще не написанными, а только задуманными книгами.

В отделе редких книг хранится экземпляр одного из сравнительно поздних изданий папского Индекса, вышедшего в Риме в 1704 г., с приплетенными к нему дополнительными выпусками вплоть до октября 1746 г. Принадлежавший когда-то библиотеке одного из литовских францисканских монастырей, он поступил в университетское собрание в составе книг известного историка Литвы и Западной Руси Юлиана Фомича Крачковского (1840—1903), подаренных в 1911 г. его сыном, известным арабистом Игнатием Юлиановичем Крачковским. Этот небольшого формата пухлый томик в 579 набранных мелким шрифтом страниц — подлинный мартиролог европейской мысли. В одних случаях составители ограничились перечислением имен с примечанием, что они числятся по первому разряду. Это означало, что все произведения данного автора подлежат безусловному запрету и уничтожению. В других случаях указана категория изданий: например, все выпущенные «еретиками» издания Библии, все книги, вышедшие в свет в «еретических» странах, все книги, отпечатанные в типографиях, принадлежащих «еретикам». По всем этим пунктам подлежала запрету книга Петра Рамуса, с которой мы начали наш рассказ. Наконец, заносились в Индекс и произведения, запрещенные «условно» — до исправления, и тем самым разрешалось их издание в искаженном цензурой виде.

Однако вопреки преследованиям, благодаря мужеству авторов, издателей и читателей книг, многие экземпляры пригово-

I N D E X
LIBRORUM
PROHIBITORUM
INNOC. XI. P. M.
IUSSU EDITUS

Usque ad Annum 1681.

*Eidem accedit in fine Appendicis
usque ad mensem Junij 1704.*

ROMÆ, Typis. Rev. Cam. Apost. 1704.

COM PRIVILEGIO.

Индекс запрещенных книг. Рим, 1704. Титульный лист.

ренных к сожжению изданий дошли до наших дней.

Задолго до появления Индекса церковные соборы наложили запрет на трактат «О разделении природы» Иоанна Скота Эриугены (IX в.), крупнейшего мыслителя раннего западно-европейского средневековья. Подтвержденный Индексом запрет воспрепятствовал изданию этой книги и после появления печатного станка. Но рукописная традиция донесла ее до позднейших времен, и в 1681 г. занесенный в Индекс запрещенных книг трактат «О разделении природы» увидел свет в Оксфорде, вне пределов досягаемости Конгрегации Индекса и инквизиции. Университетский экземпляр этого редкого издания в кожаном с золотым тиснением переплете XVIII в. происходит из библиотеки известного немецкого философа Артура Шопенгауэра, о чем свидетельствует его запись на форзацном листе: «Купил эту книгу на публичном аукционе в Лейпциге в ноябре 1850 г.; 2-я часть каталога, № 4670».

В Индекс были занесены все сочинения немецкого ученого XVI в. Генриха Корнелия Агриппы Неттсгеймского (1486—1535; с образом этого сложного мыслителя, сочетавшего резкую критику традиционного знания с интересом к «естественной магии», в которой он видел один из путей к достижению власти над природой, и выступавшего в то же время с рационалистических позиций против «охоты за ведьмами», русский читатель знаком по роману Валерия Брюсова «Огненный ангел»). В собрании ЛГУ представлены два издания этого автора — его книги «О недостоверности и суетности наук» и «О потаенной философии», вышедшие в свет в Кельне соответственно в 1531 и 1533 гг. Особенно интересно второе из этих изданий — с гравированным портретом автора на титульном листе, с владельческими записями и читательскими пометами.

За исключением Мартина Лютера, чей издательский и читательский успех был обусловлен его ролью вождя немецкой и европейской Реформации, не было в Европе XVI в. писателя более популярного и чаще издававшегося, чем Эразм Роттердамский (1467—1536), прославленный в веках не только знаменитой «Похвалой глупости», но множеством литературных, полемических, педагогических и ученых сочинений. Авторитет этого властителя дум первой половины XVI столетия был чрезвычайно велик и отражал его действительные заслуги перед европейской цивилизацией. Не ставший на сторону реформаторов (и за то ими решительно осужденный), отвергавший их религиозный фанатизм, Эразм своей критикой схоластической теологии, научным подходом к тексту Священного писания, осуждением пороков современного ему католицизма вызвал яростную ненависть хранителей церковной ортодоксии: все его сочинения, включая переводы и издания творений отцов церкви, древних авторов, книги с его предисловиями и комментариями были безусловно запрещены. Тем не менее множество прижиз-

ненных и посмертных изданий Эразма сохранилось.² Некоторые из них несут на себе явные следы инквизиционных преследований. Например, хранящееся в отделе редких книг сравнительно невинное сочинение «О составлении писем», важное руководство для эпохи, когда вся ученая переписка велась на латинском языке, в лионском издании Себастьяна Грифия 1543 г. Осторожный владделец книги выскоблил имя автора на титульном листе и вымарал его в начале текста, а также в колоннотулах каждой страницы; в предисловии тщательно зачеркнул фразу, содержащую обличение римских первосвященников, чей авторитет «больше содействует возбуждению войн между государями, чем их прекращению».

«Кинжалом, приставленным к горлу ученого» называл инквизицию итальянский гуманист Аонио Палеарио (1501—1570), на протяжении многих лет бывший жертвой постоянных доносов и преследований. «В наше время недостойно христианина умереть в своей постели», — пророчески писал он одному из друзей. Свой обличительный трактат «Деяние на римских первосвященников и их приспешников» он не решился опубликовать при жизни и переправил в Швейцарию с условием, что его издадут посмертно. Но другие сочинения, поэму, собрание речей и писем он издавал неоднократно; публикация в Базеле в 1566 г. сборника его сочинений обернулась для него трагедией. Издатель Томмазо Гварино, вопреки просьбам Палеарио, в рекламных целях указал на титульном листе, что книга «дополнена и просмотрена автором». «Удар нанесен! — писал ему Палеарио в начале 1567 г., получив экземпляр книги, уже поступившей к этому времени в продажу на Франкфуртской книжной ярмарке. — Инквизиторам дан повод для проверки книги и для клеветы. . . Блаженны вы там и несчастны мы здесь, для кого и ничтожные вещи приобретают такое значение, что и жизнь не мила. Мой Томмазо — прощай!» Вскоре старый профессор был вынужден предстать перед миланским инквизиционным трибуналом, был отправлен в Рим и казнен летом 1570 г. На его гибель римляне откликнулись пасквинатой — так называли сатирические обличительные стихотворения, по большей части анонимные, появлявшиеся возле одной из римских статуй, которую средневековые жители Рима прозвали именем Пасквино; это было трестишие, направленное против особенно жестокого к еретикам папы Пия V:

Как бы страшась зимы холодной,
Пий христиан сжигает как дрова:
Привыкнуть хочет к жару преисподней.

---

² Эразм Роттердамский был одним из первых европейских писателей, которому его соотечественники воздвигли — уже в XVII в. — памятник на площади его родного города; на этот памятник обратил внимание Петр I во время своего европейского путешествия.

В университетской библиотеке нет сборника сочинений Паллеарио 1566 г. (экземпляры этого редчайшего издания имеются в собраниях Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде и Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина в Москве); но зато у нас хранится изящно изданный том, содержащий все известные его сочинения, выпущенный в Амстердаме Генрихом Ветстением в 1696 г. Это самое полное и лучшее издание произведений гуманиста, сохранившее свое научное значение до наших дней. Папские Индексы запрещенных книг служили для издателей не зависящей от католического Рима Европы своеобразными рекомендательными списками.

В том же 1566 г. в том же Базеле издатель Генрикпетри выпустил в свет второе издание книги Николая Коперника «О вращениях небесных сфер», совершившей переворот не только в астрономии, но и в мировоззрении в целом. Второе издание не так ценится, как первое, вышедшее в свет в Нюрнберге в последние дни жизни великого польского ученого в 1543 г. Но оно полнее: к нему добавлено сочинение ученика Коперника — Георга Иоахима Ретика, содержавшее первое изложение коперниканства. Университетский экземпляр любопытен тем, что в нем неизвестный владелец книги указал, что авторство знаменитого анонимного предисловия, где гелиоцентрической картине мира приписывается лишь условное значение метода, облегчающего астрономические расчеты, не отражающего объективной реальности, принадлежит не Копернику, а лютеранскому богослову Андреасу Осияндеру. Книга Коперника в это время еще не была запрещена, но данное издание подходило под запрет по месту издания. Официальное осуждение коперниканства состоялось позднее, в 1616 г., когда после процесса Джордано Бруно стали очевидны опасные для традиционной католической теологии тенденции гелиоцентризма.

Смертный приговор Джордано Бруно сопровождался расправой и над его сочинениями; некоторые книги великого философа дошли до нас в одном-двух экземплярах (лучшее в СССР и одно из лучших в мире собраний первоизданий Бруно хранится в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина; это знаменитая коллекция А. С. Норова). В Научной библиотеке ЛГУ представлена первая из известных сейчас напечатанная Бруно книга — его философско-логический трактат «О теньях идей», вышедший в свет вскоре после его приезда в Париж в 1582 г. Это одно из относительно хорошо сохранившихся прижизненных изданий Бруно (во всем мире их насчитывается примерно 25 экземпляров), но и на ней неизвестный владелец прошлого века счел нужным пометить: «Крайне редка (см. всех библиографов)». А в конце книги сделаны приписки, содержащие названия двух других сочинений Джордано Бруно — диалогов «О героическом энтузиазме» и «Пир на пепле» с поясне-

нием: «Все эти диалоги посвящены движению Земли, откуда видно, что он придерживался мнения, что Земля движется». Запись, сделанная на итальянском языке еще в XVIII в., не совсем точна: в первом из названных диалогов речь идет не о космологии, а о проблемах теории познания и этики; но она свидетельствует о репутации итальянского мыслителя и о том, что именно в первую очередь вызывало интерес читателей в его сочинениях.

Книга Бруно поступила в университетское книжное собрание в составе библиотеки Н. Н. Страхова (1828—1896) — известного русского публициста, литературного критика и философа, после его смерти в 1896 г. Исследователей уже привлекла русская часть его огромного (12,5 тыс. томов) книжного собрания, важного для изучения истории отечественной культуры XIX в. Но не меньшее значение имеет и его коллекция редких зарубежных книг, в особенности выдающихся памятников философской мысли. В их числе произведения мыслителей классической древности, средних веков, эпохи Возрождения и Просвещения, инкунабулы и палеотипы, редкие издания сочинений Джованни Пико делла Мирандолы, Иоганна Рейхлина (также занесенного в папский Индекс), уже упомянутый трактат Генриха Корнелия Агриппы Неттсгеймского «О недостоверности и суетности наук», произведения Декарта, Вольтера, Канта, Фихте, Гегеля... Из его же библиотеки происходит и книга казненного в Тулузе в 1618 г. итальянского философа-атеиста Джулио Чезаре Ванини «Амфитеатр божественного провидения» (Лион, 1615). Книги Ванини уничтожались столь же ревностно, как и сочинения Бруно, однако интерес к ним читателей оказался сильнее инквизиционных преследований: по подсчетам исследователей, до наших дней в библиотеках мира сохранилось 127 экземпляров «Амфитеатра». Явление это не столь уж редкое в истории свободомыслия: книги, всячески поощрявшиеся властью имущими, порой исчезали, преданные забвению из-за отсутствия читательского интереса к ним, книги же гонимые бережно сохранялись единомышленниками, библиофилами, любителями книжных редкостей, а иногда даже и самими преследователями (а также в некоторых монастырских библиотеках, где комнаты для их хранения именовались адом).

Еще больший интерес представляет экземпляр знаменитого «Диалога» Галилео Галилея. Известно, что первое издание книги, вышедшей в свет в 1632 г. во Флоренции на итальянском языке, было запрещено после осуждения Галилея. Позднее, в 1635 г., сочинение опального ученого вышло в свет в Голландии в издании знаменитой фирмы Эльзевиров в переводе на латинский язык, что сделало идеи «Диалога» доступными всей ученой Европе. Участие Галилея в этом предприятии служит очевидным, а не легендарным. («А все-таки она вертится!») подтверждением его верности научной истине. Представленное

в собрании ЛГУ издание латинского перевода «Диалога» едва ли не более интересно. Дело в том, что оно вышло в свет в 1641 г., при жизни ученого, и не в кальвинистской, недоступной воздействию папского Рима, Голландии, а в католической Франции, в Лионе, на средства издателя Антуана Гюетана. Украшенное гравюрой, повторяющей сюжет фронтисписа первого, итальянского издания «Диалога» (с изображением беседующих о системе мира Птолемея, Аристотеля и Коперника), лионское издание отличалось от первого по своему составу. Поражает, что издатель демонстративно игнорирует постановление инквизиции по делу Галилея и в своем предисловии прославляет великого ученого, не выражая ни малейшего сомнения в его приверженности гелиоцентризму. Характерно, что книга сопровождается сведениями о цензурных разрешениях — заимствованных из первого издания, т. е. отмененных ко времени этого издания постановлением инквизиции и Конгрегации Индекса запрещенных книг. Более того, явно стремясь усилить позиции коперниканства, издатель включил в книгу два других сочинения. Одно из них — отрывок из работы Кеплера, написанной в поддержку учения Коперника, а второе — теологический трактат монаха Анджело Фоскарини, содержащий доказательства того, что гелиоцентризм совместим с текстами Священного писания. Сочинение Фоскарини было написано в 1615 г. и имело целью поддержать Галилея в его борьбе за официальное признание новой системы мира. Оно было немедленно в 1616 г. осуждено церковью — в одном постановлении с книгой Коперника. И здесь лионский издатель пользуется тем же приемом: приводит цензурное разрешение первого издания, делая вид, что он незнаком с запретом. Книга Галилея в издании 1641 г. — примечательный памятник борьбы идей, разгоревшейся после официального запрета гелиоцентрической картины мира.

Исследователей долго смущало наличие двух вполне одинаковых изданий книги философа Франческо Патрици «Новая философия Вселенной». У них были разные титульные листы; судя по одному, книга вышла в свет в Ферраре в 1591 г., судя по другому — в Венеции в 1593 г. В действительности это одно и то же издание. Просто феррарский издатель Бенедетто Маммарелли, узнав, что книга запрещена в Риме (за признание бесконечности Вселенной и иные еретические суждения), поспешил продать ее венецианскому издателю Роберто Мейетто, который и выпустил ее в продажу с новым титульным листом, указав при этом год издания, предшествующий запрету.

Запрещение книги Патрици сопровождалось немалыми унижениями для автора, хотя дело и не дошло до расправы над ним самим. Напрасно он предостерегал инквизиторов, что их нетерпимость может привести «в скором времени к упадку книжного дела, гибели наук и к язве полнейшего невеже-

ства». От него потребовали, чтобы он сам собрал все доступные ему экземпляры своей книги и доставил их в Конгрегацию Индекса для уничтожения. Только хитроумие издателей позволило им спасти часть тиража. На экземпляре с титульным листом 1593 г. (внутри текста имеется дополнительный титульный лист одной из частей «Новой философии Вселенной» с первоначальными выходными данными) сохранилась запись владельца: «Книга исключительной редкости».

В результате бдительности инквизиторов в Италии со второй половины XVI столетия не могли быть изданы произведения многих выдающихся писателей и мыслителей эпохи Возрождения. Под запретом оказалось самое имя великого политического мыслителя, историка и писателя, одного из титанов Возрождения, Никколо Макиавелли: много позднее, когда составители научного словаря итальянского языка приводили цитаты из его произведений, они вместо имени автора указывали его должность — «флорентийский секретарь» (т. е. секретарь канцелярии Флорентийской республики). В отделе редких книг имеются два издания полного собрания сочинений Макиавелли. На титульном листе с изображением портрета автора (отчего эти издания получили среди библиографов и любителей прозвание «издание с головкой») указан 1550 год и нет сведений ни о месте выхода, ни об имени издателя. На самом деле это два из пяти аналогичных изданий, выпущенных в начале XVII в. в Женеве издателем П. Обером.

Целых три титульных листа сохранилось у маленькой книжки на французском языке. На одном читаем — «Ключ святыни», на другом — «Любопытные размышления беспристрастного ума о предметах, наиболее важных для спасения, как личного, так и общественного», на третьем — «Трактат о суеверных церемониях евреев, как древних, так и современных». На всех трех титульных листах указан один год издания, 1678, но разные города (Лейден, Кельн, Амстердам) и разные имена издателей. На самом деле это знаменитый «Богословско-политический трактат» философа Б. Спинозы, содержащий историческую критику Библии, осужденный еврейской общиной и всеми христианскими церквями тогдашней Западной Европы и вышедший нелегально в Амстердаме у Яна Реувертса, действительно, в 1678 г. Французский перевод трактата Спинозы был выполнен Сен-Гленом и содержит авторские дополнения, отсутствовавшие в первом, латинском, издании книги. Полный, со всеми тремя титульными листами, экземпляр этого весьма редкого издания в тисненном марокеновом переплете XVIII в. поступил в библиотеку в составе коллекции ленинградского библиофила профессора А. Э. Гавалласа, подаренной университету его сыном в 1962 г.

«Святая церковь скорее согласится, чтобы на много лет прекратилось книгопечатание, чем допустит приумножение вред-

ных книг», — писал секретарь Конгрегации Индекса.³ Книгопечатание не прекратилось, хотя для ряда католических стран деятельность инквизиторов оказалась роковой, надолго задержав развитие наук и передовой философской и общественно-политической мысли. А книги, избежавшие костра, преодолев сопротивление врагов культуры, все же дошли до наших дней.

³ Rotondò A. Nuovi documenti per la storia dell'Indice dei libri proibiti. — Rinascimento, 2 ser., vol. 3. Firenze, 1963, p. 162—163.

ТРИ КНИГИ «РУССКОГО АМЕРИКАНЦА»

«Своим достоинством, своими трудами»

русским американцем именовал себя в подписях под иными из своих сочинений Федор Васильевич Каржавин (1745—1812) — один из замечательнейших русских людей XVIII столетия. Разносторонне образованный человек, неутомимый путешественник, просветитель, переводчик, автор популярных учебных пособий по французскому и немецкому языкам, комментатор трудов по истории, географии и архитектуре, торговец и аптекарь, архитекторский помощник и врач, он был первым русским, побывавшим на Кубе и на Мартинике, был очевидцем и участником Войны за независимость — американской революции.

Ф. В. Каржавин родился в Москве, в купеческой старообрядческой семье. В доме его отца находилась тайная молельня. Среда приверженцев «древлего благочестия» не могла не воспитать в юном Каржавине глубочайшего почтения к книге, но она не сумела замкнуть его кругозор традицией дониконовского православия. Отец его и дядя скоро порвали со старообрядчеством; Василий Каржавин стал богатым купцом в Петербурге и, занявшись широкой торговлей с границей, отправил своего младшего брата Ерофея в Польшу, Германию, а потом и в Лондон для изучения иностранных языков и налаживания связей с иноземными коммерсантами. Ценивший просвещение купец решил дать серьезное образование и своему сыну — явление, не частое в те времена не только в купеческой, но и в дворянской среде. Отец, сообщает Федор Каржавин в одной из своих автобиографических записок, «начал учить меня сам на шестом году российской и латинской грамоте, также географии, и вродил во мне охоту к наукам, вследствие чего в 1752 г. он повез меня с собою через Пруссию в Данциг, а оттуда в Лондон, из которого города переслал меня в Париж».

Десятилетний Каржавин начал учиться в одном из коллед-

жей Парижского университета, где и закончил успешно курс наук, сочетая обучение со службой при российском посольстве во Франции. По возвращении на родину он служил преподавателем французского языка в духовной семинарии при Троице-Сергиевой лавре. В дальнейшем благодаря близкой дружбе с великим архитектором Василием Ивановичем Баженовым он становится архитектурским помощником в ведомстве Кремлевской экспедиции, занимается переводами сочинений по архитектуре. Однако грандиозным строительным планам Баженова не суждено было осуществиться, и вскоре оказавшемуся не у дел Каржавину пришлось решать вопрос о выборе дальнейшего пути.

Он идет на резкий разрыв с отцом, требовавшим от него возвращения к купеческим занятиям и, несмотря на сопротивление отца, отправляется, пользуясь покровительством семьи Демидовых, в странствия, затянувшиеся более чем на полтора десятилетия. В своем кратком жизнеописании, помещенном в учебнике русского языка для французов в качестве учебного текста, он подчеркивал, что судьба связала его со многими городами, носящими имя святого Петра: «Родился в Петербурге в России... бывал в Петербурге Виргинском... служил в городе святого Петра Мартиникском в должности переводчика королевского...» Кроме этих городов в его записках встречаем упоминания Парижа и Амстердама, Филадельфии и Бостона, «Нового Йорка» и Гаваны. И повсюду он «докторствовал и купечествовал», собирал местные травы и составлял лекарства, изучал природу, быт и нравы далеких стран, нигде не оставаясь чуждым и равнодушным наблюдателем. С грузом оружия и медикаментов, с секретными дипломатическими посланиями в самые тяжелые годы Войны за независимость Каржавин несколько раз пересекает восставшие против англичан североамериканские колонии. Там, по его словам, он до двадцати раз рисковал жизнью, побывал в плену у англичан, «объехал три четверти света... прошел сквозь огонь, воду и землю» и всюду смотрел на мир «российскими, то есть острыми и примечательными глазами».

О своих богатых впечатлениях он рассказал в письмах, в статьях, публиковавшихся в журналах просветителя Николая Ивановича Новикова, в примечаниях к переведенным им книгам о путешествиях. Сторонник американской революции, он не закрывал глаза на пороки общественного строя новой североамериканской республики и с гневом писал об угнетении «разноцветных» рабов как в Соединенных Штатах, так и в испанских, английских, французских колониях Западного полушария. Где бы ни был Федор Каржавин, он оставался страстным патриотом своего отечества, которому стремился приносить всемерную пользу. Не только расизм, но и всякое националистическое чванство были ему чужды и враждебны. «Двенадцать лет я вы-

жил в разных областях как холодная, так и теплая Америки, — писал он, — был всего 28 лет вне отечества; следовательно, довольно поездил, правда, не по белому свету, хотя его так и называют, однако и не по черному, но по простому, каков он есть, и везде старался увидеть диких людей и немцев, однако все мои старания были тщетны; множество народов я видел, которые не так живут как мы, не так, как прочие европцы, видел я людей разумных, видел и глупых, везде я нашел человека, но дикого нигде, и признаюсь, что дичее себя не находил.

«Исполненный русским неунывающим духом», Каржавин после долгих скитаний в 1788 г. через Париж возвращается на родину, полный стремления приносить пользу на ученой или государственной службе. Однако, человек незнатного происхождения, небогатый (вокруг небольшой доставшейся ему доли отцовского наследства родственники устроили многолетнюю и изнурительную судебную тяжбу; не имея своего угла, Каржавин вынужден был жить у своих прежних учеников, сохранивших на многие годы привязанность к учителю), без чинов и к тому же не отличавшийся покладистым нравом («Господин Каржавин был очень горяч, он все напрямик говаривал», — писал о нем один из близко знавших его современников), он не мог рассчитывать на успешную официальную карьеру.

«Я считаю себя не меньше Христофора Колумба, — гордо заявлял Федор Васильевич Каржавин, — различие только то, что он имел милость от своего государя, я же не имею ни от кого и не желаю иметь... Пусть ищут милости те, кто того недостойны, я же заслужил своим достоинством, своими трудами, своею наукою».

Только в 1797 г. старый друг Ф. Каржавина В. И. Баженов выхлопотал ему место переводчика в Коллегии иностранных дел. Каржавин много и неутомимо работает, пишет, переводит, издает учебники, по которым российское юношество обучалось иностранным языкам еще четверть века после его смерти (последнее издание вышло в свет в 1837 г.).

В конце жизни Ф. В. Каржавин был заподозрен в составлении и распространении подметных писем, содержащих критику правительственной политики и предупреждавших императора Александра о грозящем России наполеоновском нашествии, — только скоропостижная смерть 28 марта 1812 г. избавила его от полицейских преследований.

Библиотека Ф. В. Каржавина

С детских лет, когда началось его образование, Федора Каржавина повсюду сопровождали книги. За многие годы им была собрана огромная библиотека. В нее входили книги на русском, латинском, греческом, французском, итальянском, а возможно,

и на испанском и английском языках, которыми он владел в совершенстве. Это было одно из богатейших и интереснейших русских книжных собраний XVIII столетия. В нем были книги начиная с XV в., в том числе много редчайших и любопытных изданий, хранившихся владельцем библиотеки не ради их старины и редкости, но прежде всего ради их содержания. Каржавин был вдумчивым и глубоким читателем: на книгах его библиотеки сохранилось множество пометок, записей, приписок владельца, свидетельствующих всякий раз о творческом, внимательном и критическом чтении.

Судьба библиотеки Ф. В. Каржавина сложилась весьма не просто. После смерти владельца она была приобретена Александром Сулакадзевым — интереснейшим русским библиофилом первой трети XIX в. Страстный любитель книг, собиратель отечественной старины, Сулакадзев вошел в историю и как знаменитый мистификатор. Его подделки старинных русских рукописей, ложные приписки к древним кодексам хорошо известны историкам. При этом мистификатором он был вполне бескорыстным и увлеченным, скорее всего, он шел на подделки из «любви к искусству» и для того, чтобы увеличить ценность своего книжного и рукописного собрания в собственных глазах. Это ему, в частности, принадлежит известная фальшивка, дожившая, к сожалению, буквально до наших дней. Из одной популярной статьи в другую переходит легенда о мифическом «дьяке Крякутном», летавшем на сделанных им крыльях. Между тем запись о дьяке Крякутном была подделана А. Сулакадзевым (причем подделана дважды: сперва он приписал этот полет какому-то немцу «Фурвину», а потом выскоблил прежнюю запись, чтобы заменить имя). Подделка эта давным-давно разоблачена специалистами, в частности, с помощью графологической экспертизы и специальной фотосъемки, а созданная им легенда вот уже более полутора столетий смущает легковерных любителей сенсаций.

После смерти А. Сулакадзева в 1830 г. библиотека его, вошедшая в себя книги Ф. В. Каржавина, долгие годы пролежала, дожидаясь покупателя, потом попала в руки перекупщика, сбывшего часть ее по дешевке в бумажную лавку. Важные части ее были приобретены известными библиофилами прошлого века Я. Ф. Березиным-Ширяевым и профессором Н. П. Дуровым, составившим одно из первых жизнеописаний Каржавина. К сожалению, и эти библиотеки после смерти владельцев были разрознены, и теперь остатки книжного собрания Каржавина встречаются почти во всех крупных книжных собраниях Москвы и Ленинграда, а отдельные экземпляры его книг обнаруживаются даже за рубежом. По этим фрагментам, а также по разрозненным частям его архива изучают библиотеку Каржавина книговеды.

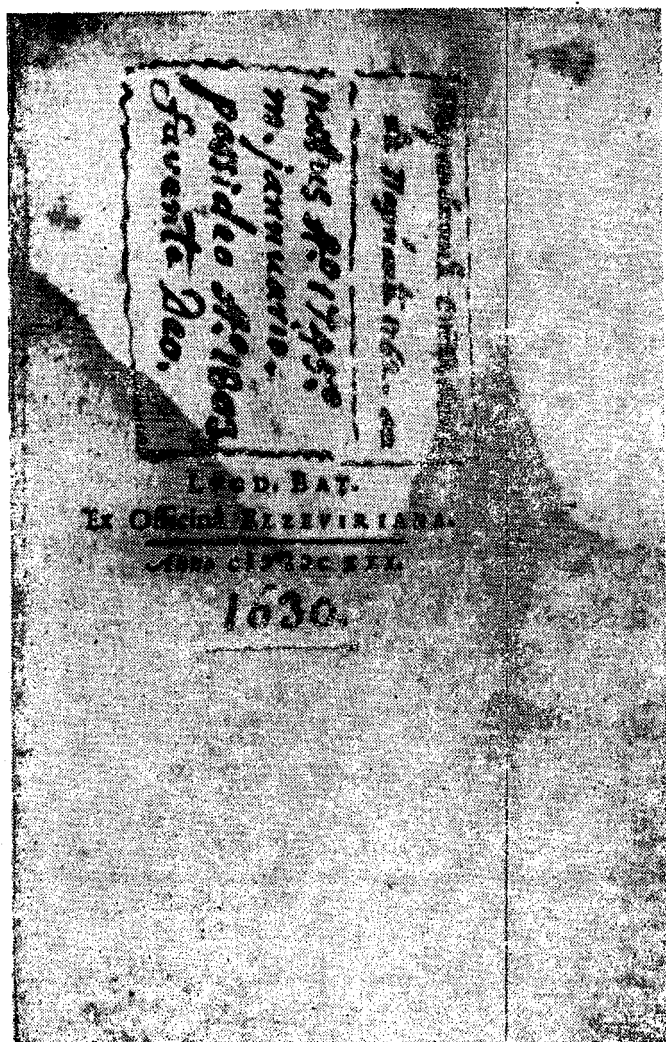
Новые находки

Три книги из библиотеки Федора Каржавина были обнаружены недавно в фондах книжного собрания Ленинградского университета. Всего три книги, но и они дают немало ценного для выяснения судьбы библиотеки, обстоятельств биографии и взглядов ее владельца.

До сих пор, как отмечали исследователи, нам ничего не было известно о ранней части библиотеки Каржавина, которую он начал собирать будучи студентом в Париже. Тем большую ценность представляет приобретенная недавно в букинистическом магазине книга «Государство, или Состояние королевства Шотландии и Ирландии, различных авторов», выпущенная голландской фирмой Эльзевиров в Лейдене в 1630 г. Это издание и само по себе представляет значительный историко-культурный интерес, но на последнем листе книги сохранились еще и две записи ее владельца. Первая по-русски: «Каржавин студент в Париже, 1762». Федору Каржавину было тогда 17 лет; книга эта была при нем многие годы, и сорок один год спустя он сделал новую запись, на этот раз по-латыни: «Родился в 1745 г., в месяце январе, владсю (этой книгой. — А. Г.) с божьей помощью в 1803 году». Судя по номеру, написанному в книге красными чернилами, впоследствии она принадлежала А. Сулакадзеву.

Из книжного собрания Сулакадзева происходит и другая книга, когда-то входившая в состав библиотеки Каржавина. Это известное сочинение священника Андрея Журавлева «Полное историческое известие о старообрядцах, их учении, делах и разногласиях, собранное из потаенных старообрядческих преданий, записей и писем», выпущенное в Петербурге в Синодальной типографии в 1794 г.; параллельный французский перевод заглавия книги был сделан Каржавиным на форзацном листе с добавлением сведений об авторе книги, «который сам был одним из членов этих сообществ еретиков». Не случаен интерес Каржавина к книге, направленной против бывших единоверцев его отца; характерно и добавление: книга Журавлева, как и всякое сочинение повообращенного ренегата, изобилует фантастическими измышлениями и прямо клеветническими обвинениями, с помощью которых вчерашний старовер рассчитывал заслужить благоволение церковных властей. Экземпляр этот интересен и многочисленными дополнительными записями и рисунками на полях. Авторство их еще предстоит уточнить, но несомненно большая их часть принадлежит А. Сулакадзеву, перечислившему другие ценные книги своей библиотеки и давшему любопытные сведения о старообрядческих скитах и хранившихся в них редких книгах и рукописях.

Наиболее ценная из обнаруженных в библиотеке ЛГУ книг Ф. В. Каржавина — составленные его дядей Ерофеем и допол-

Записи Ф. Каржавина на книге: Государство Шотландия. Лейден, 1630.

REMARQUES

SUR LA LANGUE

RUSSE

ET SUR

SON ALPHABET.

Avec des Pièces relatives à la connoissance
de cette Langue.

PUBLIÉES ET AUGMENTÉES

Par PHÉODORE KARJAVINE, ancien Interprete
pour le Roi à la Martinique.

A SAINT-PETERSBOURG.

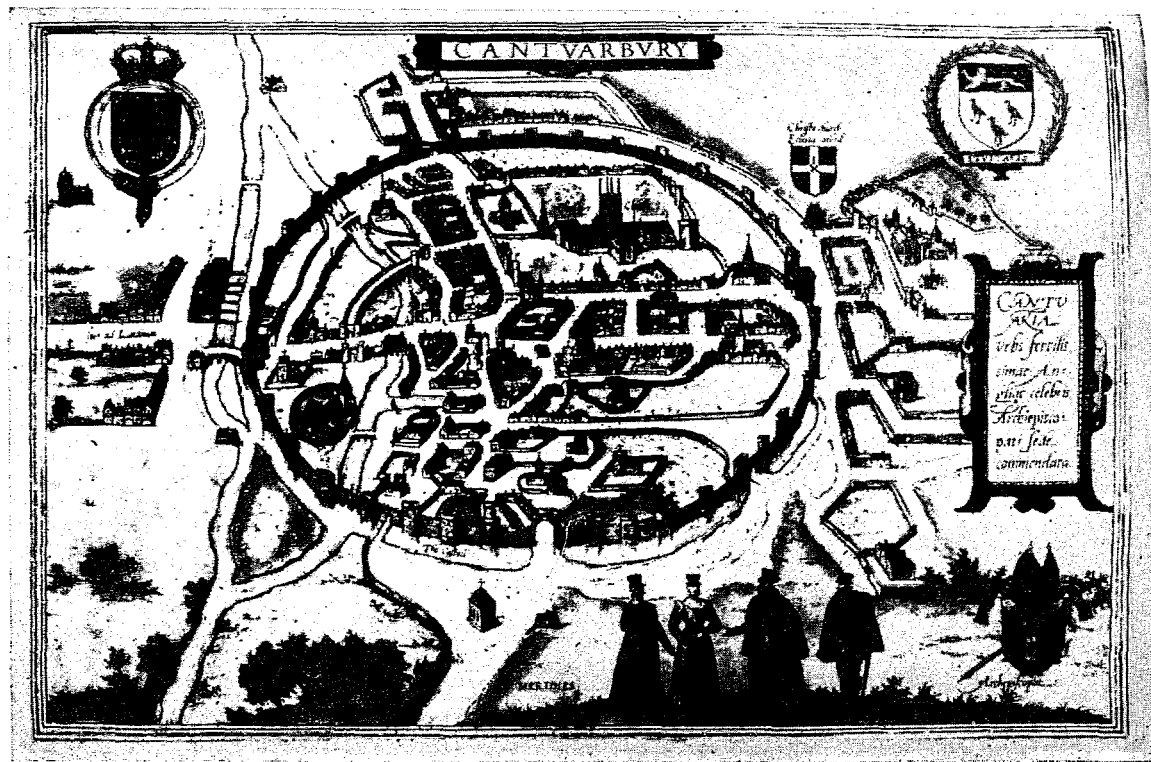
1791.

ненные и изданные самим Федором Васильевичем «Примечания о русском языке и его алфавите с текстами, относящимися к познанию сего языка, изданные и дополненные Федором Каржавиным, бывшим королевским переводчиком на Мартинике. В Санкт-Петербурге, 1791».

Книга эта была предназначена для обучения французов русскому языку. Она была обнаружена в связи с участием отдела редких книг в работе по подготовке Сводного каталога книг на иностранных языках, напечатанных в России в XVIII в. Этот экземпляр особенно примечателен: он принадлежал самому автору-издателю Каржавину. На внутренней стороне верхней крышки переплета сохранилась его запись: «От сочинителя или издателя Ф-а К-а. Сия книжка сделана для иностранных людей, особливо французов, еще в 1755-м году, которые считали нас безграмотными скотами в то время. А я был уже в Париже в 1753-году, 7-милетний. Федор Каржавин».

Еще интереснее другая запись Каржавина в этой книге. Она раскрывает историю его отношений с печатником Горного училища французом Тома. Дело в том, что Тома только начал печатать «Примечания», потом уехал в Париж за шрифтами и пропал, задолжав деньги и казне, и самому Федору Васильевичу. Печатание книги завершил петербургский печатник Шнор, и только в одном неполном экземпляре И. М. Полонская обнаружила упоминания о Тома, замененные в окончательном тексте похвалами Шнору. Об отношениях Каржавина с Тома было высказано немало предположений: считали, что Тома занимался в Париже революционной деятельностью и что, дескать, этим объясняются некоторые осуждающие (как считали, для видимости, из цензурных соображений) намеки на него в переписке Каржавина с женой, находившейся в то время в Париже. Предполагалось, что таким образом Каржавин стремился скрыть свои связи с французскими революционерами. Между тем в одном из писем Каржавин писал: «Здесь говорят, что Тома продает брошюры на улицах Парижа и что он скоро дождетя того, что его повесят, если он не изменит профессию». Письмо это датировано апрелем 1791 г.: в это время в Париже повесить могли скорее за деятельность, враждебную революции. Обнаруженная в экземпляре «Примечаний» запись Каржавина позволяет окончательно выяснить вопрос о деятельности в Париже бывшего печатника Горного училища, а заодно об отношении Каржавина не только к Тома, но и к событиям Французской революции.

Вот ее текст: «Г-н Тома, французский типографчик в Горном училище, печатал сии Примечания в 1791-м годе; потом от казны для казенных покупок послан в Париж. Но там все промотал, сидел в тюрьме, выпущен: и против тогдашнего революционного правительства анархического стал печатать в горнице своей поджигательные листы; за что и кончил жизнь свою на фонарном столбе в Париже, ибо противная партия его лантер-

Г. Браун. Атлас городов, т. 4. Нюрнберг, 1594. План города Кентербери.

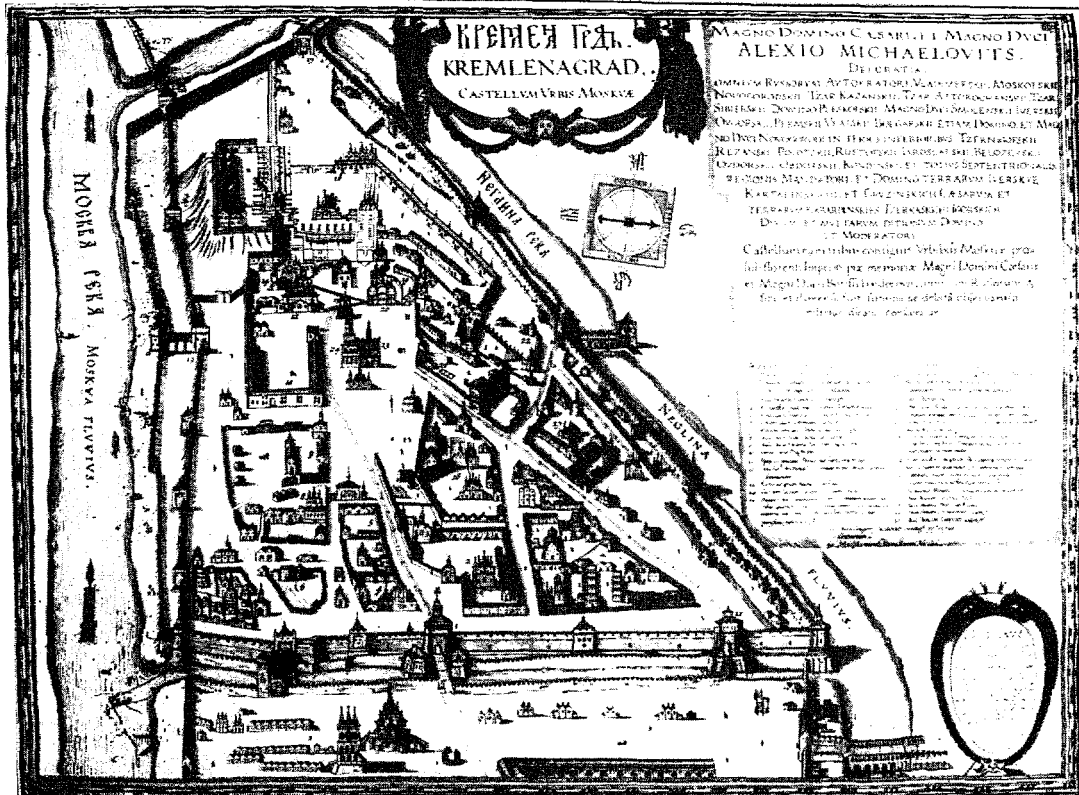
«Старинные атласы и космографии».

Г. Меркатор. Атлас. Амстердам, 1630. Фронтиспис.

«Старинные атласы и космографии».

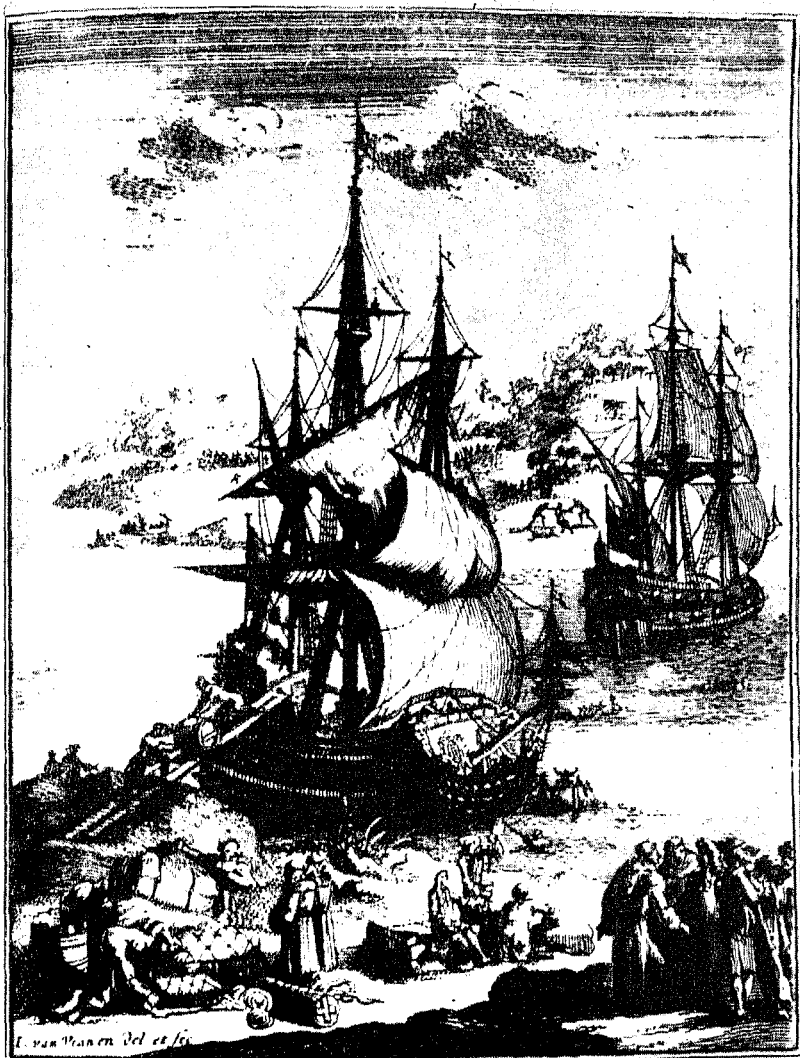
И. Блеу. Большой атлас. Амстердам, 1664. План Московского Кремля.

«Старинные атласы и космографии».

Б. Брейденбах. Путешествие в Святую землю. Майнц, 1486. Изображение сирийцев-христиан.

«Описания путешествий XV—XVIII вв.»

Ongeſluckige voorvallen van de Heer de la Salle . pag 8

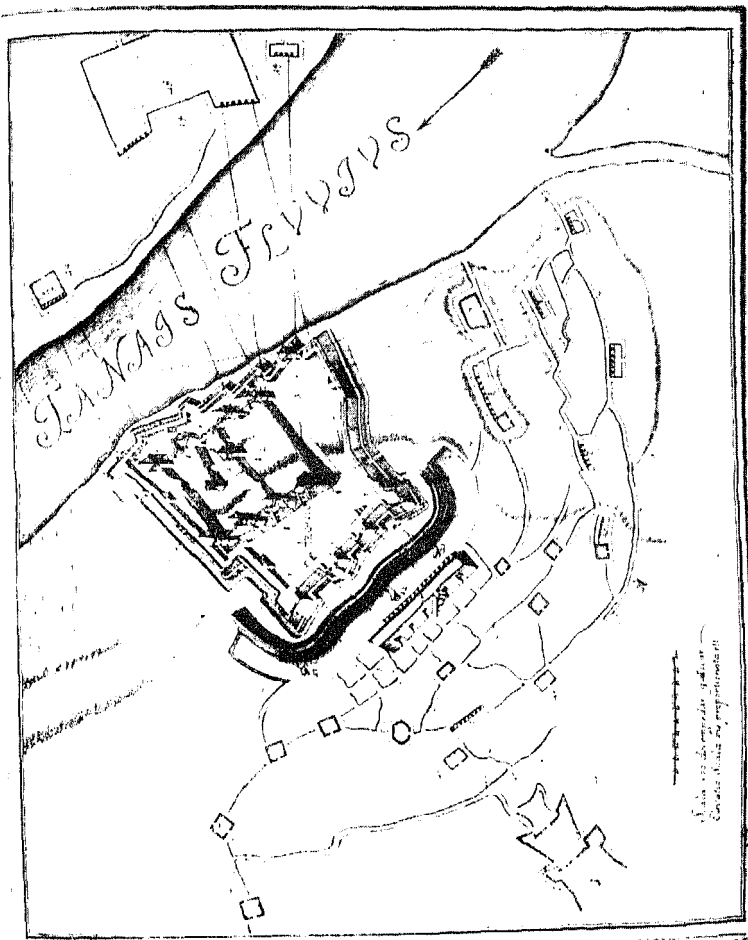
Л. Аннен. Новое описание путешествия по многим странам, гораздо более обширным, чем вся Европа. Бремен, 1698. Иллюстрация к одному из эпизодов путешествия Ла-Салля.

«Описания путешествий XV—XVIII вв.»

А. Олсари. Описание путешествия в Московию... Шлезвиг, 1671.
Виды городов Твери и Торжка.

«Книги о России XVI—XVII вв.»

И. Г. Корб. Дневник путешествия в Московию. Вена, 1700. План осады Азова.

«Книги о России XVI—XVII вв.»

Artis ora-

tiōis q̄t sūt. Otto
q̄ nomē prouomē
ōbū aduerbū p̄ti-
cipiū diūctio p̄po-
sitiō infiectio. No-

mē q̄b̄ p̄loratiōis cū casu corp̄ aut rē
pp̄rie d̄mūterue significās. pp̄rie ut ro-
ma tiberi d̄mūit ut urbs flumē. No-
mini q̄t accidūt sex. q̄. Qualitas cōpa-
tio gen̄ nūer̄ figura casus Qualitas
nōminis q̄ est b̄iptita est. Quō aut em̄
uni nomē est ⁊ pp̄rium dicit̄. aut mul-
toret est appellatiū. Cōpaciōis gra-
d̄ q̄t sūt. tres. Qui Positiū ut doct̄
Cōpatū ut doctior. Suplatiū ut do-
ctissim̄ Que noīa d̄parant̄. appellati

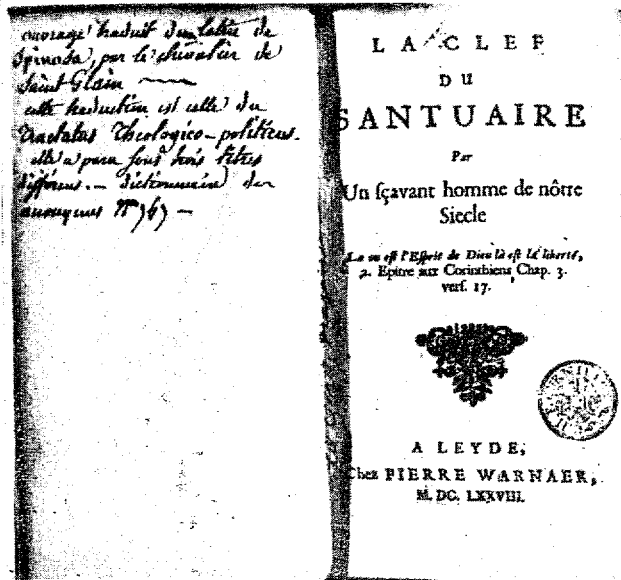

**Diese Figur ist genommen/
auf dem Buch Josue am VII,
Capitel.**

Welches

М. Лютер. Малый катехизис. Сер. XVI в. Лист 17 об.
«Находки в старинных переплетях».

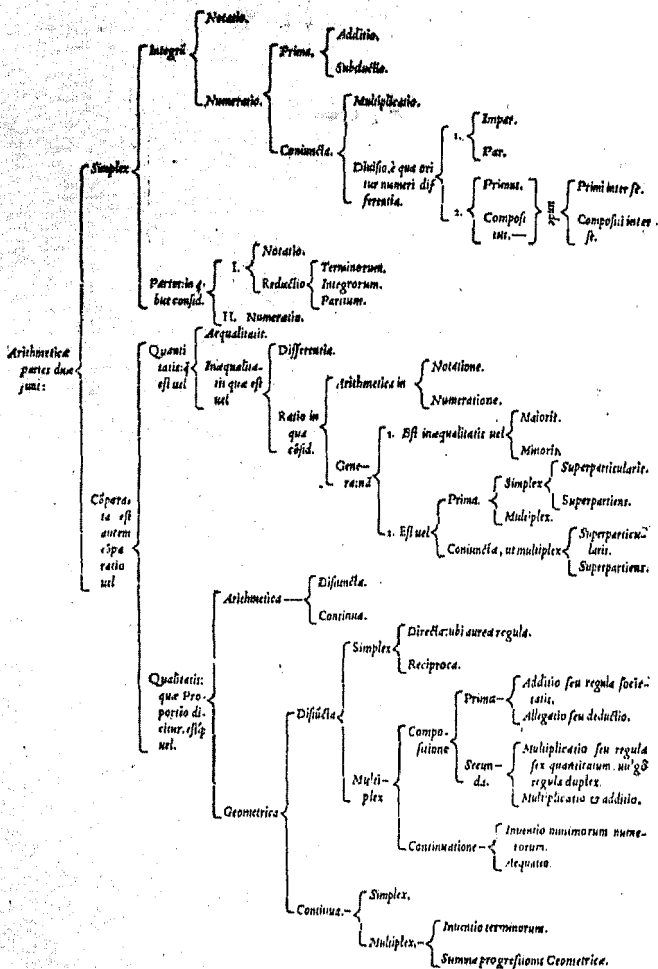

Б. Спиноза. Богословско-политический трактат. Амстер-
дам, 1678. Один из трех ложных титульных листов.
«Книги, избежавшие костра».

P. [REDACTED] ARITHMETICÆ.

Typus Generalis.

De Add.

П. Рамус. Королевский курс семи свободных искусств. Базель, 1576. Страница 119. В колофоне вымарано имя автора.

«Книги, избежавшие костра».

отв. Сошинуголя иви
вожатова ф. р.

№.

се инициалы утлана ула
иностранныхъ людей
особливо французовъ, еще
въ 1755. году, иоторыя цитави
наде безграмотными
считали въ то время,
а а бива ула въ парижѣ
въ 1753. году, т. л. вттии.

Его. Каржавинъ.

1го июля 1810. года

Автобиографическая записка Ф. Каржавина в книге Е. Каржавина
«Примечания о русском языке».

«Три книги „русского американца“».

России

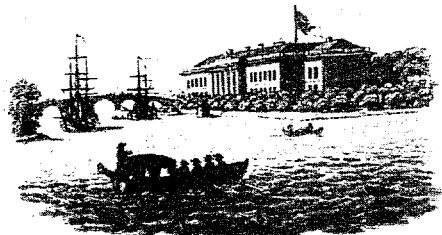
М. Томас, французский типограф
жил в городе уршице, печатал
свои примечания в 1791. В то время
в названии для казенных покупок,
послана в Париж. Но там в
все пролетариат, судья в тюрьме,
вспущен, и против тогдашнего
революционного правительства
анархическое стало печатать
в уршице своей типографической
месте, за это и кончилась
жизнь свою на фонарном
столбе в Париже, ибо
противная партия, его
лаптепризировава по званью

Ф. К.

Запись Ф. Каржавина о печатнике Тома в книге
Е. Каржавина «Примечания о русском языке».

«Три книги „русского американца“».

НЕВСКИЙ АЛЬМАНАХ
 1827.
 ЦЕНЗУРА

Из С. Писемных

С. Писемных

Невский альманах на 1827 г. СПб., 1826. Фронтиспис.
 «Альманахи пушкинской поры».

Губернское издание.
 Н. Бурлачевский.
ПОВѢСТИ
 1846 27 сентября 1851,
 ТЮКОЙНАГО

ИВАНА ПЕТРОВИЧА БЕЛКИНА

ИЗДАНЫМ

А. П.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА

То, мой башошка, онъ еще съюмала
 къ испоримъ охотникъ.
 СЕТИИВЪ.

Минутная по мне.

История.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

Печатаю въ Типографіи Плюшара.

1831.

А. С. Пушкин. Повести Белкина. СПб., 1831. Цензур-
 ный экземпляр. Титульный лист.
 «Прижизненные издания Пушкина».

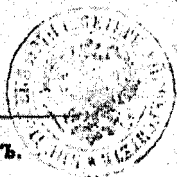
С. С. Пушкин

Владимир Смирнов

**РОМАНЫ
И
ПОВѢСТИ**

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

ЧАСТЬ I.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНО ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. ГРЕЧА.

1837.

А. С. Пушкин. Романы и повести. СПб., 1837. Единственный сохранившийся (цензурный) экземпляр. Титульный лист.

«Прижизненные издания Пушкина».

LE CAPITAL

PAR

KARL MARX

TRADUCTION DE M. J. ROY, ENTIEREMENT REVUEE PAR L'AUTEUR

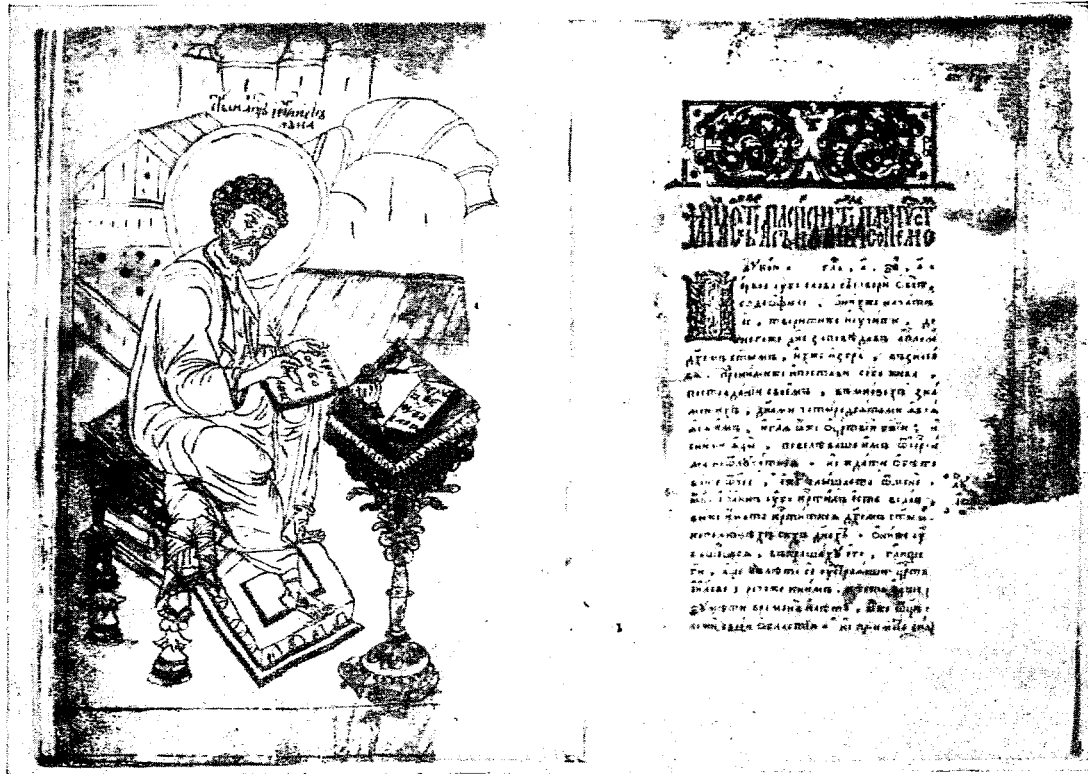
PARIS

ÉDITEURS, MAURICE LACHATRE ET CIE

38 BOULEVARD DE STRASBOURG, 38

К. Маркс. Капитал. Париж, 1875. Фронтиспис.

«Три издания „Капитала“...»

Новый Завет с Псалтирью. Острог, издание Ивана Федорова, 1580. Миниатюра и начало текста «Апостола».

«Неотчуждаемая ценность».

низировала (вздернула на фонарь. — А. Г.) по делам. Ф. К.»

Деятельность Ф. В. Каржавина плодотворно исследовали историки и филологи, географы и книговеды, однако многое еще остается выяснить и уточнить. До сих пор еще не составлен полный и достоверный свод его произведений, некоторые его произведения (в частности, напечатанные, по его словам, в Новом Свете, в Виргинии и в Гаване) еще не обнаружены. Состав его библиотеки уточняется по крупницам, но когда эта работа, успешно проводимая, в частности, С. В. Долговой в библиотеке Центрального государственного архива древних актов и И. М. Полонской в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина, будет завершена, перед нами предстанет в полном составе замечательное книжное собрание выдающегося русского просветителя XVIII в. Федора Васильевича Каржавина.

АЛЬМАНАХИ ПУШКИНСКОЙ ПОРЫ

Альманах — слово арабского происхождения. Так назывались в Западной Европе ежегодные астрономические таблицы и календари. Постепенно в них добавляли различные сведения. В XVIII в. уже бытовали почтовые, придворные, коммерческие и, наконец, литературные альманахи (обычно они выпускались в начале года). По примеру французских «календарей муз» и немецких «кар-

маных книжек» этот тип художественных изданий появился в XVIII в. и в России. Но подлинно литературным событием, по мнению критиков первой половины XIX в., стали изданные Н. М. Карамзиным в 90-х годах XVIII в. альманахи «Аглая» и «Аониды». Выпуски «Аонид» открывают университетскую коллекцию русских альманахов пушкинского времени.

Здесь собрано более ста различающихся по тематике и оформлению книжек, по которым можно получить представление об «альманачном периоде» (В. Г. Белинский) русской литературы. В отличие от иностранных альманахов, являвшихся в то время обычной, даже второсортной, издательской продукцией, русские альманахи 20-х годов XIX в. составили целую эпоху в культурной жизни России. А. С. Пушкин в заметках об альманаче «Северная лира» писал в 1827 г.: «Альманахи сделались представителями нашей словесности. По ним со временем станут судить о ее движении и успехах».¹

Начало этому периоду положил выпущенный в 1823 г. знаменитый альманач А. А. Бестужева и К. Ф. Рылеева «Полярная

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 10-ти т. 4-е изд. Т. 7. Л., 1978, с. 35.

звезда». Успех его был ошеломляющий — в несколько недель тираж разошелся. Такого не было со времени выхода «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина.

Уже первая книжка «Полярной звезды» — не простое, как было прежде, собрание произведений разных авторов; в ней заявило о себе новое литературное направление, а сам ее состав и построение предопределили тип альманаха 20-х годов. Открывался альманах статьей Александра Бестужева «Взгляд на старую и новую словесность в России», затем шли прозаические и стихотворные произведения лучших русских авторов. Вокруг альманахов разгорелась полемика в журналах и, что важнее, в самих альманахах. Обсуждались не только литературные, но и художественные достоинства: изящество оформления, качество бумаги, четкость шрифта, наличие гравированных виньеток и картинок, авторами которых были часто знаменитые тогда в России мастера. (Если сравнить все три книжки «Полярной звезды», то можно заметить, что первая несколько больше по формату, чем вышедшие на 1824 и 1825 гг. Издатели вняли критикам, писавшим, что формат «Полярной звезды» на 1823 г. слишком велик для карманной книжки.)

Лучшими альманахами этого времени после «Полярной звезды» были «Мнемозина» (1824—1825) А. И. Одоевского и В. К. Кюхельбекера, «Северные цветы» (1825—1832) А. А. Дельвига и А. С. Пушкина, «Денница» (1830—1834) М. А. Максимовича. Прекрасным оформлением славился «Невский альманах» (1825—1833) Е. В. Аладына. В 1829 г. в нем были помещены первые иллюстрации к «Евгению Онегину», среди них гравюры, изображающие Татьяну, пишущую письмо, и Пушкина с Онегиным, на которые поэт откликнулся известными эпиграммами.

В исследованиях Н. П. Смирнова-Сокольского, Я. Л. Левкович, В. Э. Вацура подробно изложена история важнейших собственно литературных альманахов. Однако тематический репертуар альманахов был значительно шире. Среди них — театральные альманахи — «Букет» (1829) с прекрасным гравированным портретом актера В. А. Каратыгина на фронтиспise, «Драматический альбом» (1826) с портретами известных русских актеров, «Драматический альманах на 1828 год», «Театральный альманах», «Талия»; провинциальные альманахи, интересные тем, что наряду со стихами и прозой в них появляются краеведческие заметки и статьи, — «Енисейский альманах на 1828 год», «Астраханская флора» (1827), «Одесский альманах на 1831 год», «Калужские вечера» (1825), харьковский альманах «Утренняя звезда» (1833); исторические — «Русская старина», изданный в 1824 г. декабристом А. О. Корниловичем, «Карманная книжка для любителей русской старины и словесности» (1829); детские — «Детский цветник» (1828), «Подарок детям на 1827 год», «Подарок моей дочери» (1827), «Заря. Альманах для юноше-

ства» (1831). Популярностью пользовался «Альманах анекдотов».

Почуяв в успехе альманахов прибыльное дело, многие издатели заполняют книжный рынок сборниками произведений третьеразрядных авторов, куда включают и перепечатки, а нередко и неопубликованные сочинения известных поэтов и писателей. Особенно прославился подобным литературным пиратством издатель М. А. Бестужев-Рюмин. В альманахах «Майский листок» (1824) и «Сириус» (1826) он напечатал без разрешения А. С. Пушкина отрывки из его стихотворения «Деревня», а в «Северной звезде» (1829) — без указания автора шесть пушкинских стихотворений, среди них послание «К Чаадаеву». Пушкин в черновом наброске 1830 г. «Альманашик» вывел М. А. Бестужева-Рюмина под именем литератора Бесстыдина.

Погоня за коммерческой выгодой привела постепенно к тому, что к началу 30-х годов литературный и художественный уровень альманахов заметно понизился. Шаблоны в оформлении, построении и содержании вызвали появление пародийных альманахов, таких, как «Чертополох, карманная книжца для любителей и любительниц галиматый на XIX столетие» (1830) и «Литературный репейник» (1834).

Заканчивается альманашный период выходом в 1833 и 1834 гг. двух книг альманаха «Новоселье». Поводом к его выпуску послужил переезд книжного магазина А. Ф. Смирдина на Невский проспект. В альманахе приняли участие все лучшие русские литераторы; мы видим их изображенными на фронтисписах к обеим книгам. Среди них — Пушкин, Крылов, Вяземский, Жуковский. Обе книги — это уже не прежние маленькие книжечки, а увесистые тома большого формата. Альманах «Новоселье» подготовил выход журнала «Библиотека для чтения». Начинался журнальный период русской литературы.

Многие из названных изданий поступили в университетскую библиотеку в составе книг цензурного комитета. Впервые вопрос о передаче книг возник в январе 1841 г., когда попечитель Петербургского учебного округа писал ректору университета: «Имея в виду, что число книг, поступающих по отпечатанию, на основании § 42 Устава о цензуре, в С.-Петербургский цензурный комитет, ежегодно увеличивается и они остаются в библиотеке сего Комитета без употребления, я признал за полезное передать в университетскую библиотеку те из сочинений и переводов, которые могут быть полезными к употреблению профессоров и студентов; для чего, поручив экстраординарному профессору Никитенко пересмотреть каталог всех книг, хранящихся в С.-Петербургском цензурном комитете, покорнейше прошу Ваше превосходительство по доставлении реестра отобранным книгам сделать распоряжение о принятии их в библиотеку С.-Петербургского университета». Позднее, в 1845 г., профес-

сор А. В. Никитенко писал, что, по его мнению, «всего полезнее было бы передать университету все помянутые книги, ибо каждая из них для учебного употребления может быть полезною, иная по своему прямому и безусловному достоинству, другая как факт в истории и литературе науки, к коей относится».² Передача книг затянулась и была осуществлена только в 1851, 1855 и 1864 г. В результате университетское книжное собрание пополнилось уникальной по ценности для истории русской культуры коллекцией, включившей в себя первые (цензурные) экземпляры первых изданий многих замечательных памятников отечественной словесности.

На титульных листах цензурных экземпляров альманахов обращают на себя внимание записи: «Билет выдать можно. Такого-то числа. Цензор такой-то». Дело в том, что после представления автором рукописи в цензурный комитет и ее одобрения (сведения об этом приводились на оборотной стороне титульного листа) начиналось печатание книги в типографии. Затем типограф-издатель представлял в комитет книгу, а вместе с ней свидетельство о полном соответствии отпечатанной книги тексту одобренной рукописи (во многие экземпляры свидетельства вклеивались) и получал билет на выпуск книги из типографии для продажи.

Эти данные наряду с другими источниками — перепиской, рецензиями, уведомлениями в газетах и журналах и пр. очень важны для установления времени выхода произведений А. С. Пушкина.

Л. Б. Модзалевский в 1933 г. во втором сборнике «Звенья» напечатал статью о хранящихся в библиотеке Ленинградского университета прижизненных изданиях произведений Пушкина, в которой и привел не только записи цензоров о выдаче билетов, но и тексты свидетельств, что позволило уточнить время выхода книг.

Данные же о времени выдачи билетов на альманахи с произведениями Пушкина еще не приводились в специальной литературе. Правда, в библиотеке ЛГУ имеются не все альманахи, помещавшие произведения Пушкина, а среди имеющихся только на немногих сохранились разрешения. Но и эти несколько альманахов дают важные дополнительные сведения. Сравним даты выдачи билетов с датами, приведенными в книге Н. Синявского и М. Цявловского «Пушкин в печати. 1814—1837» (М., 1938):

Выход альманахов «Сириус» и «Невский альманах на 1827 год» отнесен к последним числам декабря 1826 г. Запись о выдаче билета — 22 декабря 1826 г.

² ЛГИА, ф. 14, оп. 2, д. 370, л. 1—9.

2-я часть «Собрания новых русских стихотворений» (СПб., 1826) — к концу 1827 г., не позднее 5 ноября. Запись о выдаче билета — 8 февраля 1827 г.

«Невский альманах на 1829 год» — к январю 1829 г., около 20-го. Запись о выдаче билета — 14 января 1829 г.

«Северная звезда» — около 11 июля 1829 г. Запись о выдаче билета — 2 июля 1829 г.

«Северные цветы на 1830 год» — к 20-м числам декабря 1829 г. Запись о выдаче билета — 28 декабря 1829 г.

«Царское село. Альманах на 1830 год» — к январю 1830 г., не позднее 16-го. Запись о выдаче билета — 14 января 1830 г.

«Подснежник на 1830 год» — около 3 апреля 1830 г. Запись о выдаче билета — 1 апреля 1830 г.

«Альциона. Альманах на 1832 год» — около 1 декабря 1831 г. Запись о выдаче билета — 27 ноября 1831 г.

Кроме того, тексты свидетельств и записи о выдаче билетов имеются в двух томах пушкинского «Современника»:

Выход в свет 3-го тома «Современника» за 1836 г. исследователи относят к октябрю 1836 г., не позднее 9-го. Запись о выдаче билета — 30 сентября 1836 г.

Том 4-й «Современника» за 1836 г. — ко второй половине ноября — декабря 1836 г. Запись о выдаче билета — 22 декабря 1836 г.

В 1956 г. А. П. Могилянский (в сборнике «Пушкин. Исследования и материалы») во многом уточнил данные книги «Пушкин в печати» за время с 1818 по 1826 г., используя «Книги для записи билетов, выдаваемых из цензурного комитета», которые хранятся в Центральном государственном историческом архиве. Находящиеся в университетской библиотеке номера журнала «Невский зритель» за 1820 год с текстами свидетельств подтверждают новые даты. Продолжение этой работы потребует сверки по книгам для записи билетов после 1826 г. с привлечением экземпляров Научной библиотеки ЛГУ. Подобные уточнения чрезвычайно важны для выяснения обстоятельств жизни и творческой биографии Пушкина. Благодаря им мы сможем с большей уверенностью установить тот момент, когда его произведения начинали свою жизнь в печати и тем самым становились достоянием читателей. Именно с этого дня книга начинала самостоятельную жизнь. Поэтому каждая такая документально подтвержденная дата с необходимостью займет свое место в будущем продолжении «Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина».

ПРИЖИЗНЕННЫЕ ИЗДАНИЯ ПУШКИНА

се прижизненные публикации Пушкина подробно описаны в книге Н. П. Смирнова-Сокольского «Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина, о книгах других авторов, им изданных, о его журнале „Современник“, о первом посмертном собрании сочинений, а также о всех газетах, журналах, альманахах, сборниках, хрестоматиях и песенниках, в которых печатались произведе-

ния поэта в 1814—1837 годах. С приложением снимков с иллюстраций, портретов, заглавных листов и обложек» (М., 1962). Уже в самом названии книги одного из представителей славного племени отечественных библиофилов перечислены основные типы изданий, в которых появились произведения поэта.

В университетском книжном собрании помимо большого числа альманахов, сборников, журналов, в которых печатались произведения Пушкина, представлены 25 книг его сочинений, изданных при жизни поэта (из 37 изданий, описанных у Н. П. Смирнова-Сокольского).

Для истории русской культуры последних полутора столетий интересна и показательна судьба каждого прижизненного издания Пушкина после его выхода в свет.

В поступившем в университетскую библиотеку собрании друга Толстого и Достоевского, одного из наиболее образованных деятелей русской культуры XIX в. Н. Н. Страхова находятся и прижизненные издания Пушкина.¹

Из двух находившихся в библиотеке Страхова отдельных изданий произведений Пушкина одно — первое издание «Кавказского пленника» (СПб., 1822), приплетенное к вышедшему в том же году в Петербурге в переводе В. А. Жуковского «Шильонскому узнику» Байрона. В принадлежавшей Страхову книге сохранился и помещенный на фронтисписе гравированный портрет Пушкина (во втором — цензурном — университетском экземпляре этого издания «Кавказского пленника» портрет отсутствует). Интересен также страховский экземпляр первого издания «Бахчисарайского фонтана» (М., 1824). Выпущенная небольшим, альманашного типа, форматом, книга сразу по приобретении была отдана владельцем в переплет. С какой целью был заказан этот изящно тисненый переплет, станет ясно, если мы,

¹ Эти издания перечислены в статье: Белов С. В., Белодубровский Е. Б. Библиотека Н. Н. Страхова. — В кн.: Памятники культуры: Новые открытия: Ежегодник, 1976. М., 1977. — К этому списку нужно добавить еще страховский экземпляр изданной при участии Пушкина книги «Восток, или Желания. Повесть в стихах, соч. Виланда» (СПб., 1836).

вслед за С. Беловым и Е. Белодубровским, приведем дарственное посвящение этой книги некоей девице Эмилини:

Вот вам, Эмилиня, фонтан Бахчисарайский,
Парнаса русского цветок прелестный, райский!
Я пламенно люблю Поэзии цветы,
Люблю и юных дев волшебны красоты,
Люблю их жар ланит, их очи голубые,
Их стройный, гибкий стан и кудри золотые.
Как странников в степи, и дикой и пустой,
Фиалка радует смиренною красой,
Так будете и Вы везде пленять собою
Толпы поклонников, Вам преданных душою,
И будут их сердца любовью гореть,
И взоры страстные восторгом пламенеть.
Моих докучливых стихов хоть не читайте,
Но изредка меня в чужбине вспоминайте.

15 июня 1824 г.

Вильгельм Тило

О Вильгельме Тило в «Азбучном указателе имен русских деятелей для „Биографического словаря“» (1888) сказано: «переводчик нескольких повестей с немецкого, 1828—1830». В. Тило подвизался и на поэтическом поприще. Его стихи, например, напечатаны в изданном лицейским товарищем Пушкина М. Яковлевым альманахе «Опыт русской анфологии» (СПб., 1828) и в вышедшем в нескольких частях «Собрании образцовых русских сочинений и переводов в стихах» (СПб., 1822). Кстати, в обоих изданиях помещены и произведения Пушкина. Примечателен этот восторженный отзыв третьестепенного стихотворца о пушкинской поэме и тем, что посвящение написано всего через три с небольшим месяца после выхода книги в свет (вышла 10 марта 1824 г.). В библиотеке Н. Н. Страхова, представителя следующего за пушкинским литературного поколения, стихотворные сборники Аполлона Майкова и Афанасия Фета с авторскими дарственными надписями соседствуют с первыми изданиями А. С. Пушкина. Для Страхова — литературного критика пушкинская поэзия была явлением ближайшей к нему эпохи. К началу XX в., когда в русском обществе складывается культ Пушкина и его окружения, появляются собиратели, целеустремленно коллекционирующие все пушкинские издания и прежде всего вышедшие при жизни поэта.

Записи в пяти книгах, перешедших в университетское собрание в 20-х годах нашего столетия в составе богатейшей библиотеки Петербургского археологического института (в этом высшем учебном заведении с 1878 г. до начала 20-х годов XX в. велась подготовка специалистов архивного дела и археологии), свидетельствуют о том, какие библиофильские страсти разгорались при появлении на антикварном рынке в начале века прижизненных изданий Пушкина.

Все эти записи сделаны одним владельцем — Н. Н. Климковским; три из них подписаны: в одном случае полностью, в двух — инициалами «Н. К.». Николай Наркисович Климков-

ский — известный библиофил, действительный член Петербургского археологического института. Его собрание, содержавшее книги по русской истории и словесности, было передано в библиотеку Археологического института в 1918 г. Записи говорят о том, когда и где была приобретена книга, за какую цену, у кого из известнейших тогда петербургских книжных антикваров, а также и об обстоятельствах ее покупки.

К первому полному изданию «Евгения Онегина» (до этого главы романа выходили отдельными изданиями с 1825 по 1832 г.) аккуратно подклеен листок с таким текстом: «Книга эта „Евгений Онегин“ 1833 г. куплена мною в книжн. маг. С. П. Трусова (СПб., Литейн. 57) 13 дек. 1908 г. за 1 р. 80 к. по его каталогу, где цена была показана в 2 р.

Зайдя чрез несколько дней в магазин, я узнал, что А. Ф. Онегин (Отт) телеграммой из Парижа просил выслать книгу, но она была уже у меня. Н. Климковский». Радость библиофила, перехватившего книгу Пушкина, которую собирался приобрести сам Александр Федорович Онегин, легко понять.

А. Ф. Онегин (1844—1925) — знаменитый собиратель пушкинских рукописей и книг. Ходили слухи, что он был внебрачным сыном Александра II. Когда в начале 80-х годов XIX в. собиратель, живший с 1860 г. в Париже, решил сменить фамилию Отто на новую, связанную с его благоговейным почитанием творчества Пушкина, он получил на то «высочайшее» разрешение императора, а это было тогда весьма затруднительно. Уникальное онегинское собрание по договору 1909 г. с Академией наук после смерти владельца в 1928 г. было привезено из Парижа в Ленинград и стало достоянием Пушкинского Дома.

На экземпляре первого собрания стихотворений Пушкина (СПб., 1826) Н. Н. Климковский записывает карандашом: «Из библиотеки Филонова. Куплено в магазине Н. В. Соловьева (СПб., Литейн. 51) 3 февр. 1909 г. за 3 р. 15 к.». Книга принадлежала, вероятно, А. Г. Филонову (1831—1908), историку русской литературы, исследователю творчества Пушкина.

Из собрания другого пушкиниста, согласно записи Климковского, происходит и экземпляр первого издания «Бориса Годунова» (СПб., 1831): «Из библиотеки П. А. Ефремова. Куплено в магазине В. И. Клочкова 29 янв. 1909 г. за 2 р. 70 коп.». При чем отмечено и состояние книги: «Куплено без листка с посвящением памяти Карамзина». Огромная библиотека историка литературы, издателя, деятеля русской культуры XIX в. П. А. Ефремова (1830—1907) состояла из 32 тыс. томов. К сожалению, тогдашнее руководство Академии наук не смогло добиться выделения достаточных средств на приобретение всей этой бесценной библиотеки. В 1908 г. в Пушкинский Дом поступила лишь та часть ефремовских книг, которая имела отношение к пушкинской эпохе. Остальное разошлось по книгопродав-

дам. Ну, а любому ценителю книги, как и в приведенном случае, было лестно сознавать, что им приобретено издание из библиотеки Ефремова! У того же В. И. Ключкова Климовский 4 апреля 1909 г. приобрел за 3 рубля первое издание поэмы «Цыганы» (М., 1827).

Если в первых четырех записях речь идет о приобретении книг у знаменитых петербургских антикваров, то запись в пятой книге раскрывает характер отношений, которые связывали самих коллекционеров. В эту книгу Климовским был вложен листок с таким текстом: «„Братья-разбойники“ А. Пушкина. Второе издание. Москва. 1827. Неразрезанный лист. Получено в дар от Петра Денисовича Кедрова 11 января 1902 г.».

Судьба этого издания в рассказе Н. П. Смирнова-Сокольского выглядит так. В 1827 г. С. А. Соболевский по поручению Пушкина издал в Москве поэму с обозначением цены 1 рубль 5 копеек. Купивший все издание московский книгопродавец Ширяев повысил, однако, цену до 2 рублей. Возмущенный подобным самовольством Соболевский, вероятно, с ведома Пушкина тут же напечатал второе издание, но уже ценой в 42 копейки, дабы сбить цену и проучить Ширяева. Но даже первое издание расходилось так медленно, что Ширяев к концу года уже просил за книгу только 80 копеек. Поэтому Пушкин с Соболевским решились законсервировать второе издание и свезли тираж к И. В. Киреевскому. И только в 1915 г. один московский букинист, обнаружив в имени сына Киреевского 900 экземпляров этого второго издания, пустил его в продажу. До этого экземпляры второго издания были чрезвычайно редки и высоко ценились. Таким образом, экземпляр, оказавшийся у Климовского еще в 1902 г., относится к числу редчайших. И, наконец, еще одна особенность, свидетельствующая о вкусах собирателей того времени: книга — сложенный типографский лист — не разрезана; были такие истовые библиофилы, которые более всего ценили именно неразрезанные экземпляры, как будто только что вышедшие из типографии.

В отделе редких книг университетской библиотеки хранятся и часть архива Климовского, переданная, вероятно, вместе с библиотекой в Археологический институт. Помимо материалов, связанных с его археологическими и искусствоведческими занятиями (переписка с историко-археологическими обществами, небольшие статьи об архитектурных памятниках Петербурга и их создателях и т. д.), сохранились в архиве и следы других его любительских интересов: большое число газетных и журнальных вырезок 10-х годов XX в., посвященных Пушкинской эпохе и личности поэта. В них идет речь о находках новых рукописей Пушкина, о его семейных обстоятельствах, о потомках Пушкина и их родственных связях, о судьбе Михайловского и Тригорского; обсуждается только что вышедшая книга П. Е. Щеголева о дуэли и смерти Пушкина. Это собрание вырезок, ко-

нечно, перекрываемое по полноте аналогичными материалами Пушкинского Дома, велось постоянно и аккуратно: каждая вырезка наклеена на листок бумаги с указанием источника.

Особенно интересны вырезки с карандашной надписью: «Получено от Н. О. Лернера». Это — статьи Николая Осиповича Лернера (1877—1933), принадлежавшего к блестящей плеяде пушкинистов начала XX в., трудами которых основано современное пушкиноведение. Два письма Н. О. Лернера, хранящиеся среди бумаг Климовского, раскрывают характер взаимоотношений ученого и коллекционера. В письме от 19 сентября 1915 г. нашли отражение и азарт новых (хотя и небольших) открытий, и обстановка споров вокруг них, и чувства, охватывавшие библиофилов при обмене книгами:

«Глубокоуважаемый Николай Наркисович!

Вот Вам „Железное кольцо Пушкина“: глядите и казнитесь. В другой раз, Ваше превосходительство, не попрекайте зря бедного человека. При сем почтительнейше доношу об одной интересной Пушкинской новинке, полученной мною сегодня. По опубликовании Вы себе все пальчики оближете.

Что касается до исаковского „Онегина“ (1864 г.), о коем мы говорили вчера, то я Вам его отдам за брошюру Ефремова „Мнимый Пушкин“. Если Вам жаль с нею расстаться, то да подвинет Вас на сие как то расположение, жопм Вы всегда дарите Вашего покорного слугу, так и сознание, что брошюрка попадет в хорошие руки. Черкните же мне слова Леонида Спартакского: „Приди и возьми“, — и мы с „Онегиным“ Ваши гости.

Преданный Вам Н. Лернер».

Об общих интересах в том, что касалось собирания пушкинских реликвий, свидетельствует второе письмо Н. О. Лернера (от 10 марта 1916 г.):

«Сердечно благодарю Вас, глубокоуважаемый и добрый Николай Наркисович, за подарок вдвойне мне дорогой: и как знак внимания Вашего, и как вклад в мою Пушкиниану. Это превосходное воспроизведение подлинного рисунка А. П. Брюллова (популярного в Галактионовской гравюре в „Новоселье“). Хотелось бы знать о происхождении снимка, — кем, когда он издан и проч.

Готовлю еще кое-что пушкинское. Все, конечно, будет Вам регулярно присылаться. На-днях, наконец, издательство „Нива“ начинает печатать сборник моих статей о Пушкине. А IX-го, дополнительного тома Ефремовского издания никак не могу сдвинуть с мертвой точки: вот уже больше года лежит готовая работа в типографии „Нового Времени“.

Попадается ли Вам „Столица и усадьба“? От времени до времени я помещаю там статьи о Пушкине. Уже напечатаны: „Оригинал Пиковой Дамы“, „Оленька Масон“, „Пушкин-гастроном“, „Пушкин и цыганы“; будет еще несколько этюдов. Яко усердный собиратель, учтите это обстоятельство.

Спасибо, дорогой Николай Наркисович: очень Вы меня обрадовали.

Всегда преданный Н. Лернер».

Из архивных материалов видно, что Климковский пытался проследить судьбу некоторых живописных и скульптурных изображений Пушкина; с этими его занятиями связан, очевидно, и упоминаемый в письме его подарок Н. О. Лернеру.

Библиофилом был и П. Д. Кедров, подаривший Климковскому редкостный экземпляр «Братьев-разбойников». Библиотека Кедрова состояла исключительно из книг на иностранных языках и славилась хорошо подобранными изданиями с гравюрами XVII—XVIII вв.² В 20-х годах нашего столетия после смерти владельца собрание Кедрова было распродано.³ Об известности его коллекции говорит уже сам факт упоминания его такими видными знатоками русского библиофильства, как У. Иваск и Ф. Шилов.

Истинный библиофил, Кедров, зная предмет страсти своего собрата по собирательству, уступил Климковскому попавшее к нему в руки пушкинское издание. О щедрости коллекционера свидетельствует и другой дар Кедрова.

В 1911 г. в журнале «Русский библиофил» Н. Соловьев сообщил, по поводу первых четырех русских иллюстраций к «Бахчисарайскому фонтану» — картинок Галактионова, опубликованных в 1827 г. в «Невском альманахе», что «Галактионовские иллюстрации к „Фонтану“ не были первыми рисунками к этой поэме. Еще в 1826 г. в Париже вышел французский перевод ее с тремя интересными литографиями, воспроизведенными здесь по редчайшему экземпляру Лицея».⁴ В архиве Климковского имеется датированный 1 октября 1911 г. листок с примечанием к этому месту статьи Соловьева:

«Упоминаемый здесь экземпляр французского перевода „Бахчисарайского фонтана“ П. Д. Кедров купил у В. И. Ключкова и подарил мне. Через несколько лет я, по просьбе Кедрова и чрез его же посредничество передал этот экземпляр П. Е. Рейнботу⁵ для Пушкинского музея при Лицее. Н. Климковский».

Итак, один библиофил подарил другому редчайшую книгу, а затем уговорил его же передать ее в дар лицейскому Пушкин-

---

² Иваск У. Г. Частные библиотеки в России. — Русский библиофил, 1911, № 7, с. 93 (№ 539).

³ Шилов Ф. Судьбы некоторых книжных собраний за последние 10 лет: (Опыт обзора). — В кн.: Альманах библиофила. Л., 1929, с. 178.

⁴ Соловьев Н. Русская книжная иллюстрация XIX в. и произведения Пушкина. — Русский библиофил, 1911, № 5, с. 41.

⁵ Рейнбот Павел Евгеньевич, юрист, секретарь Пушкинского общества при Лицее, принесший в дар Пушкинскому лицейскому обществу свою обширную пушкинскую коллекцию книг и гравюр. Об этом см.: Иваск У. Г. Частные библиотеки в России. Ч. 2. Приложение к «Русскому библиофилу» 1911 года. СПб., 1912, с. 34 (№ 957).

скому музею (напомним, что в 1911 г. отмечался столетний юбилей Лицея) и тем ввести ее в науку.

Такова истинная любовь к книге. Вот почему и само собрание Климковского, и его архив оказались в Археологическом институте, а затем в библиотеке университета.

Наибольший научный интерес в университетской Пушкиниане представляют, несомненно, цензурные экземпляры прижизненных изданий поэта.

После того как Николай I в 1826 г. изъявил желание быть личным цензором сочинений Пушкина, в каждом новом их издании на оборотной стороне титульного листа вместо обычных для того времени сведений об одобрении рукописи цензором печаталось — «С дозволения Правительства» (впервые в 1827 г. в издании третьей главы «Евгения Онегина»). Билеты на выпуск книги выдавались непосредственно в Третьем отделении.

Однако Пушкин пытался выпускать книги и без «высочайшего» на то соизволения. В 1831 г. он напечатал «Повести Белкина». Поскольку он выступал здесь в качестве только издателя сочинений «покойного автора» И. П. Белкина, рукопись прошла обязательную цензуру прежним путем. Кроме того, обычную цензуру проходили некоторые переиздания произведений Пушкина.

Экземпляры прошедших обычную цензуру изданий Пушкина 30-х годов были подробно описаны Л. Б. Модзалевским в упомянутой выше статье в сборнике «Звенья». Эти данные были использованы в книге Н. Синявского и М. Цявловского «Пушкин в печати. 1814—1837» (М., 1938). Однако при описании уникального, неизвестного до того издания «Романы и повести Александра Пушкина» 1837 г., единственный экземпляр которого хранится в Научной библиотеке ЛГУ (издание было уничтожено опекунами, так как они готовили к печати собрание сочинений Пушкина в пользу семьи поэта), Л. Б. Модзалевский не привел текста свидетельства типографа, которое лишь недавно обнаружено в архиве библиотеки: «Свидетельствую сим, что книга под названием Романы и Повести Александра Пушкина напечатана в типографии Н. Греча с одобрения Ценсуры. Подписано мая 5 дня 1837 года. Управляющий типографией [подпись неразборчива]».

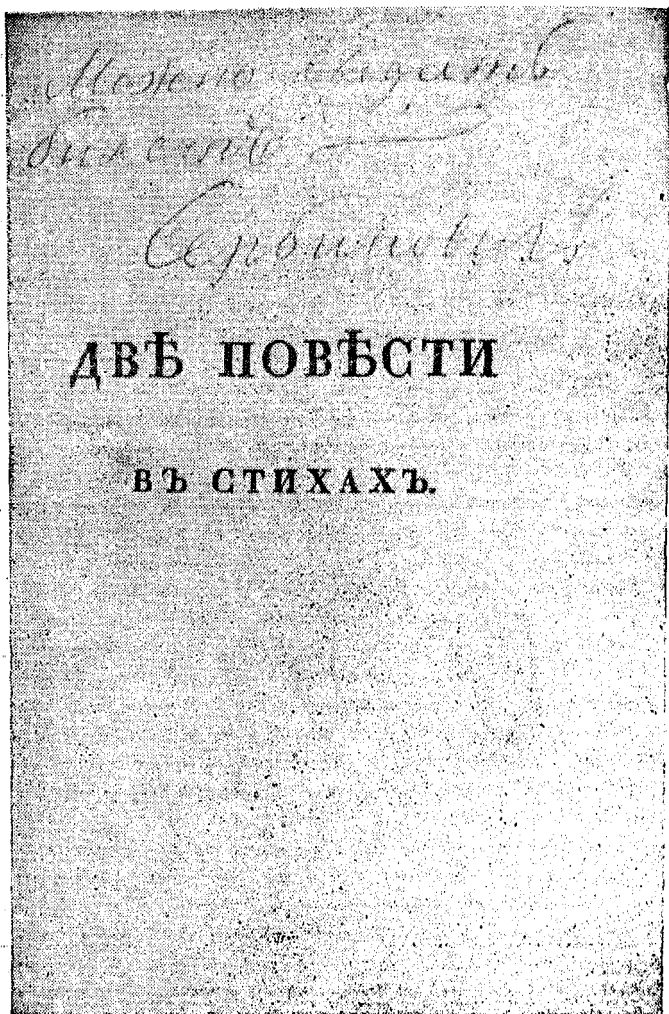
С именем Пушкина связаны и другие издания, поступившие из цензурного комитета. Это — комплект «Литературной газеты» (1830—1831) А. А. Дельвига и А. С. Пушкина, журналы; два издания переводов пушкинских произведений: немецкий перевод «Бахчисарайского фонтана» — СПб., 1826 (запись о выдаче билета на выпуск из типографии 5 ноября 1826 г.) и книга «Полтава. Поэма А. С. Пушкина. Вольный перевод на Малороссийский язык Е. Гребенки» — СПб., 1836 (запись о выдаче билета — 25 апреля 1836 г.).

Особенно интересен цензурный экземпляр книги «Две по-

вести в стихах». Как известно, под этим названием объединены два различных издания: «Бал» Е. А. Баратынского (СПб., 1828) и «Граф Нулин» А. С. Пушкина (СПб., 1827). Каждое из них имело свою пагинацию, что и позволило впоследствии выпускать их на книжный рынок по отдельности. Отпечатанного в 1827 г. «Графа Нулина» Пушкин, однако, не пустил в продажу, чтобы не создавать конкуренции альманаху Дельвига «Северные цветы на 1828 год», в котором была помещена эта поэма. Позднее Дельвиг предложил напечатать «Бал» Баратынского и выпустить обе поэмы в одном издании. 3 декабря 1828 г. он писал Пушкину: «„Бал“ отпечатан, в пятницу будет продаваться». Основываясь на дате выхода книги «Две повести в стихах», приведенной у Н. Синявского и М. Цявловского, — около 15 декабря, Н. П. Смирнов-Сокольский сомневается в том, что книга, как сообщает Дельвиг, поступила в продажу в пятницу, 6 декабря. Ведь надо было еще отпечатанный «Бал» соединить в одном переплете с «Графом Нулиным», на что требовалось время.

Но вот перед нами цензурный экземпляр «Двух повестей в стихах» в бумажной обложке синего цвета; в нем находится только «Бал» Баратынского. Поэму Пушкина, которая появилась за год до этого «с дозволения Правительства», вторично представлять цензору не было нужды. На шмуцтителе, где напечатано название книги — «Две повести в стихах», имеется карандашная запись цензора: «Можно выдать билет. Сербинович», — а на титульном листе «Бала» чернилами номер билета и число — «4 декабря 1828 г.». Из этого следует, что Дельвиг, занятый в это же время еще и типографскими хлопотами с выпуском очередного тома «Северных цветов», твердо знал, о чем пишет, когда сообщал, что 6 декабря «Бал» поступит в продажу. Для Пушкина же без всяких подробных объяснений это означало, что именно в этот день выйдет в свет книга «Две повести в стихах».

В собрании цензурного комитета есть еще две книги, к изданию которых имел непосредственное отношение Пушкин. Именно благодаря его стараниям вышли анонимно в Петербурге сочинения его лицейского друга декабриста В. К. Кюхельбекера. В 1835 г. была напечатана книга «Ижорский. Мистерия» (запись о выдаче билета — 6 апреля 1835 г.). Заключение в Свеаборгской крепости, Кюхельбекер получил книгу 12 мая того же года. В 1836 г. вышел «Русский Декамерон 1831 года. Изд. И. Ивановым» (запись о выдаче билета — 25 ноября 1836 г.). Интересно, что Пушкин, по-видимому, успел просмотреть это издание: экземпляр из его библиотеки разрезан. О внимании Пушкина к книге говорит и то, что она названа им в разделе «Новые книги, вышедшие с октября месяца 1836 года» в четвертом томе «Современника» (запись о выдаче билета — 22 декабря 1836 г.), причем в конце списка. Однако здесь им приведено

Две повести в стихах. СПб., 1828, Запись цензора Сербиновича на шмуцтителе.

Н. в. Баратынск. 1828.

Б А Л Ъ.

П О В Ъ С Т Ъ,

С О С К Л А Д И Н Н Ы Е

ЕВГЕНІЯ БАРАТЫНСКАГО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ТИПОГРАФИИ ДЕПАРТАМ. НАРОДИ. ПРОСВѢЩ.

1828.

Две повести в стихах: Е. Баратынский. Бал. СПб., 1828.
Цензурный экземпляр. Титульный лист.

несколько иное название книги — «Русский Декамерон, соч. Иванова в 1832 г. С.П.б.». Вероятно, название было изменено в процессе печатания книги — титульный лист обычно набирался в последнюю очередь. Рукопись же четвертого тома «Современника» была отправлена в цензурный комитет еще до выхода «Русского Декамерона», где и получила разрешение 11 ноября 1836 г. Оба издания печатались в одной типографии. По всей видимости, Пушкин в «Современнике» привел первоначальный вариант титульного листа «Русского Декамерона» (получившего цензурное разрешение еще 10 октября 1836 г.), затем измененный, возможно, им самим. Пушкин, как можно предположить, предпочел издать произведение своего находящегося в заключении друга не под чужим именем, а анонимно, представив тем самым вымышленного И. Иванова не автором, а издателем книги.

Хотелось бы надеяться, что в будущем осуществится факсимильное воспроизведение всех прижизненных изданий Пушкина вместе с полным описанием всех сохранившихся их экземпляров; для подобного предприятия могут оказаться небесполезными и книги, хранящиеся в библиотеке Ленинградского университета.

БИБЛИОТЕКА ЗАПРЕЩЕННЫХ КНИГ

более 7 тыс. названий, около 10 тыс. томов насчитывает эта коллекция. В ее состав входят выдающиеся памятники передовой философской и политической мысли XVIII—XIX вв., произведения классиков утопического социализма, политические памфлеты времен революций 1830 и 1848—1849 гг., сочинения классиков европейских литератур. Все они принадлежали когда-то Комитету цензуры иностранной (КЦИ), созданному в 1828 г. в царствование Николая I для рассмотрения попадавших в Россию из-за границы произведений печати. В библиотеку Комитета передавались только те книги, распространение которых в России было запрещено николаевской цензурой.

На протяжении 25 лет, с 1832 г. и до самой смерти, во главе Комитета стоял А. И. Красовский (1776—1857) — одна из характерных и самых мрачных фигур николаевского царствования. Яростный враг всякого свободомыслия и просвещения, он прославился нелепыми и анекдотическими придирками к произведениям отечественной словесности в бытность свою цензором русских изданий. Но особенно он развернулся, оказавшись во главе КЦИ. По словам историка русской цензуры А. М. Скабичевского, Красовский «питал ко всей иностранной литературе

омерзение, как, по собственному выражению, к „смердящему гною, распространяющему душегубительное злое влияние“, особенную же ненависть он питал к Парижу, как к „любимому местопребыванию дьявола“. Впрочем, ненависть к опасным для самодержавия веяниям европейских революций сочеталась у него с невежественным презрением к отечественной литературе: на одном из дворцовых приемов он не постыдился в присутствии А. С. Пушкина заявить, что „современная литература наша так мерзка“, что читать ее по цензорским обязанностям — „чистое наказание“».¹

Когда в 1857 г. на смену Красовскому пришел поэт Федор Иванович Тютчев, положение изменилось. Будучи человеком консервативных, монархических убеждений, он вместе с тем отвергал враждебные просвещению и интересам национальной культуры методы и традиции николаевского царствования, чем вызвал недовольство реакционеров. При нем были разрешены многие ранее запрещенные книги по истории и философии, классические произведения художественной литературы. Как писал он позднее в стихах, обращенных к одному из сослуживцев по Комитету:

Веленью высшему покорны,
У мысли стоя на часах,
Не очень были мы зазорны,
Хоть и со штуцером в руках.
Мы им владели неохотно,
Грозил редко и скорей
Не арестантский, а почетный
Держали караул при ней.

«Желая удовлетворить потребностям читающей публики и принимая в соображение развитие русской литературы, я старался дать больший простор и иностранной, не выходя, впрочем, при этом из законных пределов и держась точного смысла Устава о цензуре», — говорил Тютчев о своей деятельности в качестве председателя КЦИ.²

Вскоре после начала службы в Комитете Тютчев возбудил перед Министерством народного просвещения вопрос о судьбе сложившейся в КЦИ библиотеки, в которую, согласно уставу 1828 г., поступали в одном экземпляре запрещенные иностранные книги. Известно, что частичная передача книг состоялась уже в феврале 1858 г., когда университетский библиотекарь К. Е. Бюш принял в одиннадцать корзинках несколько сот книг из Комитета. Тютчев предлагал передать все книги в Публичную библиотеку или в Петербургский университет, «который на осно-

¹ Скабичевский А. М. Очерки истории русской цензуры (1700—1863 гг.). СПб., 1892, с. 183—184.

² Цит. по: Пигарев К. В. Жизнь и творчество Тютчева. М., 1962, с. 161—162.

вании законов имеет право получать запрещенные книги и этим приобретением мог бы пополнить недостающие у него издания». При этом он ссылался на разрешение бывшего министра народного просвещения А. С. Норова (весьма консервативного чиновника, но в то же время страстного библиофила, чье богатейшее книжное собрание исключительной историко-культурной ценности хранится ныне в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина) передать хранившиеся в КЦИ «около 10 тыс. томов, удержанные у пассажиров и частных лиц, частью в Публичную библиотеку и частью в Петербургский университет».³

В 1860 г. вопрос о судьбе книг КЦИ был, наконец, решен. Право первого выбора книг было предоставлено Библиотеке Академии наук, которая отобрала 1400 книг о России и Польше. Отбор книг для университета был поручен профессору И. Е. Андреевскому, Я. Утину и библиотекарю К. Е. Бюшу. Наряду с книгами собственно Комитета цензуры иностранной были получены и некоторые издания, переданные в Комитет из Министерства внутренних дел. В результате произведенного отбора 15 июня 1860 г. в библиотеку Петербургского университета поступило 7063 названия в 9282 томах. Оставшиеся 1314 томов книг и 139 томов газет были переданы в Публичную библиотеку.

Основную часть библиотеки КЦИ составляли книги, «или запрещенные безусловно, или для публики, или позволенные с вырезанием мест». Поэтому министр народного просвещения потребовал от университета «принять меры, чтобы при хранении таких сочинений в библиотеке С.-Петербургского университета и пользовании ими соблюдались все необходимые предосторожности».⁴ По действовавшим в то время правилам это означало, что пользоваться подобными изданиями разрешалось только профессорам, которым книги выдавались на дом с предупреждением не допускать их распространения. Студентам же они не могли быть выданы ни при каких обстоятельствах.

В библиотеке КЦИ имеются в небольшом количестве издания конца XVIII в. (в виде редчайших исключений встречаются и более ранние, начиная с конца XVII столетия); в основном же это издания 1800—1860 гг., причем особенно много книг периода деятельности Комитета, т. е. с конца 1820-х годов. Большею частью это книги на французском и немецком языках, но встречаются также издания на испанском, итальянском, польском, английском и латинском языках.

Состав библиотеки КЦИ в полной мере отражает реакционную сущность цензурной политики русского самодержавия в царствование Николая I. Так, решительно запрещались издания философских трудов мыслителей французского Просвеще-

³ ЦГИА, ф. 722, оп. 1, д. 5094, л. 2.

⁴ ЛГИА, ф. 4, оп. 1, д. 6108, л. 1 об.

ния. Напуганный революционными событиями во Франции, царизм страшился сочинений Вольтера и Руссо, Гольбаха и Гельвеция, Дидро и Кондорсе, хотя книги этих авторов давно и широко были представлены во многих русских частных и государственных книгохранилищах. Не избежали цензурных преследований и переписка Д. Юма, и сочинения И. Канта («К вечному миру», «Метафизические основания философии права»). Бдительность цензоров не пощадила даже сочинений многовековой давности: так, по подозрению в безбожном свободомыслии не были допущены к распространению в России такие книги, как «Кимвал мира» французского гуманиста начала XVI в. Бонавантюра Деперье и сборник произведений драматурга, философа и поэта XVII в. Сирано де Бержерака. По произволу цензоров рядом с «Лекциями о сущности религии» материалиста Л. Фейербаха оказались и сочинения шведского философа-мистика Э. Сведенборга и «Система позитивной политики» О. Конта. Это гонение на философскую мысль самых различных направлений совпало с распоряжением правительства о прекращении преподавания философии в российских университетах в 1848 г.

Наряду с сочинениями атеистического характера в библиотеке КЦИ встречаются книги и брошюры, трактующие вопросы веры с позиций, враждебных официальному православию; труды католических и протестантских теологов, М. Лютера, Ж. Кальвина, сочинения по истории Реформации, всевозможные произведения мистического характера, книги о масонстве, еретических течениях и религиозном сектантстве. Преследованиям подверглись также книги по философии и истории религии, в особенности иудаизма и христианства, содержавшие элементы исторической критики Библии. Вместе с тем, проявляя солидарность с силами католической реакции, члены Комитета не допускали в Россию памфлеты, направленные против папства, иезуитов, исследования по истории инквизиции.

Стремясь воспрепятствовать проникновению в Россию идей утопического социализма, цензоры особенно ревностно включали в число запрещенных книг произведения К. А. Сен-Симона, Шарля Фурье, фурьериста Виктора Консидерана, Этьенна Кабе и др.

Исключительную ценность представляют в собрании КЦИ книги, отражающие историю революционного движения. Это сочинения деятелей первых буржуазных революций (в том числе одного из вождей американской Войны за независимость Томаса Пейна) и труды по истории Великой французской революции XVIII в. Но особенно интересны издания, вышедшие в самый разгар революционных событий или по их горячим следам, брошюры, связанные с событиями революции 1830 г. во Франции, с польским восстанием 1831 г., особенно с буржуазно-демократическими революциями 1848—1849 гг. во Франции, Германии, Австро-Венгрии, Италии. Их авторами были Луи Блан,

Д. О'Коннел, Дж. Мадзини и многие другие выдающиеся прогрессивные деятели эпохи. К этим изданиям примыкают рассказы и воспоминания очевидцев, исходящие из различных политических лагерей, исторические сочинения и художественные произведения, посвященные революционным движениям первой половины XIX столетия. Редкость этих изданий подтверждается выборочной сверкой с фондами других ленинградских библиотек: из 92 проверенных книг в Библиотеке Академии наук СССР отсутствуют 66, а в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина — 51. Характер собрания, включающего в себя книги, распространение которых было затруднено цензурной политикой царизма, заставляет предполагать наличие в его составе большого числа изданий, совершенно не представленных в других книгохранилищах нашей страны. А поскольку многие из этих памятников революционного движения запрещались, преследовались и уничтожались и у себя на родине, они часто отсутствуют и в зарубежных библиотеках.

Часть книг по истории России из библиотеки КЦИ была, как уже говорилось выше, отобрана в Библиотеку Академии наук, но и среди поступивших в университетское собрание немало работ по русской истории, брошюр и памфлетов о внешней и внутренней политике русского царизма (в том числе и весьма тенденциозных); немало здесь также книг о путешествиях по России, произведений художественной литературы на сюжеты из русской истории и русской действительности, включая иллюстрированные издания для детского чтения.

Значительное число книг из библиотеки Комитета посвящено актуальным политическим проблемам, вопросам международных отношений и политики европейских государств первой половины XIX в. Есть среди них также исторические сочинения самого разнообразного характера, в том числе и труды французских историков эпохи Реставрации Ж. Мишле, Ф. П. Г. Гизо и О. Тьерри.

На ценность собрания КЦИ, не имеющего аналогов в других отечественных и зарубежных книгохранилищах, на возможности его использования как исторического источника, обращал внимание известный советский историк академик Е. В. Тарле. В письме И. М. Гревсу от 23 сентября 1909 г. Тарле (тогда приват-доцент Петербургского университета) сообщал: «Веду я в университете в текущем году семинарий, поставленный, благодаря случайным обстоятельствам, в исключительно благоприятные условия: в университетской библиотеке оказалась масса редчайших (отсутствующих часто даже в Берлинской королевской библиотеке) произведений политической литературы Германии в конце XVIII и в первой половине XIX в. (Это объясняется тем, что в университет перешла библиотека бывшего Комитета иностранной цензуры эпохи Николая I). Все это сырье (полемика по общим вопросам, памфлеты времен наполеоновского завое-

HISTOIRE POPULAIRE
de la
RÉVOLUTION DE 1830.

PARIS.

JULES LEFÈVRE ET COMPAGNIE, ÉDITEURS,
RUE DES GRANDS AUGUSTINS, N. 18.

1830.

История революции 1830 г. Париж, 1830. Экземпляр КЦИ.
Титульный лист.

4485

L'ABBESSE
DE CASTRO

PAR

M. DE SIEYÈS.

Bruxelles.

MELINE, CANS ET COMPAGNIE.

LIBRAIRES, IMPRIMERIES, BONS ENCRE.

1840

Стендаль. Аббатиса из Кастро. Брюссель, 1840. Экземпляр
КЦИ. Титульный лист.

вания и позже и т. д.) — драгоценный материал для самостоятельной работы студентов...»⁵

Опасными, с точки зрения цензора Красовского, оказались и многие произведения художественной литературы, составившие эпоху в истории европейской культуры первой половины XIX столетия: «Озорные рассказы» Оноре Бальзака, «Кромвель» Виктора Гюго, «Аббатиса из Кастро» и «О любви» Стендаля, «Новые стихотворения», «Лютетия», «Путевые картины», «Салон» и другие сочинения Генриха Гейне, «Эликсир дьявола» Э. Т. А. Гофмана, «Драма 93 года» Александра Дюма, произведения Теофиля Готье, Жорж Санд, братьев Гонкуров, «Песни» Беранже, стихи Альфреда де Виньи, Андре Шенье, Парни, драмы Г. Бюхнера и публицистические произведения Людвига Берне, сочинения Карла Гуцкова, Г. фон Клейста, Г. Гервега, К. Ф. Геббеля, А. М. Л. де Ламартина, Ф. Р. Шатобриана, Э. Скриба, Ш. Нодье, Ш. О. Сент-Бева, Вальтера Скотта, Н. Ленау, Эжена Сю, А. Мицкевича и Г. Веерта — трудно найти значительное имя, ускользнувшее от бдительного внимания Комитета цензуры иностранной.

Это, разумеется, не значит, что с произведениями революционной мысли не были знакомы передовые люди николаевской России: известно, что участники революционного кружка петрашевцев читали сочинения социалистов-утопистов; произведения великих европейских писателей становились известными русскому читателю, несмотря ни на какие усилия «самодержавных» цензоров.

Первые и прижизненные издания произведений выдающихся писателей и мыслителей представляют и вполне самостоятельный историко-культурный интерес. Однако ценность коллекции КЦИ определяется не наличием в ней отдельных редких книг и интересных изданий. Библиотека Комитета цензуры иностранной примечательна в целом как свод иностранной книги, запрещенной в николаевской России, как источник по истории культуры и общественного движения в Европе первой половины XIX в. в связи с историей русской культуры и историей освободительного движения в России. Наличие в книгах многочисленных цензорских помет в сочетании с рапортами цензоров, хранящимися в архивном фонде КЦИ в Центральном государственном историческом архиве, дает возможность проследить судьбу каждого издания и экземпляра.⁶

⁵ Из литературного наследия академика Е. В. Тарле. М., 1981, с. 192. — Отметим, что возможность привлечения студентов к работе над фондом КЦИ появилась только после революции 1905—1907 гг.

⁶ В университетской библиотеке хранится составленный и выпущенный КЦИ для вполне определенного служебного употребления «Общий алфавитный список книгам на французском языке, запрещенным иностранною цензурою безусловно и для публики с 1815 по 1853 год включительно» (СПб., 1855). Это редкое издание (см. о нем в кн.: Березин-Ширяев Я. Ф.

Собрание книг КЦИ по понятным причинам не было в свое время отражено в печатных каталогах библиотеки Петербургского университета. Как целое коллекция не была сохранена и растворилась в фонде. Выявить и собрать ее оказалось возможным благодаря специальным, особого образца, переплетам (как правило, это серые матерчатые переплеты; на корешке красные наклейки с тиснением «КЦИ») и пометкам на старых карточках алфавитного каталога.

Таков один из парадоксов истории. Возникшая в результате тщетных усилий царских цензоров оградить Россию от воздействия передовых идей, библиотека Комитета цензуры иностранной является ныне существенной частью национального достояния и служит развитию отечественной науки и культуры.

ТРИ ИЗДАНИЯ «КАПИТАЛА»

(Из истории университетской коллекции
марксистской литературы)

Приобретение научной литературы для университетской библиотеки осуществлялось по заявкам профессоров; списки книг, составленные учеными, утверждались Советом университета. В архиве библиотеки сохранилось, в числе прочих, следующее предписание Совета Петербургского университета библиотекарю (за № 1480 от 9 декабря 1867 г.): «Вследствие представления юридического факультета Совет С.-Петербургского

университета предлагает Вашему высокоблагородию приобрести для университетской библиотеки следующие книги, доставленные комиссионером Я. Исаковым: [названия книг даем в русском переводе] 1. К. Маркс. Капитал, т. I (3 р. 70 к.); Ежегодник политической экономии на 1867 г. (1 р. 30 к.); 3. Общий указатель (1 р. 50 к.) [речь идет об указателе к какому-то, точнее не названному, периодическому изданию]; 4. Милль. Утили-

---

Дополнительные материалы для библиографии, или описание русских и иностранных книг, гравюр и портретов, находящихся в библиотеке любителя N.N. СПб., 1876, с. 206) интересно тем, что для каждого из 2879 сочинений, помещенных в списке (а большая их часть находится ныне в библиотеке ЛГУ), указаны год его запрещения и номер рапорта, послужившего основанием для запрета. Особенно любопытно имеющееся в конце списка примечание, в котором подытожены весьма красноречивые результаты деятельности КЦИ: «По разделению общей сложности книг на библиографические отделы самое большое число запрещенных изданий относится к истории народов, изящной словесности и политике; среднее к полиграфии, философии, богословию, описаниям путешествий и жизни исторических и разных других замечательных лиц; меньшее к правведению, педагогике и финансам».

тарианизм (2 р. 25 к.); 5. Милль. Рассуждения, т. III (5 р. 40 к.) и об уплате следуемых денег из суммы юридического факультета представить в правление университета».

Первое издание первого тома «Капитала» К. Маркса было выпущено в свет в Гамбурге издателем Отто Мейснером в начале сентября 1867 г., и уже через три месяца он поступил в библиотеку столичного российского университета. Вероятно, это один из первых экземпляров «Капитала», попавших в Россию: известно, что в Библиотеку Академии наук книга поступила лишь в феврале 1868 г.¹

Одной из первых рецензий на «Капитал», помещенных в русской легальной печати, была опубликованная в журнале «Вестник Европы» статья профессора Петербургского университета И. И. Кауфмана «Точка зрения политико-экономической критики у К. Маркса», вызвавшая интерес автора «Капитала».²

Год спустя после выхода в свет первого тома Маркс узнал, что в Петербурге издатель Н. Поляков готовит издание русского перевода «Капитала». Вначале, по просьбе издателя, участник русского революционного движения Н. Н. Любавин обратился с предложением перевести «Капитал» на русский язык к М. А. Бакунину. Однако Бакунин не понимал содержания экономического учения К. Маркса, враждебно относился к нему как к «абстрактной метафизике»: начатый им перевод первой главы был, по отзыву Н. Ф. Даниельсона, «настолько плох, что им так и не пришлось воспользоваться». К тому же вскоре Любавин получил анонимное (по обоснованному предположению исследователей принадлежащее С. Г. Нечаеву) письмо с угрозой расправы с ним, если он не освободит Бакунина от взятых им на себя обязательств по переводу «Капитала».

Заслуга создания русского перевода «Капитала» принадлежит известному революционеру Герману Александровичу Лопатину и его друзьям и единомышленникам Николаю Николаевичу Любавину (впоследствии известному ученому-химику) и Николаю Францевичу Даниельсону, известному народническому публицисту (его ошибочные взгляды на пути развития России были подвергнуты резкой критике в произведениях В. И. Ленина).

Г. А. Лопатин начал работу над переводом после побега в 1870 г. из ставропольской ссылки за границу («по дороге» он сумел еще организовать побег находившегося в ссылке философа П. Л. Лаврова). В Лондоне Лопатин познакомился и подружился с Марксом и его семьей («Немногих людей я так

¹ В библиотеке ЛГУ имеется полный комплект первого издания «Капитала», включающий в себя изданные после смерти автора под редакцией Ф. Энгельса второй и обе части третьего тома (Гамбург, изд-во Отто Мейснера, 1885 и 1894).

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 23, с. 18—20.

люблю и уважаю, как его», — писал о нем Маркс³). В работе над переводом «Капитала» Лопатин имел возможность пользоваться советами и консультациями Маркса. Лопатиным был осуществлен полностью перевод примерно трети первого тома (главы 2—6); ему принадлежит важная заслуга выработки русского эквивалента марксистской политико-экономической терминологии (марксистом, впрочем, он так и не стал).

Однако завершить работу над переводом «Капитала» Лопатину не удалось. Зимой 1871/72 г. Лопатин («...Наш смелый, до безумия смелый Лопатин», как называл его Ф. Энгельс⁴) нелегально отправляется в Россию с целью организовать побег из сибирской ссылки Н. Г. Чернышевского. Схваченный полицией, он в 1873 г. после третьей попытки сумел бежать из Сибири и снова включился в активную революционную деятельность, за которую после очередного ареста в 1884 г. заплатил более чем двадцатилетним заключением в Шлиссельбургской крепости (он был освобожден после революции 1905 г.; умер в декабре 1918 г. в Петрограде).

Перевод «Капитала» завершили друзья и единомышленники Лопатина. Первую главу перевел Любавин, а большую часть первого тома (в дальнейшем и второй и третий тома) перевел Даниельсон, вступивший с этой целью в обширную и многолетнюю переписку с Марксом и Энгельсом. Русский перевод первого тома «Капитала» вышел в свет в апреле 1872 г. Издатель его Н. П. Поляков известен в истории русского книгоиздательского дела как человек, посвятивший свою жизнь пропаганде прогрессивной и революционной литературы, он издавал сочинения Н. А. Добролюбова, А. П. Щапова, П. Л. Лаврова. Его издания неоднократно подвергались цензурным преследованиям: так, были запрещены выпущенные им переводы сочинений Г. Спенсера и Д. Дидро. Только близорукость царских цензоров, посчитавших «Капитал» книгой слишком сложной и недоступной для русского читателя, избавила от такой же судьбы издание труда Маркса.

Второй и третий тома «Капитала» в русском переводе вышли в свет вскоре после немецкого издания, соответственно в 1885 и 1896 гг. В университетской библиотеке имеется также первый том в издании О. Н. Поповой (1899 г.) и издание 1907—1909 гг. перевода под редакцией И. И. Скворцова-Степанова. Несмотря на то, что «Капитал» издавался в России легально, он неоднократно вносился в списки книг, «не дозволенных в публичных библиотеках и общественных читальнях», а по распоряжению 1895 г. даже и в научных библиотеках разрешалось выдавать книгу только для научных занятий или лицам, «заслуживающим доверия по своему общественному и служебному положению».⁵

³ Там же, т. 33, с. 403.

⁴ Там же, т. 36, с. 3.

⁵ Ильенко Е. М. Книги-борцы. Казань, 1962, с. 36.

КАПИТАЛЪ.

КРИТИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ.

СЪММЕРИИ

КАРЛА МАРКСА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЦКАГО

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

КНИГА I. ПРОЦЕССЪ ПРОИЗВОДСТВА КАПИТАЛА.

С ПЕТЕРБУРГА

ИЗДАНІЕ Н. П. ПОЛИКОВА.

1872

К. Маркс. Капитал, т. 1. СПб., 1872. Титульный лист.

В 1872 г. начал выходить в свет французский перевод «Капитала». Осуществил его Жозеф Руа, уже известный своими удачными опытами перевода философских сочинений Л. Фейербаха. Книгу выпустил издатель Морис Лашатр, участник Парижской коммуны, находившийся в это время в эмиграции в Испании. Книга выходила выпусками-сериями на протяжении трех лет, издание было завершено в 1875 г. Издатель опубликовал в книге портрет К. Маркса (портрет, предпосланный русскому изданию, был запрещен царской цензурой) и факсимильное воспроизведение письма автора к издателю. Тираж издания Лашатра составлял не менее 10—12 тыс. экземпляров. Второе издание, с новым титульным листом, с некоторыми отличиями в наборе и оформлении, было выпущено в 1885 г. преемником Лашатра Анри Ориодем.⁶ В университетском собрании редких книг представлены экземпляры обоих французских изданий.

Вскоре же после выхода в свет «Капитал» Маркса привлек к себе внимание прогрессивно настроенного студенчества Петербургского университета. С содержанием экономического учения Маркса студенты знакомились в лекциях либеральных профессоров. В «Отчете о наградах гг. слушателей С.-Петербургского университета в 1877 г.» отмечалось использование «Капитала» авторами ряда конкурсных студенческих работ по политической экономии.⁷ Но особенно широко изучался «Капитал» в студенческих кружках, о чем свидетельствуют воспоминания участников революционного движения 70—80-х годов прошлого века. При этом «Капитал» читали как в немецком оригинале, так и во французском и русском переводах.

«Капитал» имелся не только в «профессорской» библиотеке университета, но и в созданной в начале 70-х годов по инициативе Д. И. Менделеева студенческой читальне. Делами читальни и прежде всего комплектованием ее книжных фондов ведал совет, выбранный из среды радикально настроенного студенчества. Для решения вопросов о приобретении книг в читальне была заведена специальная «Книга для записывания исключительно тех сочинений, которые гг. студенты находят нужным иметь в читальне». В архиве библиотеки сохранилось несколько таких «книг», представляющих значительный интерес для изучения круга чтения, взглядов и настроений студентов Петер-

---

⁶ Обстоятельства, связанные с первыми изданиями «Капитала», тщательно исследованы в монографии: Уроева А. В. Книга, живущая в веках. 2-е изд. М., 1972.

⁷ Костылева Н. А. Первый том «Капитала» Карла Маркса в среде русской учащейся молодежи 70-х годов XIX в. — Труды Ленингр. ин-та культуры им. Н. К. Крупской. Т. 25. История русского читателя. Вып. 1. Л., 1973, с. 102.

бургского университета.⁸ В записях студентов нашел отражение и их интерес к «Капиталу» Маркса. Один из студентов жаловался на слишком краткие сроки, установленные в читальне для возврата книг: «Весьма курьезно то обстоятельство, что такие книги, как „Капитал“ Маркса, считаются возможным прочитать за 6 дней. По-моему, такие книги должны выдаваться на более продолжительный срок». Другой студент предложил приобрести для студенческой читальни «Капитал» на французском языке, что тут же вызвало реплику: «Отчего не на русском? Есть первый том русского перевода».⁹

Среди студентов Петербургского университета — активных читателей «Капитала» был Александр Ульянов и его товарищи. Один из них, В. Д. Генералов, как сообщает в своих воспоминаниях О. М. Говорухин, «с жаром взялся за Маркса, — прочитал I и II том „Капитала“». На русском языке Маркса достать было трудно, поэтому он взялся сначала читать на французском. Но так как языком владел плохо, то вступил в кружок, где Маркса читали по-русски». Известен отзыв А. И. Ульянова о «Капитале» как о самой примечательной из прочитанных им книг.¹⁰

Приобщение русского революционного движения к идеям научного социализма было связано и с процессом распространения произведений К. Маркса и Ф. Энгельса, что нашло определенное выражение в формировании фонда марксистской литературы в университетской библиотеке.

Три первых издания «Капитала» К. Маркса — немецкое, русское и французское — лишь часть богатого собрания редких изданий произведений К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, хранящегося в отделе редких книг Научной библиотеки ЛГУ. Среди них — первое издание труда Маркса «Нищета философии». Книга вышла в свет в Брюсселе в издательстве Фоглера в 1847 г., тиражом всего 800 экземпляров; в библиотеку ЛГУ она поступила в 1962 г. в составе собрания профессора А. Э. Гаваласа.

Из прижизненных изданий произведений Ф. Энгельса в библиотеке имеется второе издание его труда «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (Штутгарт, изд-во Дица, 1886), являвшееся перепечаткой без изменений с первого издания книги, которое вышло в свет в Швейцарии в 1884 г.

---

⁸ Блюм А. В. Читательские настроения и вкусы петербургского студенчества конца 70-х годов XIX в.: (По материалам новонайденных документов читальни Петербургского университета). — В кн.: Книжное дело Петербурга — Петрограда — Ленинграда: Сб. науч. трудов Ленингр. ин-та культуры им. Н. К. Крупской. Л., 1981, с. 146—161.

⁹ Там же, с. 152.

¹⁰ Сладкевич Н. Г. К. Маркс и передовое студенчество Петербургского университета 60—80-х годов XIX века. — В кн.: Очерки по истории Ленинградского университета. Вып. 1. Л., 1962, с. 113.

Другая работа Энгельса — «Анти-Дюринг» — представлена у нас третьим изданием (Штутгарт, изд-во Дица, 1894). Вышедшее в Лейпциге в 1878 г. первое издание книги было конфисковано имперскими властями после принятия «исключительных законов» против социалистов; второе пришлось опубликовать за пределами Германии, в Цюрихе; в третье издание автором были внесены существенные дополнения и изменения. Третья книга Ф. Энгельса — сборник его статей из газеты «Фолькштаат» (Берлин, 1894). Кроме того, в университетскую коллекцию входит первое издание «Переписки» К. Маркса и Ф. Энгельса, вышедшее в свет в Штутгарте в 1913 г., оно включало 1386 писем за 1844—1883 гг. и впервые в таком объеме знакомило читателей с эпистолярным наследием основоположников научного социализма.

Значительно более широко и полно собраны в библиотеке редкие русские издания произведений Маркса и Энгельса. Это книги, выпущенные группой «Освобождение труда», легальные издания, как правило, запрещенные цензурой вскоре после их выхода в свет, в том числе книги, выпущенные под измененными названиями (для обхода цензурных запретов), и осуществленные явочным порядком издания марксистской литературы в годы первой русской революции.

В частности, несомненный интерес представляет экземпляр книги К. Маркса «Заработная плата, цена и прибыль». Известно, что эта работа была опубликована в 1898 г. в двух журналах («Жизнь» и «Научное обозрение»), отдельное ее издание не было разрешено царской цензурой.¹¹ Между тем в качестве приложения к издававшемуся П. П. Сойкиным журналу «Научное обозрение» брошюра эта была выпущена в 1899 г. В нашем экземпляре в выходных данных нет никаких указаний на связь данного издания с журналом; на обложке указано только: «СПб., тип. П. П. Сойкина, 1899». Утратив связь с журнальной публикацией, книга получила самостоятельное распространение.

Более 120 названий насчитывает университетское собрание прижизненных изданий произведений В. И. Ленина. Библиотека императорского Петербургского университета, естественно, не ставила перед собой задачу собирания революционных изданий. Однако многие из ленинских работ, опубликованные в легальной печати, успевали попасть в университетское книгохранилище еще до того, как на них был наложен цензурный запрет. Так сохранился экземпляр сборника «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития», вышедшего в свет в 1895 г. Как известно, в этом сборнике была опубликована первая появившаяся в легальной печати работа В. И. Ленина «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве».

¹¹ Левин Л. А. Библиография произведений К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1948, с. 137—138.

Почти весь тираж сборника был уничтожен вскоре после выхода в свет.

Судя по печатям, некоторые издания книг В. И. Ленина ранее находились в библиотеках других учебных заведений — Высших женских (Бестужевских) курсов (сборник работ «Аграрный вопрос», ч. 1. СПб., 1908), Петербургского учительского института (сборник «Экономические этюды и статьи». СПб., 1898) и Константиновского артиллерийского училища («Материализм и эмпириокритицизм». М., 1909).

Напечатанные без предварительной цензуры в период революции 1905—1907 гг., но впоследствии арестованные и подлежащие уничтожению по постановлению прокуратуры, издания ленинских работ «Доклад об Объединительном съезде РСДРП» и «Победа кадетов и задачи рабочей партии» поступили в библиотеку университета от частных лиц.

После Октябрьской революции университетская библиотека начинает регулярно пополняться изданиями произведений В. И. Ленина. На одной из брошюр, опубликованных в 1918 г. («Доклад и заключительная речь на III Всероссийском съезде Советов») имеется штамп: «Бесплатно. Агитационный отдел Исполнительного Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». Начинается и целенаправленное собирание революционных изданий. Сформированная таким образом коллекция существенно пополнилась в начале 1960-х годов, когда были получены в дар библиотеки ряда ленинградских ученых. В числе книг М. А. Скворцова поступили издания таких работ В. И. Ленина, как «Пересмотр аграрной программы рабочей партии» (1906), «Главная задача наших дней» (1918), «Государство и революция» (1919), а в собрании профессора А. Э. Гавалласа — ученого, активного участника революционного движения и социалистического строительства в первые годы Советской власти — работы, напечатанные в 1917 г. и тогда же, судя по записям владельца, им приобретенные: «Задачи пролетариата в нашей революции», «Письма о тактике», а также брошюры времен гражданской войны.¹²

Существенная особенность этих экземпляров состоит в том, что они представляли для их тогдашних владельцев актуальный практический и политический интерес. Поступивший в составе библиотеки известного советского ученого-юриста, декана юридического факультета ЛГУ академика А. В. Венедиктова экземпляр первого издания работы В. И. Ленина «О продовольственном налоге» (М., 1921), ознаменовавшей переход к новой экономической политике, имеет на титульном листе запись А. В. Венедиктова: «Это один из 2 или 3 экземпляров, передаи-

¹² Все названия приводятся здесь так, как они указаны на обложках и титульных листах прижизненных изданий.

ных В. И. Лениным в конце апреля 1921 г. Н. П. Брюханову. Н[иколай] П[авлович] тогда же дал его мне».

Открываемая тремя первыми изданиями «Капитала» К. Маркса, университетская коллекция редких изданий произведений К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина насчитывает ныне более двухсот изданий (многие в нескольких экземплярах) и в своей совокупности является важным свидетельством распространения марксистской литературы в России.

НЕОТЧУЖДАЕМАЯ ЦЕННОСТЬ

Старопечатная книга и ее крестьянский читатель

Книга всегда была неременной принадлежностью крестьянского дома на русском Севере. Это, наряду с рукописными, книги кирилловской печати, изданные за время от начала славянского книгопечатания до первых десятилетий XX в. Связь книги с бытом северного крестьянина настолько нерасторжима и явственна, что по замыслу сотрудников историко-архитектурного заповедника «Малые Корелы» при восстановлении интерьеров крестьянских жилищ разных районов Архангельской области славянская книга, прежде всего печатная, должна стать необходимым элементом экспозиции (хотя, заметим, это не лучший способ хранения редких книг).

Истоки традиционного отношения крестьян к книге восходят к первым векам истории русской письменности. Но именно в связи с судьбой русской старопечатной книги это отношение приобрело наиболее выразительные формы характерного для своеобразной культуры северного крестьянства «почитания книжного».

Затейное патриархом Никоном исправление богослужебных книг вызвало великие духовные распри XVII в. и имело своим следствием разделение книг на «правильные» и «неправильные». Для сторонников протопопа Аввакума «правильными» были книги, появившиеся до середины XVII в., т. е. до времени, когда стали выходить «никонианские» книги.

В работе, посвященной проблемам литературы XVII в. и опубликованной в сборнике «Чтения по древнерусской литературе» (Ереван, 1980), А. М. Панченко, отстаивая принцип равноправия культур при анализе литературных эпох, показал отличие древнерусского отношения к книге от новоевропейского. Древнерусский читатель ценил в книге прежде всего ее единст-

венность, рассматривая ее, согласно установившейся традиции, как свод вечных истин. Поэтому так немногочисленны книги в его библиотеке — обычно несколько изданий и рукописей. При этом надо помнить, что на Руси всегда было очень много книг. Книга как сокровищница духовного знания должна была постоянно находиться в чтении, в нее следовало многократно вчитываться; она должна была сопровождать читателя, руководить им в течение всей жизни, стать частью его существа. Поэтому, в принципе, ее и продать было нельзя, можно было лишь передать. Если крайний случай подошел, продавали, но не торгуясь. Как нам рассказывала на Пинеге пожилая хранительница «древлего благочестия», при этом, бывало, лишь спросят — «Сколько дашь?». И уж судя по предложенной цене, решают, понимающий ли человек покупатель, образованный ли духовно, стоит ли ему книгу передавать.

Смысл, заключенный в каждой книге, понимался как общий, принадлежащий всем. К нему можно было лишь приблизиться во время чтения. Поэтому книгу нельзя скрывать, держать для себя. Ею как пищей нужно делиться. Ведь кому-нибудь она может оказаться нужнее, полезнее.

Подобное отношение к книге обусловило и особенности книгопечатания в Московской Руси. Почти все московские издания вышли из одной официальной типографии — Печатного двора. В отличие от Западной Европы, где книгоиздательство по большей части было предметом частной инициативы, на Московской Руси оно с самого начала приняло государственный характер. Да по-другому и не могло быть там, где авторитет книги был столь высоким и где каждое печатное издание освящалось светской и духовной властью царя и патриарха. Здесь не могло быть места ни частному предпринимательству, ни частному мнению.

В насыщенной глубокими культурологическими обобщениями и ставшей образцовой для всякого историка работе «О московском книгопечатании XVII в.», опубликованной во втором сборнике «Книга» (М., 1960), замечательный знаток ранней западноевропейской книги Н. П. Киселев впервые попытался раскрыть особую роль старопечатной книги в русской культуре XVII в.

В Москве в XVII в. было выпущено всего около пятисот изданий с очень ограниченным репертуаром названий — менее сотни. Причем из них чисто светских только семь. За это же время в любой крупной стране Западной Европы были напечатаны десятки тысяч сочинений. Н. П. Киселев, напомнив о том, что книгопечатание на Руси в XVI в. было заведено с целью удовлетворить все возраставшую потребность в большом количестве экземпляров богослужебных книг с «исправными» текстами, показывает, что каждое новое издание этих текстов становилось важнейшим фактором идеологической жизни.

Вокруг правки текста разгорались ожесточенные споры, нередко заканчивавшиеся для их участников трагически. Особенно обострились они, когда, с 1640 г., начали выходить «четыре книги», т. е. книги, предназначенные помимо служебного употребления и для уединенного назидательного чтения. Именно в царствование Алексея Михайловича, когда репертуар издаваемых книг был наиболее разнообразным, развернулась борьба за «старую веру». Истинность книги для этого времени была дороже всего. Н. П. Киселев показывает также, какое противодействие, особенно в последнюю треть века, когда сузился и без того неширокий репертуар названий, встречали не только попытки издания новых книг, но даже новшества в их типографском оформлении: титульный лист, столь для нас привычный, лишь эпизодически появляется с 1660-х годов; в основной массе изданий выходные данные продолжали печататься в конце книги. Царю Федору Алексеевичу в конце 1670-х годов, для того чтобы печатать авторские книги своего учителя поэта Симеона Полоцкого, пришлось даже в противовес Печатному двору организовать особую дворцовую типографию: издание столь нетрадиционных сочинений встречало противодействие патриарха.

В эпоху Петра I происходит смена ориентиров культуры. Освященный традицией приоритет духовно-религиозных ценностей оттесняется растущим престижем интеллектуальной силы. И хотя пиетет к книге сохранился, он наполнился другим содержанием. Практические знания, столь необходимые человеку той эпохи, не могли быть почерпнуты из одной или нескольких книг — потребовались десятки, даже сотни... Случайные и редкие в XVII в., библиотеки из многих тысяч томов в XVIII в. становятся правилом, мерилom образованности. В довершение всего, подчеркивая разрыв с прежними временами, Петр вводит в 1708 г. гражданскую печать для светских изданий; кирилловская сохранилась преимущественно для церковных книг. Печатная книга начинает приобретать современные нам черты.

Но богатейшая книжная традиция Древней Руси не прекращается. Вместе с последователями Аввакума она уходит прежде всего в крестьянскую среду, где таким образом сохраняется прежнее понятие о духовном авторитете книги. Наибольшим почитанием окружены древние рукописи и книги, изданные до произведенного Никоном исправления книг. Эти рукописные и старопечатные книги собираются по всем уголкам России, читаются и переписываются крестьянами. В XVIII в. появляются так называемые «старообрядческие перепечатки» с московских изданий первой половины XVII в., выполненные «строка в строку», так что неспециалист и не отличит одно издание от другого.

На помощь исследователям приходят руководства, создан-

ные самоотверженным трудом сотрудника Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина А. С. Зерновой. Сравнивая страницу за страницей, она изучила за сорок лет несколько десятков тысяч экземпляров книг кирилловской печати. Составленные ею справочники и описания позволяют по размеру шрифтов, характеру и расположению в книге типографских украшений — заставок и концовок — определить, к какому изданию относится обнаруженный фрагмент книги (нередко в руки книговедов попадает интереснейший, но дефектный экземпляр).

Типографии, выпускавшие перепечатки, были расположены на окраинах и даже за пределами Российской империи — в Клинцах, Супрасле, Почаеве, Вильне, Гродно, Варшаве, откуда книги, изданные многотысячными тиражами, различными путями расходились по стране. И среди них не только перепечатки. Издавались не напечатанные в XVII в. произведения древнерусской письменности, а также сочинения протопопа Аввакума и его сподвижников. Всего этими типографиями в XVIII в. было выпущено около трехсот изданий. К сожалению, они до сих пор все еще плохо изучены, за исключением супрасльских, каталог которых, составленный Ю. А. Лабынцевым, был выпущен в 1978 г.

Итак, в русской старопечатной книге была как бы сфокусирована духовная жизнь страны. А вся совокупность этих книг, основная масса которых в течение веков переходила в крестьянских семьях из поколения в поколение, является необходимым источником для изучения истории народной культуры.

Археографические экспедиции

Еще Петр I приказывал выискивать и свозить в столицу старые рукописные книги. Во второй половине XVIII в., в эпоху резко обострившегося интереса к национальной истории, поиск русских древностей увенчался находкой «Слова о полку Игореве». В XIX в. разыскание древних письменных памятников приобретает научный и систематический характер благодаря деятельности археографических экспедиций Академии наук, проводивших сбор и описание рукописей по всей России, в основном по монастырским библиотекам. Параллельно с неутомимыми трудами ученых и библиофилов шло выявление книг кирилловской печати. Несколько позже взор исследователей обратился к рукописной литературе конца XVII—XVIII в., крупные собрания которой уже скапливались к тому времени у купцов — выходцев из старообрядческой среды.

Лишь к концу XIX в. благодаря сочинениям писателей-путешественников и редким экспедициям на Север русское общество получило первые сведения о существовании там богатей-

шей крестьянской книжной культуры. В 30-х годах, когда замечательный собиратель, выдающийся ученый Владимир Иванович Малышев (1910—1976), тогда еще студент Ленинградского университета, поехал в свою первую экспедицию на Печору, начался новый этап отечественной археографии. Именно заботами и усилиями В. И. Малышева за последние тридцать лет было создано Древлехранилище Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР, которое по праву называют большой крестьянской библиотекой русского Севера. Сейчас Древлехранилище им. В. И. Малышева насчитывает более восьми тысяч рукописей, большая часть которых привезена с Севера. Малышевская школа археографии получила всеобщее признание. И теперь ежегодно в деревни и села страны за крестьянской книгой отправляются десятки экспедиций. Их деятельность, которую координирует Археографическая комиссия АН СССР, вносит серьезнейший вклад в осуществление закона об охране памятников истории и культуры.

Каждая археографическая экспедиция — это научное предприятие. Ее целью является не просто собирание книг, а изучение местной книжной традиции. По записям на книгах выявляются крестьянские семейные библиотеки, нередко берущие свое начало в XVII в., сведения о том, кто владел книгой, кто ее читал, кто переплетал, поновлял пришедшие в негодность листы, кому ее дарили или продавали. Сопоставление почерков и переплетов позволяет определить особенности бытования книги в данной деревне, местности.

Без словесной «легенды», обычно рассказываемой владельцем и учитываемой участниками экспедиции, без знания того, откуда книга, кто был ее, хотя бы последним, владельцем, старопечатная книга теряет добрую половину своего научного значения. А если обнаруженный экземпляр дефектный и притом «невемо откуль», то предпочтительнее обратиться к полному, хранящемуся в каком-либо из книгохранилищ страны. Именно такой «безродной» книга становится, не только попадая в руки любителей наживы, нарушающих закон, согласно которому собирание рукописных и старопечатных книг у населения разрешено только археографическим экспедициям и уполномоченным на то лицам и организациям, но и когда оказывается у бездумно следующих моде любителей старины. В конце концов и эти книги иногда попадают в государственные хранилища, но при этом они значительно обесцениваются, будучи вырваны из конкретно-исторической среды.

Все это ни в коей мере не относится к настоящим собирателям, знающим и понимающим старопечатную книгу. Как в XIX в., так и теперь их коллекции со временем поступают в библиотеки: достаточно назвать собрание рижского знатока рукописной книги И. Н. Заволоко (его собрание было им безвозмездно передано в Древлехранилище Пушкинского До-

ма) и старейшего московского библиофила М. И. Чуванова.¹ Каждое такое собрание является памятником русской культуры.

Иногда археографов упрекают в том, что-де и они вырывают книги из многовекового уклада. Ответом на подобные упреки может служить не просто ссылка на то, что эти книги теперь уже мало кто читает или понимает, а из-за небрежного хранения в деревнях они часто гибнут, пропадают, но и обеспокоенность самих, более считающихся с реальностью, владельцев о судьбе принадлежащих им книг. Они знают, что книга должна приносить пользу, что ее нужно передать в надежные руки.

Чем больше сведущ такой человек в книжной старине, тем быстрее, почти сразу, он понимает цель археографа, ведь их объединяет уважение к книге, стремление сохранить ее. Напротив, чем менее человек понимает смысл книги, тем суевернее он держится за нее. Недаром в Древлехранилище на стенде, посвященном коллекционерам, передавшим в Пушкинский Дом свои богатые собрания, с фотографиями известных ученых соседствуют портреты северных крестьян. Этим подчеркиваются равные заслуги тех и других в сохранении книжного наследия Древней Руси. Для В. И. Малышева с его демократизмом, искони присущим лучшим русским ученым, личность владельца была неотделима от связанных с ним рукописей. Поэтому он в течение десятилетий переписывался с крестьянами, вникая во все подробности их жизни. Эта переписка является замечательным документом и представляет собой образец поведения для каждого археографа. Ведь передавая книги археографам, крестьяне верят им, и те должны оправдать это доверие, продлевая жизнь книжной традиции в своих исследованиях. О том, насколько велико чувство ответственности владельцев за судьбу своих книг, даже после их передачи археографам, говорит тот факт, что, приезжая в Ленинград, они прежде всего отправляются посмотреть на свои книги. Уходят они удовлетворенные, удостоверившись: книги хранятся надежно и служат науке.

С 1963 г. археографические экспедиции отдела редких книг Научной библиотеки ЛГУ проходят в тесном сотрудничестве с Древлехранилищем Пушкинского Дома. Обнаруженные в совместных экспедициях старопечатные книги поступают в университетскую библиотеку. В 1970 г. был выпущен каталог хранящихся здесь книг кирилловской печати,² в котором подробно описаны и экземпляры, привезенные с Севера. Исследования рукописной традиции на основе изучения фондов Древлехра-

¹ Поздеева И. В. Коллекция старопечатных книг XVI—XVII вв. из собрания М. И. Чуванова. М., ГБЛ, 1981.

² Каталог книг кирилловской печати 16—17 веков / Сост. А. Х. Горфункель. Л., 1970.

нилища и книговедческий анализ старопечатных изданий, дополняя друг друга, позволят со временем создать цельную картину истории северной книжности.

Издания Ивана Федорова

Каждое из двенадцати изданий, выпущенных Иваном Федоровым с 1564 по 1581 г., является непревзойденным шедевром славянского книгопечатания. Типографское искусство первопечатника надолго определило пути московского книгопечатания. Поэтому каждая новая находка полных экземпляров его изданий или их фрагментов становится событием в культурной жизни нашей страны.

В Научной библиотеке ЛГУ имеется восемь экземпляров шести изданий Ивана Федорова, из них четыре экземпляра привезены с берегов Печоры и Северной Двины в 1965—1970 гг. Это — второе издание «Часовника» 1565 г. (второй экземпляр из учтенных в библиотеках СССР), заблудовское «Евангелие учительное» 1569 г., львовский «Апостол» 1574 г., фрагменты «Нового Завета с Псалтирью», изданного в Остроге в 1580 г. Еще один экземпляр острожского «Нового Завета с Псалтирью» был обнаружен в 1980 г. в одной из деревень по среднему течению Северной Двины группой студентов-археографов ЛГУ во главе с сотрудником рукописного отдела Публичной библиотеки Е. М. Шварц. Судьба этой книги непосредственно связана с древнерусской книжной традицией. В отличие от ранее поступившего экземпляра, где сохранившиеся фрагменты просто дополнены рукописными вставками XIX в., неполнота нового носит, так сказать, функциональный характер.

Одной из особенностей московского книгопечатания по сравнению с книгоиздательством на территории Белоруссии и Украины было то, что до 1702 г. в Москве не появилось ни одного издания Нового Завета. Только в 1663 г. был издан полный текст Библии — но единственный раз за полтора столетия. Зато часто издавались специально предназначенные для богослужебных ежедневных чтений «Евангелие» и «Апостол». (Напомним, что «Апостол» был первой книгой, напечатанной Иваном Федоровым в Москве в 1564 г.)

В привезенном с Севера в 1980 г. экземпляре «Нового Завета с Псалтирью» сохранилась только соответствующая «Апостолу» (деяния и послания апостолов) часть текста, приспособленная для использования при богослужении: в ней сделаны рукописные дополнения перед началом печатного текста, вклеены рукописные оглавления к разделам. Печатный текст размечен от руки указаниями на то, когда следует читать тот или иной отрывок. Каждый лист книги (а их более двухсот) аккуратно реставрирован: оклеен полосками бумаги с четырех сторон. Новые рукописные и старые реставрированные листы

тщательно подогнаны по размеру. Такое «приспособление» осуществлено, если судить по времени изготовления бумаги, не ранее 40-х годов XVII в.

Тогда же была добавлена миниатюра, изображающая апостола Луку. Она помещена непосредственно перед печатным текстом, после предваряющих рукописных разделов и оглавления — по образцу печатных «Апостолов», где на этом месте находится гравюра.

И, наконец, в XIX в. после вторичной реставрации листов и изготовления нового переплета книга приобрела свой теперешний облик. Это стремление держать книгу в порядке, неоднократно ее восстанавливая и переплетая, объясняется еще и тем, что стоила она дорого и достать ее было трудно, часто было легче и дешевле ее переписать.

По данным на 1979 г. известно 55 экземпляров «Нового Завета с Псалтирью». Но наш — не последний; каждый год поиски в библиотеках и музеях, а также результаты археографических экспедиций дают сведения о новых находках. О том, насколько индивидуальна судьба всех этих книг, свидетельствует и экземпляр университетской экспедиции 1980 г.: он несет на себе отпечаток четырех столетий.

Три экспедиции на Пинегу

Пинежский край является одним из самых замечательных и своеобразных мест русского Севера. «Русский крестьянин, — писал академик Д. С. Лихачев, — своим многовековым трудом создавал красоту русской природы».³ Именно здесь — на Пинеге — приобретает осязаемые для глаза черты вошедшая в самую сердцевину русской культуры за тысячелетнюю ее историю идея «домостроительства» — повседневного упорядочения и украшения мира. «Ухоженный рельеф» (выражение Д. С. Лихачева) речной долины, луга, отвоеванные столетия назад у леса поля, дороги... Деревни, то расположенные невдалеке друг от друга на равнинных местах — кустами, то отделенные десятками километров, вытянувшиеся вдоль Пинеги при неожиданном повороте ее течения... Пинежские избы, обладающие единственным в своем роде характером наряда и строения, часовни, церкви, монастыри...

Пинега издавна является неисчерпаемой сокровищницей для фольклористов, диалектологов, историков народного быта, исследователей деревянного зодчества. Позже других проложили пути в этот район собиратели и исследователи северной книжности. Ежегодные археографические экспедиции Пушкинского Дома, филологического факультета и библиотеки Ленинград-

³ Лихачев Д. С. Заметки о русском. М., 1981, с. 22.

ского университета за период с 60-х до начала 70-х годов позволили создать Пинежское собрание Дрeвлехранилища им. В. И. Малышева, включающее в себя около шестисот рукописей. За это же время большое количество старопечатных книг поступило с пинежских берегов в университетский отдел редких книг.

Уже количество находок говорит о том, что книжность была неотделима от всей жизни пинежан. Здесь в каждом доме были книги, которые читали и обсуждали. Забота о книгах, об их судьбе для пинежанина стояла на одном из первых мест, а книгочеи всегда почитались как самые уважаемые люди. И точно так же, как в процессе неустанного труда преобразалась пинежская природа, под влиянием книжной традиции в течение столетий образовывалась и облагораживалась жизнь пинежских крестьян. Не удивительно, что многих из них, искушенных старинной книжностью, отличает особый склад ума и бытового поведения, который мы привыкли называть интеллигентностью. Отсюда добросердечность и отзывчивость, которые они проявляют даже при первой встрече, внутренняя свобода, с которой они в беседе от обсуждения обыденных предметов переходят к размышлениям о судьбах мира и человечества.

В 1979—1981 гг., после долгого перерыва, были проведены три контрольные археографические экспедиции на Пинегу. И хотя их результаты оказались весьма скромными по сравнению с экспедициями 60-х годов, они вновь подтвердили вывод о древности и богатстве пинежской книжной традиции. Основное место работы экспедиций — селения, расположенные по среднему течению Пинеги, где прежде жило много старообрядцев. Любопытно, что за пределами этого района исчезает россыпь книжной старины. Гонимые царскими властями, притесняемые представителями официальной церкви, «староверы» наряду со старым укладом жизни сохраняли из поколения в поколение памятники древней письменности. Поэтому районы с традиционным старообрядческим населением в первую очередь привлекают внимание археографов.

Книги на Пинеге встречаются в странных и на первый взгляд порой даже несовместимых сочетаниях. Но для такого положения были основания. Так, нередкой еще в начале XX в., по рассказам стариков, была картина, когда в избе за столом члены одной семьи (а семьи на Пинеге традиционно большие) ели не из одной, а из трех мисок: из одной — «мирские» (так староверы называли тех, кто принадлежал к официальной церкви), из другой — старообрядцы-беспоповцы (поморского согласия), из третьей — «австрийцы» (австрийское старообрядческое согласие имело священство). Можно только представить себе то духовное напряжение, в котором они жили. Ведь принадлежность к тому или иному согласию определяла строгие

правила бытового и трудового поведения: жителей одной из деревень уважали и почитали за то, что они — промысловые охотники — птицу силками не ловят («божью тварь нельзя мучить»).

Это смешение различных толков, даже в одной и той же семье (причем приверженцы каждого из них доказывали свою правоту ссылками на тексты), при постоянной циркуляции книг в этом крае, находившемся в стороне от главных дорог русского Севера, породило то многообразие пинежской книжной традиции и придало ей тот особый характер, который позволяет говорить даже о нескольких ее слоях.

Первый — самый древний и ранний — связан с традициями древнерусской культуры (на Пинеге был обнаружен ряд уникальных памятников древней письменности). Он отражает особенности быта северных крестьян — свободных землепашцев. Как показал ленинградский ученый, историк русского крестьянства А. И. Копанев на основании анализа писцовых книг XVII в., крестьяне по преимуществу на свой счет «снаряжали» церкви необходимыми книгами. А их нужно было несколько десятков для каждой. Книги же в XVII в., да и позже, стоили, как уже говорилось, дорого. Крестьяне складывались по копейке, по полушке и покупали нужные издания. В каждой такой книге имеется длинная «скрепа» (запись по нижнему полю листов всей книги) с точным перечислением, кто и сколько дал денег (нередко приводятся десятки имен). Кроме вышеназванных общинных вкладов были и индивидуальные, когда, например, книга «отказывалась» по крестьянскому духовному завещанию.

Высокая цена печатных книг, их труднодоступность (особенно в первые десятилетия после начала московского книгопечатания) вынуждали прибегать к переписыванию. На Пинеге по крайней мере с конца XVI в. прослеживается своя рукописная традиция. Именно этим временем датируется рукописный «Месяцеслов», найденный в 1979 г. Запись в книге сохранила имя местного переписчика, выполнявшего, по всей видимости, заказ пинежских крестьян: «Дьячек Дениско, Ильин сын, променил книгу сию полууставье своего писма Трофиму, Петрову сыну, и миряном Лавелской волости и Сурской, а в дом Ильин Пророку в Лавелу, а взял на книге двадцать алтын денег и руку свою приложил».

В 1980 г. была обнаружена небольшая рукопись, приписка к которой убедительно показывает, что уже в XVII в. пинежские крестьяне сами начинают переписывать книги: «...списана бысть сия богодохновенная книга Часовник с печатные книги московские. А списывал сию книгу на Пенеге реке Кевролского стану Кушкопалской волости Сергушка Ананьин своею рукою про себя лета 7190 (т. е. в 1682 г.) году месяца марта».

В XVIII в. переписывание книг, самостоятельное составление сборников произведений и, наконец, крестьянские библиотеки становятся на Пинеге обычным явлением. Благодаря археографическим экспедициям до нас дошли остатки родовых крестьянских собраний, имена их владельцев. Например, хорошо известны книги семьи Рудаковых. Теперь к ним добавились еще две. В 1979 г. в одной из деревень нашлась рукописная книжечка с такой владельческой записью 1786 г. — «кеврольца с Ваймуши Григорья Иоанова сына Рудакова», а в 1980 г. в другой деревне — рукопись, переписанная этим же Григорием Рудаковым в 1798 г. Особенно интересны в первой книжке разделы, посвященные грамоте и чтению, — «Азбука от книги осмочастния, сиречь граматики», толковая азбука, «Сказание, како состави святой Кирил философ азъбуку на языке словенску и книги преводе на словенъский языкъ», молитва «на учение грамоте детям».

Чтение крестьян не ограничивалось книгами кирилловской печати. Постепенно до них доходили и светские книги. Неподалеку от районного центра — с. Карпогоры, немного ниже по течению Пинеги, в двух деревнях удалось напасть на след крестьянской библиотеки Шиловых первой половины XIX в. Среди прочих книг — перевод выдающегося памятника гуманистической педагогики эпохи Возрождения сочинения Эразма Роттердамского «Младым детям наука» (М., 1788) и увесистый том, содержащий переплетенные вместе номера с июля по ноябрь 1764 г. журнала «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие». Этот журнал, издававшийся в середине XVIII в. Петербургской Академией наук, по богатству и уровню подготовки опубликованных материалов считается одним из лучших русских периодических изданий того времени. Обе книги имели широкое обращение в крестьянской среде: помимо записей самих Шиловых они заполнены многочисленными читательскими заметками других крестьян.

Необходимо отметить, что пинежане всегда отличались особой основательностью в делах, трудолюбием. И если они попадали благодаря талантам в другие земли нашего обширного отечества, то их таланты быстро распознавались, и они часто становились не последними людьми на своем поприще. При этом они никогда не забывали своих родных мест.

Из Кевролы уехал в 80-х годах прошлого века Василий Иванович Тюлев. Служил в Петербурге по железнодорожной части; имел отношение к строительству Транссибирской магистрали. Жил скромно, женат не был. Все свои доходы, по рассказам внучатых племянников, он тратил на благотворительные цели: построил в Кевроле школу и оборудовал ее; соорудил по обычаю своего времени здание для новой церкви; помогал и своим родственникам-крестьянам, и малоимущим односельчанам (одаривал деньгами на свадьбу и т. д.); присылал

книги для школы и писанные маслом картины для своих братьев...

Следующий слой составляют старообрядческие издания, от перепечаток XVIII столетия вплоть до изданий начала XX в. И здесь за каждой книгой стоят живые судьбы пинежских крестьян. Об этих судьбах мы узнаем не только из их записей на книгах, но и из других источников.

В 1900-х годах напротив Суры, на другом берегу Пинеги, жили пять братьев Никифоровых. Одни принадлежали поморскому согласию, другие перешли в австрийское. Но нелегко дался им этот переход. В одной из книг, принадлежавших братьям, сохранилось письмо, датированное 1908 годом, старшему из братьев Матвею мезенского начетчика И. Жмаева, приглашенного для участия в «спорах о вере»; в этом письме он сообщает о своем намерении посетить Суру и сетует на то, что Иоанн Сергиев сманивает деньгами к себе крестьян. Протоиерей кронштадтского Андреевского собора Иоанн Сергиев был родом из Суры. Он построил в Суре женский монастырь, материально поддерживал своих сторонников. Идеолог крайней монархической реакции, он вел наступление на здешнее старообрядчество, распространяя также соответствующую литературу. О том, сколь велик был его авторитет в Суре, свидетельствует тот факт, что почитатели воздвигли сруб над избой, где он родился. Особое впечатление произвел его приезд в Суру, куда он приплыл на пароходе «Св. Николай» из Петербурга, пройдя в бассейн Северной Двины по каналам Мариинской системы. В таких условиях братьям Никифоровым было нелегко противостоять «миссионерской» деятельности официальной церкви.

От родственников братьев археографы получили в дар несколько замечательных книг: рукопись («Миния общая») XVI в., том печатного «Пролога», изданный в Москве в 1643 г. В «Прологе» в марте 1646 г. неким Дементием Юриновым сделана вкладная запись «за брата своего»; читается запись с трудом, так как была выскоблена. Вероятно, в XVIII в., до появления перепечаток, когда спрос на дониконовские издания был особенно велик, эта книга попала на Север, а следы, говорящие о прежних владельцах, были выведены. Среди принадлежавших Никифоровым книг была и перепечатка «Азбуки» В. Ф. Бурцова 1637 г., выполненная в Москве в 1885 г. лист в лист. По многочисленным воспроизведениям известна гравюра из бурцовой «Азбуки», на которой изображена порка нерадивого ученика.

Опыт человеческого общения с хранителями и дарителями книг столь же важен для исследователя, как и сами памятники рукописной и печатной традиции. Это один из важнейших принципов малышевской школы археографии. Условия работы для археографов на Пинеге очень сложные, хотя они и облегча-

ются в значительной степени тем обстоятельством, что здесь добрую память о себе оставили сотрудники экспедиций 60-х годов. Трудности же заключаются в том, что слишком много за эти годы побывало на Пинеге «охотников до старины», злоупотреблявших доброжелательством и гостеприимством северян. Противозаконная деятельность этих «охотников» породила настороженность у пинежских жителей ко всякому новому человеку, интересующемуся стариной. Однако настороженность рассеивалась, когда они узнавали, что перед ними ленинградские археографы, занимающиеся научным изучением книжных древностей (не последнюю роль в этом играло и знакомство с соответствующими документами). Во время многочасовых бесед мы как бы проникались их повседневными заботами, рассказы о которых перемежались повестями о судьбе книг. Ведь то и другое в жизни пинежан неразрывно связано.

Все, с кем бы мы ни встречались, читали, и почти все имеют у себя книги своего знаменитого земляка, писателя Федора Абрамова. И как бы порой по-разному ни относились они к содержанию его книг, всех их кровно волнуют проблемы современной сельской жизни, затронутые в этих произведениях. Более того, мы встретились с явлением фольклоризации его повествований: как-то одна пожилая женщина рассказала историю из запомнившейся ей книги таким же образом, с таким же доверием к истинности описания, в такой же речевой манере, с какими на Пинеге пересказывают повести из «Пролога» и наиболее трогательные места из «Златоуста».

Одно из самых незабываемых впечатлений всех трех экспедиций — это вид со стороны Верколы на остатки Веркольского мужского монастыря и часовню, поставленную на месте, где был поражен молнией отрок Артемий Веркольский, почитавшийся местный святой. Описание этого пейзажа у Федора Абрамова цитировали нам веркольские жители в доказательство того, что жизнь именно их деревни выведена в его романах. И здесь мы столкнулись с проявлением воспитанной поколением пинежан заботы о сохранении памятников старины. Одно из самых больших сооружений монастыря сейчас никак не используется (в остальных зданиях бывшего монастыря размещается школа) и постепенно разрушается. Оно относится к числу рядовых построек XIX века, но веркольцы, привыкшие с детства каждый день видеть это самое высокое здание монастыря и хорошо понимающие, какую роль оно играет во всем великолепии открывающегося из деревни вида, не могут согласиться с тем, что для кого-то это не шедевр архитектуры, и готовы своими силами предотвратить его разрушение.

В Верколе жил хорошо известный археографам 60-х годов и передавший им немало рукописей и книг последний из пинежских книголюбив-знатоков — Иван Андреевич Бурачкин (по уверениям веркольских жителей, прототип одного из героев ро-

манов Ф. Абрамова). После трагически нелепой смерти Ивана Андреевича его собрание старопечатных книг быстро разошлось по рукам. Случайно в десятках километров от Верколы удалось найти две принадлежавшие ему книги — «Триодь цветную» (М., 1621) и «Шестоднев», отпечатанный в 1640 г. московским печатником Василием Федоровым Бурцовым. Оба экземпляра — в прекрасном состоянии, с почти полным числом листов. Обычно к археографам попадают дефектные экземпляры изданий XVI—XVII вв. Найти такие полные экземпляры, как у И. А. Бурачкина, удается редко. Как знаток книжной старины, он предпочитал дониконовские издания первой половины XVII в. их позднейшим перепечаткам.

На Пинеге теперь уже почти не осталось людей, способных различать книги по их древности. Зато популярны стали за последние десятилетия рассказы о «множестве книг». Поэтому археографам приходится нередко иметь дело со смесью истинных фактов с небылицами. Когда в печати сообщается о находках уникальных экземпляров старопечатных книг, мало кто задумывается над тем, что путь к этим находкам прокладывается многочасовыми, многодневными, многомесячными поисками, расспросами, беседами.

Последний слой археографических находок — это синодальные и противораскольнические книги XVIII — начала XX в., которые распространялись на Пинеге в великом количестве. Издания синодальных типографий XVIII в., особенно первой его половины, изучены недостаточно. Археографы часто привозят не учтенные библиографами синодальные издания кирилловской печати, отсутствующие в крупнейших книгохранилищах и потому не включенные в специальные указатели.

Летом 1981 г. в Кевроле сотрудники экспедиции нашли книги, некогда принадлежавшие местной, чухченемской Никольской церкви. (Ряд книг из этой церкви, в свое время разошедшихся «по людям», поступил от пинежан в книгохранилища Ленинграда еще в 60-х годах.) Среди новых находок — рукописный синодик (помянник) Чухченемского прихода, составленный в середине XVIII в., «Поучения» архиепископа Воронежского и Задонского Игнатия (СПб., 1848) и первый том сочинения Куаие «История польского короля Яна Собеского», изданный в Варшаве на французском языке в 1761 г.

В 1962 г. во время первой экспедиции на Пинегу А. М. Панченко и А. С. Демин обнаружили небольшой синодик, составленный в XIX в. священником чухченемской церкви Прокопием Семеновым. Среди использованных им источников П. Семенов указывает и какой-то синодик XVIII в. Этим синодиком и оказалась рукопись, полученная в Кевроле. Трудно переоценить значение этой находки. Помимо обычного своего состава синодик содержит списки крестьянских родов прихода. При чем тот же Прокопий Семенов приписал туда имена усопших

прихожан с 1851 по 1883 г. Таким образом, благодаря этой находке мы получили интереснейший источник для изучения крестьянских родословных на Пинеге XVIII—XIX вв.

Том сочинения писателя эпохи французского Просвещения аббата Куайе (того самого, чей трактат «Торгующее дворянство» перевел Д. И. Фонвизин) был подарен отцу Прокопия Семенова — Алексею Афанасьевичу, «философии студенту» в 1819 г., как об этом свидетельствует дарственная надпись. А в 1846 г. свой автограф на книге оставил тоже семинарист — «ученик философии Прокопий Семенов».

В тот же синодик П. Семенов вписал и имя своего родственника — архиепископа Игнатия. Игнатий (1791—1850 — в миру Матвей Афанасьевич Семенов) родился на Пинеге в семье бедного пономаря. Он рано выдвинулся благодаря своим способностям; был учителем французского и греческого языков в Архангельской семинарии; быстро достиг высокого положения в церковной иерархии. Широко образованный человек, член нескольких ученых обществ, Игнатий оставил ряд исторических сочинений и краеведческих очерков. Не забывал он и своей родины: неоднократно он посылал пинежским родственникам свои сочинения (одну из таких книг мы, по всей видимости, и обнаружили). Писал он и по вопросам раскола.⁴ Просветительское снисхождение к «раскольникам» во времена Екатерины II (не исключавшее, впрочем, жестоких гонений) сменилось в царствование Николая I резким усилением репрессий, что отразилось в тенденциозно-осудительном тоне рассказов даже такого знатока старообрядчества, как П. И. Мельников (Печерский). Игнатий, по долгу и убеждениям много полемизировавший и боровшийся со старообрядцами, все же в определенной степени противостоял нетерпимости и карательной политике царского правительства по отношению к старообрядцам, когда писал о необходимости в первую очередь внимательного изучения их взглядов и сочинений, призывал к сбору памятников старообрядческой рукописной традиции: «Нельзя, однако же, сказать и того, чтобы не можно было правильно узнавать расколы. Археографическая экспедиция, ученые общества, занимающиеся разысканием древностей, и частные любители-исследователи старины открыли множество неизвестных прежде письменных памятников в этом роде. У самих отделенцев наших есть старинные рукописи, кои берегутся, как особенное сокровище, как душа их, но и с охотою иногда объявляются ими самими, как скоро любопытствуют об них сторонние в духе участия, а не суда, или осуждения, как и мы хотели всегда поступать с ними... Между тем весьма нужно

---

⁴ Артоболевский С. А. Игнатий, архиепископ Воронежский и его пастырско-миссионерская деятельность: Историко-биографическое исследование. Уфа, 1904.

и поспешить сбережением таких сведений из книг их и рукописей. Всепосядающее время скоро истребит их может».⁵ Сам Игнатий в бытность свою олонецким епископом собирал такие сведения. В Центральном государственном историческом архиве СССР в Ленинграде сохранилось несколько сборников, составленных Игнатием и содержащих разнообразные материалы по истории раскола, в частности, копии посланий протопопа Аввакума и других старообрядческих сочинений. Можно думать, что такое терпимое отношение к староверам зародилось у Игнатия еще в детстве и укрепилось во время частых посещений Выгорецкого старообрядческого общежития, которое находилось на территории Олонецкой епархии. На Пинеге, где быт мелкого причета не многим отличался от крестьянского, он мог видеть, какую роль играет книга в жизни крестьян. Старообрядческие же предания здесь восходят к XVII в.

О том, насколько жива до сих пор на Пинеге традиция прежнего крестьянского отношения к книге, свидетельствуют два таких примера. В окрестностях Суры нам довелось встретиться со старушкой, которая «по-славянски», как она говорит, читать не умеет. Имеется у нее лишь несколько изданий начала века из монастырской библиотеки. Но на каждой книге она, как и пинежский читатель сотни лет назад, записывает свое имя и фамилию, указывает возраст, отмечает не только время чтения, но и то, когда Пинега стала и вскрылась, когда картошку посадила. И пишет это она не для соседей, не для потомков, ибо лишена пустого тщеславия. Человек, для которого чтение книги есть важнейшее дело в жизни, как бы отчитывается перед ней, записывая, кто он, откуда, какие дела происходят вокруг в мире. Одну из таких книг она подарила археографам. Это изданное в Петербурге в 1821 г. сочинение популярного тогда в России немецкого мистика К. Эккартсгаузена.

Среди полусотни книг (в том числе старопечатных), принадлежащих другой пожилой крестьянке, проживающей тоже поблизости от Суры, нашлись книги из серии «Философское наследие» (издательство «Мысль») — том сочинений Николая Кузанского и «Философия религии» Гегеля. Купила их восьмидесятилетняя владелица сама в книжном магазине. А на вопрос, читает ли она эти книги, ответила, что читает, что книги хорошие, но что старые книги (указав при этом на старопечатные издания) пишут о том же лучше. Скорее всего, постоянное чтение старой учительной литературы позволило ей читать и понимать, пусть очень по-своему, Кузанца и Гегеля.

В результате археографических экспедиций собрание русских старопечатных книг XVI—XVII вв. Ленинградского университета, начало которому было положено еще в XVIII в. не-

⁵ Игнатий (Семенов), архиеп. История о расколах в церкви российской. Ч. 1. 2-е изд. СПб., 1862, с. 8—9. — Первое издание вышло в 1849 г.

сколькими изданиями из библиотеки П. Ф. Жукова, а основу составили дары В. А. Пивоварова, увеличилось более чем вдвое. За двадцать лет более четырехсот книг кирилловской печати поступили в университетскую библиотеку. Среди них уникальные памятники славянского и русского книгопечатания. Например, «Осмогласник» — первая книга, напечатанная кирилловским шрифтом в Кракове в 1491 г. типографом Швайпольштом Фиолем. Сохранилось всего семь экземпляров этой книги. Университетский экземпляр был найден на Пинеге в 1965 г. Дошел он до нас в более полном виде по сравнению с другими экземплярами (кроме единственного полного, хранящегося в ГБЛ), а служил дольше — почти пять столетий. Археографами были привезены «узкошрифтное» Евангелие 50-х годов XVI в., вышедшее в Москве из анонимной типографии, издания Ивана Федорова, редчайшие виленские издания конца XVI в., книги XVII в., вышедшие в Москве, Киеве, Кутеине. Особенно важны не учтенные в библиографиях книги московской печати XVII в., так как они расширяют наши представления о книжной продукции московского Печатного двора.

За все эти находки, каждая из которых добавляет новые черты к отечественной истории, мы должны прежде всего благодарить тех людей, которые эти книги для нас сохранили. Старопечатная книга вошла в плоть и кровь нашей культуры, стала ее неотчуждаемой ценностью. Наш общественный, нравственный долг состоит в том, чтобы продолжить ее изучение.

СПИСОК ВАЖНЕЙШИХ КНИЖНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ, ХРАНЯЩИХСЯ В НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

«Не останавливаясь на приобретении других кабинетов и лабораторий, упомяну об учреждении, без которого университет — то же, что тело без души, по выражению Феофана Прокоповича, то есть о библиотеке».

Академик М. И. Сухомлинов¹

первого дня своего существования университетская библиотека пополнялась за счет даров и пожертвований. Если бы был составлен перечень всех дарителей, то он занял бы не одну сотню страниц: представители различных общественных слоев, профессора, студенты, ученые, писатели почтительно за честь и считали своим долгом заботиться о приумножении библиотеки университета. Но кроме этих единичных даров в университет поступали личные собрания выдающихся деятелей отечественной науки и культуры, библиофилов, рядовых собирателей. Именно эти частные библиотеки придают неповторимый облик университетской книжной коллекции. С личной библиотеки начиналась двести лет назад история университетского книжного собрания. К 1917 г. книги, поступившие в составе личных библиотек, образовали почти треть полумиллионного книжного фонда университета. В предлагаемый список включены только важнейшие с историко-культурной точки зрения книжные собрания. Здесь, например, не отражены многочисленные поступления коллекций восточных рукописей, составивших в своей совокупности ценнейшее собрание восточного отдела Научной библиотеки ЛГУ. Однако материалы для такого списка имеются, и можно надеяться, что со временем эта задача будет выполнена университетскими востоковедами. Публикуемый перечень составлен в основном по материалам архива Научной библиотеки Ленинградского университета (Архив НБ ЛГУ) с использованием печатных источников (главным образом годичных отчетов университета), а также документов Ленинградского государственного исторического архива (ЛГИА) и Центрального государственного исторического архива (ЦГИА). Неполнота сведений о некоторых книжных коллекциях объясняется, во-первых, тем, что формы фиксации новых поступлений неоднократно менялись на протяжении истории

¹ Отчет о состоянии и деятельности С.-Петербургского университета за 1873 год, читанный на публичном акте университета 8 февраля 1874 года ординарным профессором М. И. Сухомлиновым. — В кн.: Протоколы заседаний Совета С.-Петербургского университета за вторую половину 1872/73 акад. года. № 9. СПб., 1874, с. 69.

университетской библиотеки, и, во-вторых, тем, что для некоторых периодов ее существования документов почти не сохранилось. Для каждой коллекции указаны: год поступления, сведения о владельце (годы жизни, род занятий, отношение к университету), число названий и томов, краткая характеристика собрания, местонахождение (отделы НБ ЛГУ — восточный, филологический, юридический, общественных наук; нахождение коллекции в основном фонде специально не оговаривается). Далее указывается местонахождение описи или списка книг; это вызвано тем обстоятельством, что книжные собрания, поступавшие в университетскую библиотеку, расплывены по основному фонду и его отделам. Восстановить состав этих собраний можно только с помощью описей и экслибрисов, имеющих почти для каждой коллекции. Списки книг, поступивших из частных коллекций с 1878 по 1929 г., находятся в нескольких томах хранящегося в Архиве НБ ЛГУ рукописного инвентаря университетской библиотеки (далее — Инвентарь, с обозначением времени начала и окончания заполнения каждого тома). Наконец, после этих сведений приводится один из печатных источников, где содержится данные о судьбе названной коллекции. Для собраний, поступивших до 1870 г., ссылки даются в основном на книгу В. В. Григорьева (Григорьев В. В. С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб., 1870; далее — Григорьев, с указанием страницы). Помимо этого всякий раз дается ссылка на сохраняющийся до сих пор научное значение (несмотря на ряд неточностей и ошибок) подробный указатель русских частных библиотек У. Г. Иваска (Иваск У. Г. Частные библиотеки в России. — Русский библиофил, 1911, № 3, с. 55—74; № 4, с. 45—54; № 6, с. 71—85; № 7, с. 77—95; № 8, с. 68—77; ч. II. Приложение к «Русскому библиофилу» 1911 года. СПб., 1912, 80 с.; далее — Иваск, с указанием номера описания). Коллекции перечислены в хронологическом порядке. Данные о частных собраниях, входивших в состав библиотек Высших женских (Бестужевских) курсов (к 1919 г.), Петроградского археологического института (к 1922 г.) и Ленинградского восточного института (к 1938 г.), приводятся после сведений о передаче университету библиотеки этих учебных заведений. В списке приняты следующие сокращения: деят. — деятельность; дост. — доставление; оконч. — окончил; отд. — отдел, отдельный; получ. — получено; приобрет. — приобретено; сост. — состояние, состав, составленный; ВЖК — Высшие женские (Бестужевские) курсы; ВОЛСНХ — Вольное общество любителей словесности, наук и художеств; КЦИ — Комитет цензуры иностранной; ПЦК — Петербургский цензурный комитет.

1783 г. **Жуков Петр Федорович** (1736—1782), коллежский советник. 1062 т. Приобрет. Екатериной II. В 1783 г. книги переданы Учительской семинарии при Главном народном училище в Петербурге. Книжное собрание универсального содержания с преобладанием изданий XVIII в. по истории и географии. Первоначальное ядро университетской б-ки. — *Начало университетской библиотеки. (1783 г.) Собрание П. Ф. Жукова — памятник русской культуры XVIII века: Каталог / Сост. А. Х. Горфункель, Н. И. Николаев. Л., 1980.*

1809 г. **Иноходцов, Петр Борисович** (1742—1806), астроном, академик. Около 250 т. (193 назв. — ЛГИА, ф. 13, оп. 1, д. 4213, л. 115). Б-ка (367 назв. — ЦГИА, ф. 732, оп. 1, д. 128, л. 62—90) приобрет. в 1809 г. Министерством народного просвещения у вдовы ученого; в б-ку Педагогического ин-та поступила большая часть книг. Издания XVI—XVIII вв. по астрономии, математике, физике.

1819 г. **Елизавета Алексеевна, императрица** (1779—1826). 93 назв. Получ. в дар. Издания XVIII—XIX вв. на русском, немецком, французском языках из собственной б-ки дарительницы. Список книг — ЛГИА, ф. 14, оп. 6, д. 85, л. 14—15 об.

1820 г. **Косицкий, Ефим Васильевич**, кексгольмский (во время дарения), затем петерб. купец, занимался благотворительной деятельностью. 3010 т. (по донесению 1826 г. библиотекаря Петерб. ун-та; по оценке 1827 г. самого Е. В. Косицкого — 4658 т. — ЦГИА, ф. 733, оп. 21, д. 65, л. 11 об.). Собрание преимущественно русских книг XVIII в. В 1836 г. дефектные экземпляры

(1648 г.) были проданы с торгов (ЛГИА, ф. 14, оп. 3, д. 4971). — *Григорьев, с. 77—78.*

1830 г. Венк, Карл-Фридрих-Христиан (1784—1828), правовед, проф. Лейпциг. ун-та. 3220 т. Издания XV—XIX вв. по юриспруденции и классической филологии. Каталог, сост. в Лейпциге в 1828 г., — Архив НБ ЛГУ. — *Григорьев, с. 78.*

1830 г. Б-ка Полоцкой иезуитской коллегии (1584—1820). 4262 т. Отобраны из 30 000 т., принадлежавших Полоцкой коллегии и другим иезуитским учебным заведениям (ЛГИА, ф. 14, оп. 6, д. 585). Б-ка универсального содержания, много редчайших изданий XVI—XVIII вв. — *Григорьева, с. 78.*

1832 г. Розенкампф, Густав Андреевич, барон (1764—1832), правовед, исследователь древнерусских юридических памятников. 98 т. Приобрет. у вдовы ученого. — ЛГИА, ф. 14, оп. 2, д. 108.

1833 г. Б-ка и архив Вольного общества любителей словесности, наук и художеств (1801—1826). 169 назв. Переданы по решению Министерства народного просвещения на временное хранение; в 1839 г. окончательно причислены к б-ке Петерб. ун-та. «Реестр книгам и вещам, принадлежащим ВОЛСНХ», сост. последним библиотекарем ВОЛСНХ Н. С. Сербиновичем в 1833 г. — ЦГИА, ф. 733, оп. 89, д. 89, л. 11—19 об.; список книг и рукописей ВОЛСНХ, сост. в 1839 г., — ЛГИА, ф. 14, оп. 3, д. 5541, л. 14—15 об.

1836 г. Чижов, Дмитрий Семенович (1785—1852), математик, проф. Петерб. ун-та. 249 т. Приобрет. у владельца; часть собрания. Книги по физике и математике. Список, сост. Д. С. Чижовым, — Архив НБ ЛГУ. — *Григорьев, с. 287.*

1838 г. Шефер, Готфрид Генрих (1764—1840), филолог-классик, библиотекарь Лейпциг. ун-та с 1818 по 1839 г. 2411 т. Приобрет. по рекомендации проф. древней словесности Петерб. ун-та Грефе и Фрейтага. Собрание изданий античных авторов. — *Григорьев, с. 287.*

1843 г. Голицын, Александр Николаевич, князь (1773—1844), министр духовных дел и народного просвещения. 611 назв. в 1910 т. Получ. в качестве дублетов из Публичной б-ки, куда в 1842 г. А. Н. Голицын передал часть своего собрания. Издания эпохи Просвещения, преимущественно на французском языке. Список книг, сост. в Публичной б-ке, — ЛГИА, ф. 14, оп. 1, д. 4596а, л. 18—48 об. (там же на л. 49—51 указаны издания, не поступившие по списку в б-ку Петерб. ун-та). — *Григорьев, с. 287; Иваск 307.*

1843 г. Порошин, Виктор Степанович (1809—1868), проф. политической экономии Петерб. ун-та. 129 назв. в 243 т. Получ. в дар. Издания XVIII в. по математике и истории. Остатки родовой б-ки Порошинных. Часть книг принадлежала С. А. Порошину (1741—1769), писателю, воспитателю Павла I. Список книг — Архив НБ ЛГУ.

1844—1859 гг. Пивоваров, Василий Андреевич (1798—1860), петерб. купец, почетный гражданин. 623 т. книг и рукописей. Начиная с 1844 г., В. А. Пивоваров почти ежегодно приносил в дар б-ке Петерб. ун-та старопечатные издания XVI—XVIII вв. и славяно-русские рукописи. Книги и рукописи, подаренные им в эти же годы в б-ку Главного педагогического ин-та, поступили в б-ку Петерб. ун-та в 1859 г. Списки книг — Архив НБ ЛГУ. — *Григорьев, с. 287; Иваск 889.*

1846 г. Языков, Дмитрий Иванович (1773—1845), историк, академик, почетный член Петерб. ун-та. 169 т. Приобрет. у наследников; примерно девятая часть предложенного к покупке собрания. Издания XVIII—XIX вв. по русской истории. Список приобрет. книг — Архив НБ ЛГУ.

1847 г. Прейс, Петр Иванович (1810—1846), филолог, преподаватель Петерб. ун-та, один из основателей славяноведения в России. 1087 назв. в 1456 т. Приобрет. у брата ученого (ЛГИА, ф. 14, оп. 1, д. 4774, л. 53—56 об.). Издания 1-й пол. XIX в. по общему языкознанию и славистике. Опись — Архив НБ ЛГУ. — *Николаев Н. И. Библиотека П. И. Прейса. — Ленинградский университет, 1983, № 3, с. 6—7.*

1851, 1855 гг. Книги из Петерб. цензурного комитета (1804—1917). Более десяти тысяч наименований изданий, разрешенных к выпуску ПЦК. Переданы по решению Министерства народного просвещения: в 1851 г. — издания 1802—1849 гг. (ЦГИА, ф. 777, оп. 2, 1851 д. 28), в 1855 г. — издания 1850—1853 гг. (ЦГИА, ф. 777, оп. 2, 1855 д. 62). Приняты все издания, за исключением утраченных еще в ПЦК.

1852 г. Фрейтаг, Федор Карлович (1800—1859), филолог, проф. римской словесности Петерб. ун-та с 1836 по 1852 г. 2498 назв. в 4000 т. Приобрет. почти вся предложенная к продаже б-ка (ЛГИА, ф. 139, оп. 1, д. 5531). Издания по классической филологии и древней истории. Каталог, сост. Ф. К. Фрейтагом в 1849 г. — Архив НБ ЛГУ. — *Годичный торжественный акт в СПб. ун-те, бывший 8 февр. 1853 г. СПб., 1853, с. 33.*

После 1855 г. Книги и рукописи на восточных языках из Казанского ун-та в 1-й Казанской гимназии. 1462 назв. в 3853 т. Опись — Архив НБ ЛГУ. — *Григорьев, с. 287.*

После 1855 г. Книги и рукописи из Ин-та восточных языков при Одеском Ришельевском лицее. Опись — Архив НБ ЛГУ. — *Григорьев, с. 287.*

1856 г. Мейер, Дмитрий Иванович (1819—1856), юрист, проф. Казанск., с 1855 г. Петерб. ун-та. 1082 назв. в 1524 т. Получ. по завещанию. Издания XVIII—XIX вв. по юриспруденции. Опись — Архив НБ ЛГУ. — *Григорьев, с. 287—288; Иваск 725.*

1857 г. Ососов, Иван Яковлевич (ум. 1856), студент Петерб. ун-та. 160 т. Получ. по завещанию. Редкие издания XV—XIX вв. Список — ЛГИА, ф. 14, оп. 1, д. 5704а, л. 197—197 об., 200. — *Григорьев, примеч. с. 70.*

1859 г. Курторга, Михаил Семенович (1809—1886), историк, проф. Петерб. ун-та. 548 назв. в 1048 т. Приобрет. у владельца. Издания XV—XIX вв. по всеобщей истории и классической филологии. У. Г. Иваску (*Иваск 620*) известно только о распродаже второй б-ки М. С. Курторги с аукциона в 1906 г. Опись 1859 г. — Архив НБ ЛГУ.

1859 г. Б-ка Главного педагогического ин-та (1828—1859). 23 534 т. Рукописный каталог б-ки (на 1 янв. 1859 г.) — Архив НБ ЛГУ. — *Григорьев, с. 288.*

1860 г. Б-ка Комитета цензуры иностранной (1828—1917). 7063 назв. в 9272 т. Б-ка КЦИ передана в Петерб. ун-т (основная часть), б-ку Академии наук, Публичную б-ку по инициативе председателя КЦИ Ф. И. Тютчева. Иностранные издания, запрещенные КЦИ и предшествовавшими ему учреждениями для обращения в России с 1811 по 1860 г. — *Григорьев, примеч. с. 70.*

1860 г. Аделунг, Федор Павлович (1768—1843), историк и библиограф. 690 назв. в 1262 т. Состоявшая из 5059 т. б-ка приобрет. у наследников в 1858 г. правительством для Публичной б-ки. Оказавшиеся дублетными издания были переданы в Петерб. ун-т. — *Григорьев, примеч. с. 70; Иваск 12.*

1864 г. Книги из Департамента Министерства народного просвещения. 11 000 т. Переданы по решению Министерства народного просвещения книги из б-к канцелярии Главного управления цензуры и канцелярии министра народного просвещения. Среди книг большое число цензурных экземпляров Петербургского, Московского, Виленского и Варшавского цензурных комитетов (1856—1862). Опись — Архив НБ ЛГУ. — ЛГИА, ф. 14, оп. 2, д. 779, л. 197—203 об.

1865 г. Шиховский, Иван Осипович (1783—1854), ботаник, проф. Петерб. ун-та. 133 назв. Получ. в дар от сына ученого. Издания по ботанике XIX в. Список — ЛГИА, ф. 14, оп. 1, д. 6178а, л. 123—126 об.

1867 г. Барановский, Степан Иванович (1818—1890), писатель и изобретатель, оконч. Петерб. ун-т. 1000 т. Получ. в дар. — ЛГИА, ф. 14, оп. 1, д. 6450а, л. 124—126.

1871 г. Устрялов, Николай Герасимович (1805—1870), историк, академик, проф. Петерб. ун-та. 295 назв. Приобрет. у сына ученого; примерно десятая часть предложенного к покупке собрания. Издания по русской истории. — *Протоколы заседаний Совета СПб. ун-та за первую половину 1870/71 акад. года. СПб., 1871, с. 79—80 93; Иваск 1188.*

1871 г. Казембек А. К. (1802—1870), востоковед, проф. Петерб. ун-та. 195 назв. книг и рукописей в 232 т. Приобрет. у наследников. Список — восточный отд. НБ ЛГУ. — *Протоколы заседаний Совета СПб. ун-та за первую половину 1871/72 acad. года, № 5. СПб., 1872, с. 85.*

1876 г. Васильчиков, Александр Илларионович (1818—1881), общественный деятель, писатель, оконч. Петерб. ун-т. 141 т. Получ. в дар. Книги отобраны библиотекарем Петерб. ун-та из б-ки владельца. Список — Книга поступлений б-ки Петерб. ун-та 1865—1878 гг., л. 81 об. — 83. (Архив НБ ЛГУ). — *Протоколы заседаний Совета СПб. ун-та за первую половину 1876/77 acad. года, № 15. СПб., 1877, с. 68.*

1877 г. Злобин, Константин Константинович (1814—1877), директор Государственного и Петерб. главного архива министерства иностранных дел, оконч. Петерб. ун-т. 2446 назв. в 6266 т. Получ. по завещанию. Собрание книг по всем отраслям знаний. Все книги злобинской б-ки получили специальный шифр «Z». Инвентарь 1878—1887, л. 10—39. — *Инвентарь б-ки Петерб. ун-та, № 2. За 1878 год. СПб., 1882, с. III; Русский биографический словарь, т. «Жабокритский — Зяловский». Пг., 1916, с. 417.*

1877 г. Штейн, Александр Игнатьевич, статистик, член Географического о-ва. 541 назв. Получ. в дар. Коллекция брошюр и диссертаций по математике и физике. Список — Книга поступлений б-ки Петерб. ун-та 1865—1878 гг., л. 123—132 об. (Архив НБ ЛГУ). — *Инвентарь б-ки Петерб. ун-та, № 2. За 1878 год. СПб., 1882, с. III.*

1879 г. Гедеонов, Степан Александрович (1815—1878), историк, директор Эрмитажа и имп. театров, оконч. Петерб. ун-т. 115 назв. Приобрет. на аукционе б-ки С. А. Гедеонова. Инвентарь 1878—1887, л. 68—69 об. — *Инвентарь б-ки Петерб. ун-та, № 3. За 1879 год. СПб., 1881, с. IV; Иваск 279.*

1880, 1885 гг. Лерх, Петр Иванович (1827—1884), востоковед, библиотекарь Петерб. ун-та. В 1880 г. получ. в дар 258 назв. сочинений по археологии, в 1885 г. у вдовы ученого приобрел 93 назв. рукописей П. И. Лерха и книг из его б-ки. Инвентарь 1878—1887, л. 78 об. — 81 об., 242 об. — 244. — *Протоколы заседаний Совета СПб. ун-та за вторую половину 1879/80 acad. года, № 22. СПб., 1881, с. 20; Протоколы... за первую половину 1885/86 acad. года, № 33. СПб., 1886, с. 55.*

1884 г. Кесслер, Карл Федорович (1815—1886), биолог, проф. Петерб. ун-та. 226 назв. Получ. в дар. Издания по биологии. Инвентарь 1878—1887, л. 207 об. — 210.

1888, 1893 гг. Логгемиль, Карл Якимович (1830—1887), филолог-классик, проф. Петерб. ун-та. 302 назв. приобрел. в 1888 г., 352 назв. в 504 т. получ. в дар от вдовы ученого в 1893 г. Издания по античной литературе и древней истории. Инвентарь 1887—1892, л. 49 об. — 53 об.; 1893—1897, л. 40—44. — *Годичный акт СПб. ун-та 8 февр. 1894 г. СПб., 1894, с. 21.*

1888 г. Думашевский, Арнольд Борисович (1836—1887), юрист, оконч. Петерб. ун-т. 406 назв. в 688 т. Получ. по завещанию. Издания по юриспруденции, философии, теологии. Инвентарь 1887—1892, л. 76—81 об. — *Отчет о сост. и деят. СПб. ун-та за 1888 г. СПб., 1889, с. 30.*

1888 г. Янсон, Юлий Эдуардович (1835—1893), экономист, проф. Петерб. ун-та. 751 назв. Получ. в дар. 424 назв. в 559 т. поступили в основной фонд, 327 назв. в б-ку статистического кабинета Петерб. ун-та. Инвентарь 1887—1892, л. 70 об. — 76. — *Отчет о сост. и деят. СПб. ун-та за 1888 г. СПб., 1889, с. 31; Каталог б-ки статистического кабинета Петерб. ун-та. СПб., 1891, с. IV—V (книги Ю. Э. Янсона в каталоге помечены особым значком).*

1889 г. Броссе, Марий Иванович (1802—1880), востоковед, академик. 187 назв. Получ. из Академии наук часть б-ки ученого. Редкие издания по восточной и классической филологии. Инвентарь 1887—1892, л. 118—120 об. — *Инвентарь б-ки Петерб. ун-та, № 7. За 1885—1890. СПб., 1893, с. II.*

1890 г. Буняковский, Виктор Яковлевич (1804—1889), математик, академик. 643 назв. Получ. в дар. Коллекция физико-математических сочинений. Инвентарь 1887—1892, л. 168—176. — *Инвентарь б-ки Петерб. ун-та, № 7. За 1885—1890. СПб., 1893, с. III.*

1892 г. **Минаев, Иван Павлович** (1840—1890), индолог, проф. Петерб. ун-та. 2711 назв. в 3511 т. Получ. по завещанию. Дублетные издания в 1911 г. поступили в б-ку семинария восточных языков (ныне — восточный отд. НБ ЛГУ). Инвентарь 1887—1892, л. 282—315 об.; отд. записи в Инвентаре до 1929 г. — *Отчет о сост. и деят. СПб. ун-та за 1892 г. СПб., 1893, с. 18; Отчет... за 1911 г. СПб., 1912, с. 246; Иваск 749.*

1892 г. **Градовский, Александр Дмитриевич** (1841—1889), историк русского права, публицист, проф. Петерб. ун-та. 349 назв. в 391 т. Получ. в дар от наследников; в 1911 г. получ. еще 208 т. Историко-юридические сочинения. Инвентарь 1887—1892, л. 239—243 об. — *Отчет о сост. и деят. СПб. ун-та за 1892 г. СПб., 1893, с. 18; Отчет... за 1911 г. СПб., 1912, с. 54.*

1892, 1896 гг. **Дестунис, Гавриил Спиридонович** (1818—1895), филолог-классик, проф. Петерб. ун-та. 508 назв. В 1892 г. получ. в дар 290 назв. новогреческих изданий XVIII—XIX вв. Каталог, сост. Г. С. Дестунисом, — *Архив НБ ЛГУ.* Остальные книги приобрет. у вдовы ученого в 1896 г. Инвентарь 1893—1897, л. 243—245 об.; 1899—1903, л. 299—302 об.; 1904—1907, л. 57—58, 343—343 об. — *Отчет о сост. и деят. СПб. ун-та за 1892 г. СПб., 1893, с. 18; Отчет... за 1900 г. СПб., 1901, с. 21.*

1894 г. **Иванов, Владимир Александрович**, директор Департамента иностранных исповеданий, коллекционер, оконч. Петерб. ун-т. 1307 назв. в 1830 т. Получ. в дар от наследников. Редкие издания, славяно-русские рукописи. Инвентарь 1893—1897, л. 110—125 об. — *Годичный акт СПб. ун-та 8 февр. 1895 г. СПб., 1895, с. 18.*

1896 г. **Страхов, Николай Николаевич** (1828—1896), публицист и философ, оконч. Петерб. ун-т. 7877 назв. в 12 453 т. Получ. в дар от наследников. Богатейшее собрание сочинений по философии и всем отраслям науки, художественная литература; редчайшие издания XV—XVII вв. В основной фонд поступило около 8500 т. Инвентарь 1897—1899, л. 65 об. — 140, 349 об. — 350. — *Годичный акт СПб. ун-та 8 февр. 1898 г. СПб., 1898, с. 16—17; Белов С. В., Белодубровский Е. Б. Библиотека Н. Н. Страхова. — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник 1976. М., 1977, с. 134—140; Иваск 1093.*

1897 г. **Бестужев-Рюмин, Константин Николаевич** (1829—1897), историк, академик, проф. Петерб. ун-та. 2843 назв. в 5000 т. (помимо дублетов). Получ. по завещанию. Издания по всеобщей и русской истории; художественная литература. Инвентарь 1897—1899, л. 224—259; 1899—1903, л. 18 об. — 19, 351 об. — 352 об.; 1904—1907, л. 342 об. — *Годичный акт СПб. ун-та 8 февр. 1899 г. СПб., 1899, с. 14; Годичный акт СПб. ун-та 8 февр. 1900 г. СПб., 1900, с. 26; Белов С. В., Белодубровский Е. Б. Библиотека К. Н. Бестужева-Рюмина. — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник 1977. М., 1977, с. 160—166; Иваск 118.*

1897 г. **Гофман, Август Адольфович** (ум. 1897), директор 7-й Петерб. гимназии. 869 назв. в 1051 т. Получ. в дар от наследников. В 1899 г. получ. в дар еще 10 рукописей. Издания по классической и германской филологии. Инвентарь 1897—1899, л. 211 об. — 222, 351. — *Годичный акт СПб. ун-та 8 февр. 1899 г. СПб., 1899, с. 14; Иваск 336.*

1898 г. **Делянов, Иван Давыдович** (1818—1898), министр народного просвещения. 2682 назв. в 3766 т. Получ. по завещанию часть б-ки (другая часть отошла в Публичную б-ку и Московский публичный Румянцевский музей). Издания по всем отраслям знаний. Инвентарь 1897—1899, л. 259—292, 323 об. — 329 об.; 1899—1903, л. 414 и отд. записи в Инвентаре 1910—1914. — *Годичный акт СПб. ун-та 8 февр. 1899 г. СПб., 1899, с. 14; Иваск 370.*

1898 г. **Стебницкий, Иероним Иванович** (1832—1897), геодезист и топограф, генерал от инфантерии. 775 назв. Получ. в дар от наследников. Издания по математике, астрономии и географии. Инвентарь 1897—1899, л. 329 об. — 339 об. — *Годичный акт СПб. ун-та 8 февр. 1900 г. СПб., 1900, с. 24—25; Иваск 1088.*

1899 г. **Дмитриев Александр Дмитриевич** (1820—1899), педагог-математик. 2897 назв. Получ. по завещанию. Издания по разным отраслям зна-

ний, преимущественно по математике. Инвентарь 1899—1903, л. 77—88, 326—351 об. — *Годичный акт СПб. ун-та 8 февр. 1900 г. СПб., 1900, с. 25.*

1901 г. **Редкин, Петр Григорьевич** (1808—1891), правовед и философ, проф. Петерб. ун-та. 4896 назв. в 7156 т. Получ. в дар от наследников. Издания по всем областям научного знания. Каталог—Архив НБ ЛГУ. Инвентарь 1904—1907, л. 82 об.—148; отд. записи в Инвентаре до 1929 г. — *Отчет о сост. и деят. СПб. ун-та за 1901 г. СПб., 1902, с. 35; Отчет... за 1904 г. СПб., 1905, с. 47; Иваск 990.*

1901 г. **Цитович, Петр Павлович** (1844—1913), правовед и публицист, проф. Петерб. ун-та. 226 назв. в 285 т. Получ. в дар. Издания по гражданскому, римскому, торговому и финансовому праву. Инвентарь 1899—1903, л. 210 об.—213 об. — *Отчет о сост. и деят. СПб. ун-та за 1901 г. СПб., 1902, с. 36.*

1902 г. **Петри, Эдуард Юльевич** (1854—1898), антрополог и географ, проф. Петерб. ун-та. 1395 назв. Приобрет. у наследников. Инвентарь 1904—1907, л. 187 об.—206 об., 346. — *Иваск 878.*

1902 г. **Советов, Александр Васильевич** (1826—1901), агроном, проф. Петерб. ун-та. 361 назв. в 530 т. Получ. в дар от наследников. Коллекция работ по сельскому хозяйству. Инвентарь 1899—1903, л. 307—311. — *Отчет о сост. и деят. СПб. ун-та за 1902 г. СПб., 1903, с. 44; Иваск 1066.*

1903 г. **Зброжек, Федор Григорьевич** (1849—1902), инженер-гидротехник, проф. Ин-та инженеров путей сообщения. 341 назв. Получ. в дар от проф. Петерб. ун-та И. Я. Фойницкого, приобретшего часть б-ки своего друга у его вдовы. Издания по механике, строительству, гидротехнике. Инвентарь 1899—1903, л. 441—446. — *Отчет о сост. и деят. СПб. ун-та за 1903 г. СПб., 1904, с. 39.*

1904 г. **Ланге, Ричард Осипович** (1858—1903), филолог, приват-доцент Петерб. ун-та. 261 назв. Приобрет. у вдовы ученого. Издания по романской и германской филологии. Инвентарь 1904—1907, л. 7—10 об. — *Отчет о сост. и деят. СПб. ун-та за 1904 г. СПб., 1905, с. 47.*

1904 г. **Попадопуло-Керамев, Афанасий Иванович** (1856—1912), византолог, приват-доцент Петерб. ун-та. 196 назв. в 254 т. Получ. в дар. Редкие издания на новогреческом, турецком, армянском и других языках. Инвентарь 1904—1907, л. 385 об.—388. — *Отчет о сост. и деят. СПб. ун-та за 1904 г. СПб., 1905, с. 48.*

1905 г. **Сырку, Полихроний Агапиевич** (1855—1905), балканист, приват-доцент Петерб. ун-та. Около 1400 назв. Приобрет. у вдовы ученого. Коллекция редких изданий на языках балканских народов. Часть книг поступила в б-ку славянского семинария (ныне—филологический отд. НБ ЛГУ). Инвентарь 1904—1907, л. 222—236, 258—260, 382 об.—383; отд. записи в Инвентаре до 1929 г. — *Отчет о сост. и деят. СПб. ун-та за 1905 г. СПб., 1906, с. 34—35; [Яцимирский А. И. О б-ке П. А. Сырку]—Исторический вестник, 1909, № 1, с. 354—355; Иваск 1119.*

1905 г. **Книрим, Александр Александрович** (1837—1904), юрист. 790 назв. Получ. в дар от вдовы владельца; научная часть б-ки. Книги по праву и политической экономии. Инвентарь 1904—1907, л. 330—339, 376; 1907—1909, л. 106 об.—107; 1910—1912, л. 309 об. — *Отчет о сост. и деят. СПб. ун-та за 1905 г. СПб., 1906, с. 35—36.*

1905 г. **Половцов, Александр Александрович** (1832—1909), статс-секретарь, председатель Русского исторического общества. Около 30 000 т. Получ. в дар. Издания по истории, географии, геральдике. Инвентарь 1907—1909, л. 323—453; 1910—1912, л. 126—171; отд. записи в Инвентаре до 1929 г. — *Отчет о сост. и деят. СПб. ун-та за 1905 г. СПб., 1906, с. 35; Иваск 908.*

1906 г. **Бюш, Карл Егорович** (ум. 1863), библиотечарь Петерб. ун-та (1841—1863). 829 назв. Получ. в дар от племянников согласно последней воле владельца. Издания по языковедению, сочинения иностранных авторов. Инвентарь 1904—1907, л. 318 об.—329, 343 об.; 1910—1912, л. 264 об. — *Отчет о сост. и деят. СПб. ун-та за 1906 г. СПб., 1907, с. 57.*

1906 г. **Мелиоранский, Платон Михайлович** (1868—1906), тюрколог, проф.

Петерб. ун-та. Получ. в дар; научная часть б-ки. Около 220 назв. включены в основной фонд; дублетные издания в 1911 г. переданы в б-ку семинария восточных языков (ныне — восточный отд. НБ ЛГУ). Инвентарь 1910—1912, 1912—1918. — *Отчет о сост. и деят. СПб. ун-та за 1906 г. СПб., 1907, с. 57—58; Отчет... за 1910 г. СПб., 1911, с. 85; Отчет... за 1911 г. СПб., 1912, с. 246.*

1907 г. Фойницкий, Иван Яковлевич (1847—1913), юрист, проф. Петерб. ун-та. 2000 назв. Получ. в дар. Книги поступили в кабинет уголовного права при Петерб. ун-те (ныне — в сост. юридического отд. НБ ЛГУ); часть книг поступила в основной фонд. Список — Архив НБ ЛГУ. — *Отчет о сост. и деят. СПб. ун-та за 1907 г. СПб., 1908, с. 111; Каталог б-ки Кабинета уголовного права при СПб. ун-те. СПб., 1909, с. III (книги И. Я. Фойницкого помечены особым значком); Иваск 1208.*

1907 г. Буксгевден, Отто Оттович (1839—1907), правовед. 380 назв. Получ. в дар от вдовы владельца. Художественная литература, издания по вопросам социального обеспечения. Инвентарь 1910—1912, л. 235—243; отд. записи в Инвентаре до 1929 г. — *Отчет о сост. и деят. СПб. ун-та за 1907 г. СПб., 1908, с. 111; Иваск 161.*

1907 г. Веселовский, Александр Николаевич (1838—1906), филолог, академик, проф. Петерб. ун-та. Получ. в дар от сына ученого для б-ки семинария романо-германской филологии (ныне — в сост. филологического отд. НБ ЛГУ); часть книг поступила в основной фонд. — *Отчет о сост. и деят. СПб. ун-та за 1907 г. СПб., 1908, с. 112; Иваск 217.*

1908 г. Савич, Алексей Николаевич (1810—1883), астроном, академик, проф. Петерб. ун-та. Получ. в дар от наследников; книги научного содержания по выбору проф. А. А. Иванова для Астрономической обсерватории ун-та. — *Отчет о сост. и деят. СПб. ун-та за 1908 г. СПб., 1909, с. 86.*

1909 г. Лебедев, Василий Александрович (1833—1909), экономист, проф. Петерб. ун-та. Около 1000 назв. в 4000 т. Получ. в дар от вдовы ученого; научная часть б-ки. Инвентарь 1910—1912, л. 195 об. — 222 об.; отд. записи в Инвентаре до 1929 г. — *Отчет о сост. и деят. СПб. ун-та за 1909 г. СПб., 1910, с. 53—54.*

1909 г. Соколов, Федор Федорович (1840—1909), историк, проф. Петерб. ун-та. 2000 т. Получ. в дар от наследников. Издания по древней истории и классической филологии. Инвентарь 1910—1912, л. 100 об. — 106 об.; отд. записи в Инвентаре до 1929 г. — *Отчет о сост. и деят. СПб. ун-та за 1909 г. СПб., 1910, с. 54.*

1909 г. Алексеев, Петр Петрович (1840—1891), химик, проф. Киевского ун-та. 188 назв. Получ. в дар от вдовы ученого. Инвентарь 1910—1912, л. 267 об., 286—288 об. — *Отчет о сост. и деят. СПб. ун-та за 1909 г. СПб., 1910, с. 54.*

до 1910 г. Бекетов, Андрей Николаевич (1825—1902), ботаник-географ, почетный член Академии наук, проф. Петерб. ун-та. 520 назв. Получ. в дар. Инвентарь 1910—1912, л. 185 об. — 192 об.

1910, 1911, 1916 гг. Форсман, Юлий Юльевич (1879—), филолог, приват-доцент Петерб. ун-та. 1004 т. Получ. в дар от владельца. Издания по германской филологии и истории европейских государств. Инвентарь 1910—1929. — *Отчет о сост. и деят. СПб. ун-та за 1910 г. СПб., 1911, с. 85; Отчет... за 1911 г. СПб., 1912, с. 54; Иваск 1211.*

1910 г. Васильев (Васильков), Александр Константинович, дипломат, генеральный консул в Париже, затем в Алжире, оконч. Петерб. ун-т. 3748 т. Получ. в дар от владельца; основная часть б-ки. Издания по всем областям научного знания. Инвентарь 1910—1912, л. 323—348; отд. записи в Инвентаре до 1929 г. — *Отчет о сост. и деят. СПб. ун-та за 1910 г. СПб., 1911, с. 83—84; Отчет... за 1912 г. СПб., 1913, с. 56; Иваск 195.*

1910 г. Горчаков, Михаил Иванович (1838—1910), правовед и историк, проф. Петерб. ун-та. 2448 т. Получ. по завещанию. Издания по юриспруденции, истории, теологии. Инвентарь 1910—1912, л. 408 об. — 449; отд. записи в Инвентаре до 1929 г. — *Отчет о сост. и деят. СПб. ун-та за 1910 г. СПб., 1911, с. 84; Иваск 335.*

1910, 1912, 1913, 1916 гг. **Адамович, Василий Иванович** (1856—), юрист, проф. Новороссийск. ун-та, оконч. Петерб. ун-т. 1625 т. Получ. в дар от владельца. Инвентарь 1910—1929. — *Отчет о сост. и деят. СПб. ун-та за 1910 г. СПб., 1911, с. 85; Отчет... за 1913 г. СПб., 1914, с. 88; Отчет... за весеннее полугодие 1916 г. Пг., 1916, с. 181.*

1910 г. **Веселаго, Феодосий Федорович** (1817—1895), историк русского флота. 264 т. Получ. в дар от дочери владельца — О. Ф. Розен. Издания по морскому делу. Инвентарь 1910—1914. — *Отчет о сост. и деят. СПб. ун-та, за 1910 г. СПб., 1911, с. 85.*

1910 г. **Розен, Виктор Романович** (1849—1908), востоковед, академик, проф. Петерб. ун-та. 3575 назв. в 6340 т. Получ. в дар от вдовы ученого. Собрание В. Р. Розена легло в основу 6-ки семинария восточных языков (ныне — восточный отд. НВ ЛГУ). В 1913, 1914, 1918 гг. от вдовы ученого получ. еще более 100 назв. — *Отчет о сост. и деят. СПб. ун-та за 1911 г. СПб., 1912, с. 246; Иваск 970.*

1910 г. **Форстен, Георгий Васильевич** (1857—1910), историк, проф. Петерб. ун-та. 4372 назв. в 8757 т. Получ. по завещанию для 6-ки исторического семинария (ныне — в сост. отд. общественных наук и филологического НВ ЛГУ). Собрание изданий по истории нового времени, по истории скандинавских стран, по проблемам Реформации и гуманизма. — *Отчет о сост. и деят. Петрогр. ун-та за весеннее полугодие 1916 г. Пг., 1916, с. 202—203; Кан А. С. Историк Г. В. Форстен и наука его времени. М., 1979, с. 77; Иваск 1212.*

1911 г. **Сабанин, Владимир Васильевич** (1853—1907), занимался вопросами технического образования, оконч. Петерб. ун-т. 2819 т. Получ. в дар от наследников. Художественная литература, исторические и географические сочинения. Инвентарь 1912—1929. — *Отчет о сост. и деят. СПб. ун-та за 1911 г. СПб., 1912, с. 53.*

1911 г. **Мурашкинцев, Александр Андреевич** (1857—1907), экономист. 411 т. Получ. в дар от вдовы владельца. Издания юридического и экономического содержания. Инвентарь 1912—1929. — *Отчет о сост. и деят. СПб. ун-та за 1911 г. СПб., 1912, с. 54.*

1911 г. **Утин, Евгений Исаакович** (1843—1894), адвокат, публицист, оконч. Петерб. ун-т. 2142 т. Получ. в дар от вдовы владельца. Книги юридического содержания. Инвентарь 1912—1929. — *Отчет о сост. и деят. СПб. ун-та за 1911 г. СПб., 1912, с. 53—54.*

1911 г. **Крачковский, Юлиан Фомич** (1840—1903), историк и краевед. Около 1500 т. Получ. в дар от сына — арабиста И. Ю. Крачковского. Издания по истории Белоруссии и Литвы. Инвентарь 1910—1929. — *Отчет о сост. и деят. СПб. ун-та за 1913 г. СПб., 1914, с. 88.*

1912, 1913 гг. **Филиппев, Виктор Иванович** (1857—1910), энтомолог. 6248 т. Б-ка была завещана разным учреждениям. Петерб. ун-ту были предназначены книги по украинской истории и издания на украинском языке, а также литература по сельскому хозяйству. Инвентарь 1912—1929. — *Отчет о сост. и деят. СПб. ун-та за 1910 г. СПб., 1911, с. 93; Отчет... за 1912 г. СПб., 1913, с. 54; Отчет... за 1913 г. СПб., 1914, с. 85—86; Иваск 1203.*

1913 г. **Еврейнова, Екатерина Алексеевна**. 1081 т. Получ. по завещанию. Собрание русских книг и периодических изданий XIX в. Инвентарь 1912—1929. — *Отчет о сост. и деят. СПб. ун-та за 1913 г. СПб., 1914, с. 86; Отчет... за 1914 г. Пг., 1915, с. 263.*

1913, 1916, 1917, 1918, 1920 гг. **Бенешевич, Владимир Николаевич** (1874—1943), византолог, член-корр. АН СССР, проф. Ленингр. ун-та. 621 т. Получ. в дар. Издания по медиевистике. Инвентарь 1912—1929. — *Отчет о сост. и деят. СПб. ун-та за 1913 г. СПб., 1914, с. 89; Отчет... за весеннее полугодие 1916 г. Пг., 1916, с. 182.*

1914 г. **Попов, Павел Степанович** (1843—1913), китаист, приват-доцент Петерб. ун-та. 4111 т. Получ. в дар от вдовы ученого. Инвентарь 1914—1929. — *Отчет о сост. и деят. Петрогр. ун-та за 1914 г. Пг., 1915, с. 263.*

1914 г. **Боргман, Иван Иванович** (1849—1914), физик, проф. Петерб. ун-та. Получ. в дар от вдовы ученого для 6-ки Физического ин-та Петерб.

ун-та. В 1918 г. 655 т. были переданы из Физического ин-та в основной фонд б-ки. Инвентарь 1918—1929. — *Отчет о сост. и деят. Петрогр. ун-та за 1914 г. Пг., 1915, с. 61.*

1914 г. **Браун, Федор Александрович** (1862—1942), историк литературы, проф. Петрогр. ун-та. 441 т. Получ. в дар. Издания по романской и германской филологии. Инвентарь 1914—1929. — *Отчет о сост. и деят. Петрогр. ун-та за 1914 г. Пг., 1915, с. 264.*

1914, 1917 гг. **Лапшин, Иван Иванович** (1870—1952), философ, проф. Петрогр. ун-та. 1100 т. Получ. в дар. Книги по философии, психологии, истории литературы. Инвентарь 1914—1929. — *Отчет о сост. и деят. Петрогр. ун-та за 1914 г. Пг., 1915, с. 264.*

1915 г. **Степанов, Сергей Лаврентьевич** (1863—1915), директор 5-й Петрогр. гимназии, оконч. Петерб. ун-та. 1298 т. Получ. в дар от наследников. Издания по вопросам поздней античности и средневековья. Инвентарь 1914—1929. — *Отчет о сост. и деят. Петрогр. ун-та за 1915 г. Пг., 1916, с. 266, 273.*

1915, 1918 гг. **Рождественский, Василий Гаврилович** (1839—1918), проф. Петерб. ун-та. В 1915 г. получ. в дар часть б-ки (2094 т.), остальные книги (2135 т.) поступили в 1918 г. по завещанию. Издания по философии, этике, теологии. Инвентарь 1914—1929. — *Отчет о сост. и деят. Петрогр. ун-та за 1915 г. Пг., 1916, с. 265—266, 271.*

1915 г. **Ижевский, Николай Павлович**, филолог-классик, магистрант. 1767 т. Получ. в дар. Сочинения по естествознанию, химии, физике, медицине. Инвентарь 1914—1929. — *Отчет о сост. и деят. Петрогр. ун-та за 1915 г. Пг., 1916, с. 266.*

1915 г. **Мясоедов, Владимир Константинович** (1885—1915), искусствовед, приват-доцент, хранитель Музея древностей при Петрогр. ун-те. 707 назв. в 967 т. Получ. по завещанию для Музея древностей. Издания по истории искусства и музыки. — *Отчет о сост. и деят. Петрогр. ун-та за 1915 г. Пг., 1916, с. 40.*

1915 г. **Кауфман, Илларион Игнатьевич** (1848—1915), экономист, проф. Петрогр. ун-та. 4821 т. Получ. по завещанию для статистического кабинета при Петрогр. ун-те. — *Библиотечное обозрение, 1920, кн. 2, с. 78; Иваск 528.*

1915 г. **Ламанский, Владимир Иванович** (1833—1914), славист, академик, проф. Петерб. ун-та. 10 000 т. Получ. по завещанию для б-ки славянского семинария (ныне — в сост. филологического отд. НБ ЛГУ). — *Отчет о сост. и деят. Петрогр. ун-та за 1914 г. Пг., 1915, с. 45; Ястребов Н. В. Памяти В. И. Ламанского как друга книги. — Библиологический сборник, 1916, т. 2, вып. 1. Пг., 1916, с. 50.*

1917, 1918, 1919, 1920, 1921, 1924, 1927, 1928 гг. **Коковцов, Павел Константинович** (1861—1942), семиолог, академик, проф. Ленингр. ун-та. 2093 т. Получ. в дар. Издания по гуманитарным наукам, литературе, востоковедению. Инвентарь 1914—1929.

1917 г. **Успенский, Виктор Матвеевич** (1845—), китаист, путешественник, член Географического о-ва, русский генеральный консул в Урумчи и в Кульдже в конце XIX в., оконч. Петерб. ун-та. 466 т. Получ. в дар от сына владельца — проф. математики Я. В. Успенского. Книги о Китае, Дальнем Востоке. Инвентарь 1914—1929.

1917 г. **Семенчиков, Василий Васильевич** (ум. 1917), преподаватель русской словесности, оконч. Петерб. ун-та. 278 назв. в 1033 т. Получ. по завещанию. Книги по истории русской литературы. Инвентарь 1914—1929.

1918 г. **Б-ка Александровской военно-юридической академии** (1867—1917). 60 000 т. Печатные каталоги б-ки вышли в 1899—1904 гг. В ее состав вошли б-ки: Аудиторской школы (1832—1846), Аудиторского училища (1846—1867), Военно-юридического училища (1867—1869), а также книги из б-ки Д. А. Милютина (1816—1912), военного министра в 1861—1881 гг. и государственного деятеля (*Иваск 748*). С 1918 г. — филиал б-ки Петрогр. ун-та, с сер. 1920-х годов в основном фонде б-ки ЛГУ. — *Библиотечное обозрение, кн. 1, 1919, с. 154; Научные библиотеки Ленинграда. Л., 1928, с. 127.*

1919 г. Кудряшев, Михаил Иванович (1860—1918), филолог, директор б-ки Петрогр. ун-та с 1909 г. (служил в б-ке с 1884 г.). 926 т. Получ. в дар от наследников. Книги по языкознанию и истории литературы. Инвентарь 1918—1929.

1919 г. Алявдин, Анатолий Павлович (1885—1965), востоковед-сириолог, проф. ЛГУ. 535 т. Получ. в дар. Философские, исторические, политические сочинения. Инвентарь 1918—1929.

1919, 1923 гг. Жуковский, Валентин Алексеевич (1858—1918), иранист, проф. Петрогр. ун-та. Ок. 200 назв. Приобрет. у вдовы ученого. Восточный отд. НБ ЛГУ.

1919 г. Б-ка Высших женских (Бестужевских) курсов (1878—1919). 70 000 т. Печатные каталоги б-ки вышли в 1908—1909 гг. В каталогах условными обозначениями отмечены книги, поступившие в сост. важнейших личных собраний или находящиеся в именных шкафах. Полочная опись — Архив НБ ЛГУ. — *Отчеты о сост. ВЖК (1890—1916); Отчеты комитета Общества для доставления средств ВЖК (1879—1916); С.-Петербург. Высшие женские курсы за 25 лет. 1878—1903. Очерки и материалы. СПб., 1903, с. 214, 221; Каталог б-ки С.-Петербург. Высших женских курсов. Историко-филологический отдел. СПб., 1908, с. II—III; Научные библиотеки Ленинграда. Л., 1928, с. 69, 117, 129.*

В ее составе личные б-ки:

1879 г. Эвальд, Федор Федорович (1813—1879), педагог, проф. Пажеского корпуса. Получ. в дар от дочери владельца—О. Ф. Эвальд-Вержбиловнч. Книги по физике и математике. Основная часть б-ки поступила в 1883 г. в Томский ун-т. — *Иваск 1316.*

1883 г. Гербель, Николай Васильевич (1827—1883), поэт и переводчик. 343 назв. в 1596 т. Получ. в дар от вдовы владельца. Коллекция сочинений русских авторов. — *Отчет комитета О-ва для дост. средств ВЖК за 1883/84 г. СПб., 1885, с. 9, 11.*

1885/86 г. Гюбер, Федор Карлович (1855—1885), историк, преподаватель ВЖК. 121 назв. в 258 т. Получ. в дар от вдовы владельца—бестужевки Е. И. Гюбер. — *Отчет комитета О-ва для дост. средств ВЖК за 1885/86 г. СПб., 1887, с. 10.*

1886 г. Серов, Александр Николаевич (1820—1871), композитор и музыкальный критик. 129 назв. в 488 т. Получ. в дар от вдовы владельца. Сочинения европейских авторов в изданиях XVIII и XIX в. — *Отчет комитета О-ва для дост. средств ВЖК за 1885/86 г. СПб., 1887, с. 10.*

1885/86 г. Вернадский, Иван Васильевич (1821—1884), экономист, проф. Петерб. ун-та. 119 назв. в 195 т. Получ. в дар от наследников. — *Отчет комитета О-ва для дост. средств ВЖК за 1885/86 г. СПб., 1887, с. 10.*

1887 г. Бутлеров, Александр Михайлович (1828—1886), химик, академик, проф. ВЖК. 101 назв. в 624 т. Получ. в дар от вдовы владельца; часть б-ки — сочинения английских авторов нач. XIX в. — *Отчет комитета О-ва для дост. средств ВЖК за 1886/87 г. СПб., 1888, с. 7.*

1890/91 г. Миллер, Орест Федорович (1833—1889), историк рус. литературы, проф. Петерб. ун-та и ВЖК. 244 т. Получ. в дар от наследников. Список — Инвентарь б-ки ВЖК (Архив НБ ЛГУ). — *Отчет комитета О-ва для дост. средств ВЖК за 1890/91 г. СПб., 1892, с. 6, 34—35.*

1894 г. Салтыков, Алексей Дмитриевич, светлейший князь (ум. 1893). 1633 назв. в 4375 т. Получ. в дар от душеприказчика владельца — И. В. Новикова. Издания XVIII — нач. XIX в. на французском и английском языках; книги по философии, истории; художественная литература. — *Отчет комитета О-ва для дост. средств ВЖК за 1893/94 г. СПб., 1895, с. 16, 51; Отчет комитета... за 1894/95 г. СПб., 1896, с. 11.*

1895 г. Шляпкин, Илья Александрович (1858—1918), историк литературы, проф. Петерб. ун-та и ВЖК. 1000 т. Получ. в дар. Книги по языкознанию и истории литературы; редкие западноевропейские изда-

ния XVII—XVIII вв. — Отчет комитета О-ва для дост. средств ВЖК за 1894/95 г. СПб., 1896, с. 5, 10; Иваск 1296.

1895 г. Клейбер, Иосиф Андреевич (1863—1892), астроном и математик, приват-доцент Петерб. ун-та и проф. ВЖК. 205 назв. в 233 т. Получ. в дар от вдовы ученого — бестужевки Л. В. Клейбер. — Отчет комитета О-ва для дост. средств ВЖК за 1894/95 г. СПб., 1896, с. 5, 10.

1895 г. Вирениус, Александр Самойлович (1832—1910), врач-гигиенист. 408 назв. в 528 т. Получ. в дар. Книги по философии и естественным наукам. Список — Инвентарь б-ки ВЖК (Архив НБ ЛГУ). — Отчет комитета О-ва для дост. средств ВЖК за 1894/95 г. СПб., 1896, с. 5, 10.

1895 г. Иксуль-фон-Гильденбанд, Варвара Ивановна, баронесса (1846—1928), писательница и общественная деятельница. 240 т. Получ. в дар. — Отчет комитета О-ва для дост. средств ВЖК за 1895/96 г. СПб., 1897, с. 14.

1897 г. Замысловский, Егор Егорович (1841—1896), историк, проф. Петерб. ун-та. 1910 назв. в 3151 т. и 1502 брошюры. Приобрет. у вдовы ученого. Книги по русской истории. — Отчет о сост. ВЖК за 1896/97 г. СПб., 1898, с. 37—39; Отчет... за 1897/98 г. СПб., 1899, с. 26.

1897 г. Обломиевский, Дмитрий Дмитриевич (1833—1897), астроном и геодезист, проф. Академии генштаба. 366 назв., в 570 т. Получ. в дар от вдовы ученого. — Отчет о сост. ВЖК за 1896/97 г. СПб., 1898, с. 39; Отчет... за 1897/98 г. СПб., 1899, с. 26.

1898 г. Константинова, Анна Осиповна, художница. 157 назв. в 300 т. Получ. в дар от Ю. М. Вохиной. Книги по истории искусств и литературы. — Отчет о сост. ВЖК за 1897/98 г. СПб., 1899, с. 27.

1899 г. Львов, Михаил Дмитриевич (1849—1899), химик, приват-доцент Технолог. ин-та, проф. ВЖК. 856 назв. Получ. в дар от вдовы владельца. Значительное число книг с автографами русских ученых конца XIX в. Список — Инвентарь б-ки ВЖК (Архив НБ ЛГУ). — Отчет о сост. ВЖК за 1898/99 г. СПб., 1900, с. 27.

1898/99 г. Палладий (1827—1898, в миру Раев, Павел Иванович), митрополит Петерб. 300 т. Получ. в дар от сыновей владельца — директора ВЖК Н. П. Раева и доктора медицины В. П. Раева. Патристика и сочинения по церковной истории. Список — Инвентарь б-ки ВЖК (Архив НБ ЛГУ). — Отчет о сост. ВЖК за 1898/99 г. СПб., 1900, с. 27.

1899/1900 г. Костычев, Павел Андреевич (1845—1895), агроном, приват-доцент Петерб. ун-та, директор Департамента земледелия. 400 т. и 800 брошюр. Получ. в дар от вдовы владельца. Книги по сельскому хозяйству. — Отчет о сост. ВЖК за 1899/1900 г. СПб., 1901, с. 31.

1900 г. Тютчев, Иван Артамонович (1834—1892), химик, проф. Киев. ун-та. 500 т. Получ. в дар от вдовы ученого; часть б-ки. Список — Инвентарь б-ки ВЖК (Архив НБ ЛГУ). — Отчет о сост. ВЖК за 1899/1900 г. СПб., 1901, с. 31.

1903/04 г. Никитенко, Софья Александровна (1840—1901), историк и переводчик, дочь литератора академика, проф. Петерб. ун-та А. В. Никитенко (1805—1877). 1060 т. Получ. в дар от наследников. Издания русских и иностранных писателей. Список — Инвентарь б-ки ВЖК (Архив НБ ЛГУ). — Отчет о сост. ВЖК за 1903/04 г. СПб., 1905, с. 55.

1904 г. Михайловский, Николай Константинович (1842—1904), публицист и социолог. 6000 т. Получ. в дар от сына владельца — Н. Н. Михайловского. Собрание общественно-политической и художественной литературы второй пол. XIX в. — Отчет комитета О-ва для дост. средств ВЖК за 1904/05 г. СПб., 1906, с. 85.

1905/06 г. Гольдштейн, Михаил Юльевич (1853—1905), химик, публицист, приват-доцент Петерб. ун-та. 692 назв. в 1640 т. и 211 бро-

шюр. Получ. в дар от наследников. Издания по физике, химии, общественным наукам. Список — Инвентарь 6-ки ВЖК (Архив НБ ЛГУ). — *ВЖК за 1907/08 г. СПб., 1909, с. 20.*

1907 г. **Жданов, Александр Маркелович** (1858—1914), астроном и геодезист, проф. Петерб. ун-та и ВЖК. 538 назв. Получ. в дар. Издания по астрономии конца XIX — нач. XX в.; книги с дарственными надписями русских и иностранных ученых. Список — Инвентарь 6-ки ВЖК (Архив НБ ЛГУ).

1908 г. **Страннолюбский, Александр Николаевич** (1839—1903), педагог, один из организаторов ВЖК и учредителей О-ва для дост. средств ВЖК. 488 назв. Получ. в дар от вдовы владельца книжное собрание и архив. Список — Инвентарь 6-ки ВЖК (Архив НБ ЛГУ). — *ВЖК за 1907/08 г. СПб., 1909, с. 20.*

1913/14 г. **Домонтович, Иван Иванович** (1815—1895), общественный деятель, оконч. Петерб. ун-т. 311 назв. в 511 т. Получ. в дар от сына владельца. Собрание редких изданий. Список — Инвентарь 6-ки ВЖК (Архив НБ ЛГУ). — *Петрогр. ВЖК за 1913/14 г. Пг., 1915, с. 144.*

1915 г. **Пушкин, Евгений Алексеевич** (ум. 1915), публицист, сенатор. 314 назв. в 415 т. Получ. в дар от вдовы владельца. Издания по юриспруденции. Список — Инвентарь 6-ки ВЖК (Архив НБ ЛГУ). — *Петрогр. ВЖК за 1914/15 г. Пг., 1916, с. 126.*

1915 г. **Красносельский, Адольф Исаакович** (1858—1915), критик и публицист. 398 назв. в 612 т. Получ. в дар от вдовы владельца. Книги по философии. Список — Инвентарь 6-ки ВЖК (Архив НБ ЛГУ). — *Петрогр. ВЖК за 1914/15 г. Пг., 1916, с. 126.*

1920 г. **Гинцбург, Давид Горацевич** (1857—1910), востоковед. 737 т. Часть 6-ки, состоявшей из 35 000 т. (*Иваск. 292*), получ. из Музея революции. Издания по языкознанию, истории, искусству. Инвентарь 1920—1929.

1920 г. **Чубинский, Михаил Павлович** (1871—), юрист, приват-доцент Петерб. ун-та. 2152 т. Инвентарь 1920—1929.

1920 г. **Филиппов, Юрий Дмитриевич**, юрист. проф. 1824 т. Инвентарь 1920—1929.

нач. 1920-х годов. **Ястребов, Николай Владимирович** (1869—1923), историк-славист, проф. Петрогр. ун-та. Получ. для 6-ки славянского семинария (ныне — в сост. филологического отд. НБ ЛГУ).

нач. 1920-х годов. **Толмачев, Иннокентий Павлович** (1872—1950), геолог, путешественник. Получ. научная часть 6-ки.

1921 г. **Розенберг, Отгон Отгонович** (1888—1920), буддолог, проф. Петрогр. ун-та. 211 назв. Получ. после смерти ученого от его друзей. Книги и их опись хранятся в восточном отд. НБ ЛГУ.

1922 г. **Б-ка Петрогр. археологического ин-та** (1877—1922). 20 000 т. (по данным на 1917 г.). До 1928 г. — филиал 6-ки ун-та, затем поступила в основную фонд 6-ки ЛГУ. — *Научные библиотеки Ленинграда. Л., 1928, с. 69, 116, 128.*

В ее составе личные 6-ки:

1886 г. **Калачов, Николай Васильевич** (1819—1885), археолог, академик, директор Археолог. ин-та. 4000 т. Получ. в дар от вдовы ученого. — *Иконников В. С. Опыт русской историографии. Т. 1, кн. 2. Киев, 1892, с. 1054; Иваск 504.*

1891 г. **Андреевский, Иван Ефимович** (1831—1891), юрист и историк, директор Археолог. ин-та. 1000 т. Получ. в дар от вдовы ученого; часть 6-ки. — *Археологический институт. — Историческое обозрение, 1891, т. 3, отд. 1, с. 242.*

1918 г. **Климковский, Николай Наркисович**, горный инженер, действительный член Археолог. ин-та, коллекционер. 1416 назв. в 1574 т. Получ. 6-ка и архив владельца. Сочинения по юриспруденции, русской истории, археологии и русской словесности. — *Иваск 553.*

1919 г. **Глазов, Владимир Гаврилович** (1848—1916), генерал от

инфантерии, министр народного просвещения (1904—1905), оконч. Петерб. Археолог. ин-т. 10867 т. Получ. по завещанию.

1920 г. **Якунчиков, Борис Михайлович**, сенатор, коллекционер. 940 т. Получ. через управление Главархива. Издания по нумизматике.

1921 г. **Целепи, Леонид Яковлевич** (1856—), историк, действительный член Археолог. ин-та, оконч. Петерб. ун-т. 1500 т. Издания по истории искусств, русской истории, славяно-русские рукописи. — *Иваск* 1243.

1928/29 г. **Б-ка 3-й гимназии**, основанной при Петерб. ун-те в 1823 г. 15 707 т. Получ. из 13-й Советской единой трудовой школы I и II ступени Центрального района г. Ленинграда.

1929 г. **Ростовцев, Михаил Иванович** (1870—1952), историк и археолог, проф. Петрогр. ун-та. 2556 т. Получ. научная часть б-ки. Издания по истории древнего мира, классической филологии, античной археологии. Все книги получили особый шифр «Р». Инвентарь 1929 (отд. том).

1929 г. **Пресняков, Александр Евгеньевич** (1870—1929), историк России, проф. ЛГУ. 957 т. Получ. в дар. Книги по истории и публицистика.

1934 г. **Фан-дер-Флит, Петр Петрович** (1839—1904), физик, проф. Петерб. ун-та. 2500 т. Получ. в дар от наследников.

1934 г. **Вальтер, Филипп Антонович** (1865—), юрист, проф. ЛГУ. 3000 т. Получ. в дар. Сочинения по праву и истории.

1937 г. **Б-ка Петрогр. историко-филологического ин-та** (1867—1918). 20 000 т. Печатный каталог книг вышел в 1897—1901 гг. С 1921 г. входила последовательно в сост. возникших на основе историко-филологического ин-та научно-исследовательских организаций. Поступила при организации филологического факультета ЛГУ (ныне — в сост. филологического отд. НБ ЛГУ). — *Научные библиотеки Ленинграда. Л., 1928, с. 32, 115, 128.*

1937 г. **Каминский, Антон Антонович** (1862—1936), климатолог, проф. ЛГУ. Приобрет. у наследников.

1938 г. **Б-ка Ленингр. восточного ин-та** (1920—1938). 110 000 т. Поступила в восточный отд. НБ ЛГУ. Издания по языкам, истории и культуре Востока. — *Кононов А. Н., Иорши И. И. Ленинградский восточный институт. М., 1977, с. 114—117.*

В ее составе личные б-ки:

1923 г. **Медников, Николай Александрович** (1858—1918), арабист, проф. Петрогр. ун-та. 455 т. Приобрет. у наследников.

1925/26 г. **Сыромятников, Сергей Николаевич** (1860—1940), публицист и путешественник. Приобрет. у владельца; часть собрания.

1928 г. **Смирнов, Василий Дмитриевич** (1846—1922), тюрколог, проф. 5000 т. Приобрет. у наследников.

1939 г. **Добиаш-Рождественская, Ольга Антоновна** (1874—1939), историк-медиевист, член-корр. АН СССР, проф. ЛГУ. Получ. по завещанию. Б-ка находится в сост. отд. общественных наук НБ ЛГУ.

1939 г. **Дерюгин, Константин Михайлович** (1878—1939), зоолог, проф. ЛГУ. 5000 т. Приобрет. у наследников.

до 1939 г. **Костычев, Сергей Павлович** (1877—1931), биохимик и ботаник-физиолог, академик, проф. ЛГУ. Часть б-ки и архив. Список книг (634 назв.) — Архив НБ ЛГУ.

1940 г. **Лавров, Петр Алексеевич** (1856—1929), филолог-славист, академик, проф. ЛГУ. Приобрет. по рекомендации академиков С. Л. Обнорского и Н. С. Державина. Собрание книг по славяноведению и византиноведению. Кроме того, в сост. НБ ЛГУ находятся 450 т. изданий по славистике, переданных П. А. Лавровым в 1914/15 г. в б-ку ВЖК. Список — Инвентарь б-ки ВЖК (Архив НБ ЛГУ). — *Петрогр. ВЖК за 1914/15 г. Паг., 1916, с. 126.*

1944 г. **Болдырев, Александр Васильевич** (1896—1941), филолог-классик, проф. ЛГУ. 963 т. Приобрет. у вдовы ученого.

1944 г. **Золотарев, Давид Алексеевич** (1885—), антрополог и этнограф, проф. ЛГУ. 3000 т. Приобрет. у наследников. Издания по этнографии.

1944 г. Кашкаров, Даниил Николаевич (1878—1941), зоолог, проф. ЛГУ.
4971 т. Приобрет. у наследников.

1945 г. Гернет, Надежда Николаевна (1877—1943), математик, проф. ВЖК, ЛГУ и Политехнического ин-та. Приобрет. у наследников.

1945 г. Богаевский, Борис Леонидович (1882—1942), историк древнего мира, проф. ЛГУ. Приобрет. у наследников.

1945 г. Филиппов, Иван Николаевич (1889—), энтомолог, проф. ЛГУ. Приобрет. у наследников.

1945 г. Хейфец, Илья Яковлевич (1880—), правовец, проф. ЛГУ. Приобрет. у наследников.

1945 г. Люблинский, Павел Исаевич (1882—1938), правовец, проф. ЛГУ.
9186 т. Приобрет. по решению Совнаркома РСФСР. Библиофильское собрание, содержащее около 1500 т. редких старопечатных книг. Описание антикварной части собрания — Архив НБ ЛГУ.

1946 г. Немилев, Антон Витальевич (1879—1942), биолог, проф. ЛГУ.
4000 т. Приобрет. у вдовы ученого. Труды по естествознанию и медицине.

1946 г. Владимирский, Александр Петрович (1886—1939), биолог, проф. ЛГУ. Приобрет. у наследников.

1955 г. Ромаскевич, Александр Александрович (1885—1942), иранист, проф. ЛГУ. Получ. в дар от проф. Г. Ф. Смыкалова. — Восточный отд. НБ ЛГУ. — *Востоковедные фонды крупнейших библиотек Советского Союза. М., 1963, с. 220.*

1955 г. Смыкалов, Георгий Феофанович (1877—1955), китаист, проф. ЛГУ. Приобрет. у наследников. Восточный отд. НБ ЛГУ. — *Востоковедные фонды крупнейших библиотек Советского Союза. М., 1963, с. 220.*

1958 г. Шишмарев, Владимир Федорович (1874—1957), филолог-романист, академик, проф. ЛГУ. 2675 т. Получ. в дар. Филологический отд. НБ ЛГУ.

1960 г. Ковалев, Сергей Иванович (1886—1960), историк древнего мира, проф. ЛГУ. Отд. общественных наук НБ ЛГУ.

1961 г. Венедиктов, Анатолий Васильевич (1887—1959), юрист, академик, проф. ЛГУ. Юридический отд. НБ ЛГУ.

1962 г. Гаваллас, Аристид Эммануилович (1888—1962), правовец, химик, проф. Военно-инженерной и Артиллерийской академий, оконч. Петерб. ун-т. 5000 т. Получ. в дар от сына владельца. — Л. А. Гавалласа. Библиофильское собрание.

1964 г. Ларин, Борис Александрович (1893—1964), языковед, проф. ЛГУ. 400 т. Получ. в дар для Словарного кабинета филологического факультета.

1967 г. Струве, Василий Васильевич (1889—1965), востоковед, академик, проф. ЛГУ. 3904 т. Приобрет. у вдовы ученого. Восточный отд. НБ ЛГУ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
От библиотеки Учительской семинарии к библиотеке Петербургского университета. 1783—1819	14
Астрономическая библиотека П. Б. Иноходцова	22
Лейпцигская покупка 1830 г.	34
«Бескорыстное усердие к общественной пользе»	42
Еще раз о «загадочном библиофиле»	49
Почетный член университета	59
Два фронтисписа	68
Старинные атласы и космографии	73
Описания путешествий XV—XVIII вв.	80
Книги о России XVI—XVII вв.	84
Находки в старинных переплетах	90
Книги, избежавшие костра	95
Три книги «русского американца»	105
Альманахи пушкинской поры	113
Прижизненные издания Пушкина	118
Библиотека запрещенных книг	128
Три издания «Капитала» (Из истории университетской коллекции марксистской литературы)	136
Неотчуждаемая ценность	144
Список важнейших книжных коллекций, хранящихся в Научной библиотеке Ленинградского университета	161

K5